

Глава I. ОСОЗНАНИЕ	1
Глава II. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КАКОЙ-НИБУДЬ БОГ?.....	3
Глава III. СТРАХ	3
Глава IV. КАК ЖИТЬ В ЭТОМ МИРЕ?.....	5
Глава V. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ	7
Глава VI. КОНФЛИКТ	9
Глава VII. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ	9
Глава VIII. ВИДЕТЬ ЦЕЛОЕ	10
Глава IX. МОРАЛЬ	11
Глава X. САМОУБИЙСТВО.....	12
Глава XI. ДИСЦИПЛИНА	14
Глава XXII. ТО, ЧТО ЕСТЬ	15
Глава XIII. ИСКАТЕЛЬ	16
Глава XIV. ОРГАНИЗАЦИЯ	17
Глава XV. ЛЮБОВЬ И ПОЛ.....	17
Глава XVI. ВОСПРИЯТИЕ	18
Глава XVII. СТРАДАНИЕ	19
Глава XVIII. СЕРДЦЕ И УМ.....	20
Глава XIX. КРАСОТА И ХУДОЖНИК	21
Глава XX. ЗАВИСИМОСТЬ	22
Глава XXI. ВЕРА	23
Глава XXII. СНОВИДЕНИЯ.....	24
Глава XXIII. ТРАДИЦИИ	25
Глава XXIV. ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ	26
Глава XXV. СЧАСТЬЕ	27
Глава XXVI. УЧЕНИЕ	28
Глава XXVII. САМОВЫРАЖЕНИЕ	29
Глава XXVIII. СТРАСТЬ.....	30
Глава XXIX. ПОРЯДОК.....	30
Глава XXX. ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО.....	31
Глава XXXI. МЕДИТАЦИЯ И ЭНЕРГИЯ	31
Глава XXXII. ОКОНЧАНИЕ МЫСЛИ.....	33
Глава XXXIII. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК	34

БРОШЕННЫЕ ДЕТИ

Вы не наблюдали такую особенность маленьких детей как чрезвычайная зависимость от телесных потребностей и нужд? Ребенку холодно – он капризничает и плачет в младенчестве. Когда вырастает – на такой же раздражитель он отвечает уже по-иному. Скажем, обвиняет родителей в том, что у него сломалась игрушка, или срывает свое зло на кошку. Ребенок не осознает действительную причину своего импульса – и никто ему в этом не помогает. Мы с детства приучаемся искать причины наших невзгод вовне от себя и, вырастая, мы, в сущности, не взрослеем. Сolidные дяди и тети, как дети, не умеют встречать вызовы жизни прямо, все до невозможности усложняя и искажая.

Говорят, что каждый день показывает нам всю историю мира, возникает из тьмы ночи и уходит в нее же. Как окружающий мир подобен себе в каждой точке, каждом цикле своего бытия, так и каждый человек со своими проблемами является отражением всех проблем планеты.

Мы, как уже сказано, ищем источник наших внутренних конфликтов и горестей вовне. Во внешнем же мире мы ищем и понимания путей прекращения всех неприятностей. Чаньский наставник Линьцзы с горечью констатировал: "потеряв свою собственную голову, мы ищем ее в другом месте".

Нам явно не хватает хорошей воспитывающей среды, даже здоровый и сильный человек чахнет в той "пустыне духа", которую представляет собой сегодня общество всех стран. Мы все просто беспризорники – некому посмотреть за нами, чтобы мы правильно питались, не ломали деревьев в саду, не ссорились. Некому привить нам вкус к гармонии, дать правильное образование. Брошенные дети! Одни на своей планете... Целая цивилизация детей, с врожденным поражением чувствительности и разума. Она не ведает, что творит. Страшное зрелище!

Сегодня, на исходе тысячелетия, многие люди (у кого гены не так сильно повреждены) начинают взрослеть и хватаются за голову – недра Земли выхолощены, воздухом трудно дышать, в реках нельзя купаться, из мельчайшей искры по пустяку вспыхивает пламя вооруженных конфликтов, а при тысячекратном росте производства миллионы людей влачат нищенское существование! Что делать? Сытый голодного не вразумит, а зрячий не поставит слепого на путь истинный. Политического решения глобальных вопросов нет. Нет никаких наций и госу-

дарств как субъектов разумных действий. Есть лишь мы с вами – ничейная ватага неудачливых детей, которые придумали себе гимны, флаги, должности, самоутверждаются в них и трясутся при этом от страха...

Очевидно, что "нужна немедленная психологическая революция", – как пишет Дж.Кришнамурти, – в противном случае никакие законы и санкции не помешают незрелому, неразумному подавляющему большинству людей загадить и уничтожить планету. Очевидно также, что вопрос "как осуществить эту революцию?" не может быть поставлен. Ответа на него просто никто, не знает – ни передовой класс, ни организованная "истинная" религия. Важно просто всем осознать, что меняться жизненно необходимо. Уже в самом виденье неотложности изменений заключено спасение – и нас и мира вокруг...

Михаил Кирюшкин

Глава I. ОСОЗНАНИЕ

Посетитель: Мне хотелось бы узнать, что вы подразумеваете под осознанием, потому что вы часто говорили, что осознание – это подлинное содержание вашего учения. Я старался понять этот вопрос, слушая ваши беседы и читая ваши книги; но мне кажется, что я ушел не очень далеко. Я знаю, что это не какая-то практика, и я понимаю, почему вы так настойчиво отвергаете любого рода практику, тренировку, систему, дисциплину или рутину. Я понимаю, как это важно: ведь иначе осознание становится механическим, и к концу его ум делается тусклым и глупым. Если можно, мне хотелось бы подвергнуть вместе с вами исследованию вопрос о том, что это значит – осознавать. Вы, как будто, придаете этому слову некоторый дополнительный, более глубокий смысл; и все же мне кажется, что мы постоянно осознаем происходящее. Когда я опечален, я это знаю; знаю и когда я счастлив.

Кришнамурти: Интересно, действительно ли мы осознаем гнев, печаль, счастье? Или мы осознаем эти состояния только тогда, когда они уже прошли? Давайте начнем обсуждение этого вопроса, как если бы мы совсем ничего о нем не знали – с самого начала. Не будем делать никаких утверждений, догматических или скрытых, но просто исследуем этот вопрос. Если проникнуть в него по-настоящему весьма глубоко, он откроет нам некоторое необычное состояние, с каким наш ум, вероятно, никогда не соприкасался, измерение, не затрагиваемое поверхностным осознанием. Начнем с поверхностного явления и разберем его до конца.

Мы видим глазами, мы воспринимаем органами чувств окружающие нас предметы – окраску цветов, колибри над цветком, свет этого калифорнийского солнца, целую тысячу звуков различного качества и различной тонкости, глубину и высоту, тень дерева и само дерево. Точно так же мы ощущаем свои собственные тела, которые суть орудия этих разнообразных поверхностных чувственных восприятий. Если бы восприятия оставались на поверхностном уровне, никакой путаницы не было бы. Этот цветок, анютины глазки, роза – вот они здесь; все так и есть. Нет никакого предпочтения, никакого сравнения, никаких "нравится" или "не нравится", – а есть только находящаяся перед нами вещь без какой-либо психологической вовлеченности. Полностью ли ясно вам это поверхностное чувственное восприятие, или поверхностное осознание? Его можно расширить до самых звезд, до глубины морей, до конечных пределов научного наблюдения при помощи использования всех инструментов современной техники.

Посетитель: Да, я думаю, мне это понятно.

Кришнамурти: Итак, вы видите, что вот эта роза, как и вся вселенная, и люди внутри нее, и ваша жена, если она у вас есть, звезды, моря, горы, микробы, атомы, нейтроны, эта комната, дверь – все они действительно существуют. Теперь – следующий шаг: то, что вы думаете об этих вещах, что чувствуете по отношению к ним, есть ваша психологическая реакция на них; и мы называем это мыслями или эмоциями. Так что поверхностное осознание есть очень простая вещь – вон там дверь! Но описание двери – это не сама дверь; и когда вы эмоционально поглощены описанием, вы не видите двери. Таким описанием может быть одно слово, или научный трактат, или сильная эмоциональная реакция; но ничто из этого

не является самой дверью. Если мы этого не поймем, мы будем запутываться все больше и больше. Описание никогда не бывает описываемым предметом. Хотя даже и сейчас мы описываем нечто, – и нам необходимо описывать, – вещь, которую мы описываем, не является нашим описанием ее. Поэтому, пожалуйста, в течение всей нашей беседы имейте это в виду. Никогда не смешивайте слово с той вещью, которую оно описывает. Слово никогда не бывает реальностью; а мы легко увлекаемся, когда переходим к следующей стадии осознания, где оно становится личным, и благодаря слову делается эмоциональным.

Итак, существует поверхностное осознание дерева, птицы, двери; и есть реакция на него – мысль, чувство, эмоция. Теперь, когда мы осознали эту реакцию, мы могли бы назвать ее второй глубиной осознания. Существует осознание розы и осознание реакции на розу. Зачастую эту реакцию на розу мы не осознаем. В действительности же здесь одно и то же осознание видит розу и видит реакцию; это одно движение и было бы ошибочным говорить о внешнем и внутреннем осознании. Когда налицо зрительное осознание дерева без какой-либо психологической вовлеченности, во взаимоотношениях нет разделения. Но когда существует психологическая реакция на дерево, такая реакция будет обусловленной; это – реакция памяти, прошлого опыта; и эта реакция есть разделение во взаимоотношениях. Она представляет собой рождение того, что мы назовем "я" и "не-я" в процессе взаимоотношений. Вот таким образом вы ставите себя во взаимоотношения с миром, так создаете индивида и общество. Мир видится не таким, каков он есть, а в своих разнообразных взаимоотношениях с "я", которое есть принадлежность памяти. Подобное разделение – это жизнь, это расцвет всего того, что мы называем своим психологическим бытием, и как раз отсюда возникает все противоречия и разделения. Вполне ли вы уверены, что восприняли это? Когда существует осознание дерева, тогда нет оценки. Но когда имеется реакция на дерево, когда о нем выносятся суждения, когда оно нравится или не нравится, тогда в этом осознании имеет место разделение на "я" и "не-я", причем "я" отлично от наблюдаемого предмета. Такое "я" во взаимоотношениях представляет собой ответ со стороны прошлого, памяти, былого опыта. И вот может ли существовать осознание, наблюдение дерева, без какого-либо суждения, может ли существовать также наблюдение ответа, реакции, без какого-либо вывода?

Таким путем мы искореним принцип разделения, принцип "я" и "не-я", когда смотрим на дерево и на себя.

Посетитель: Я стараюсь следить за вами. Посмотрим, правильно ли я понял вас. Существует осознание дерева – это я понимаю. Существует психологическая реакция на дерево – мне понятно и это. Такая психологическая реакция составлена из прошлых воспоминаний и прошлого опыта; это чувства "мне нравится" и "мне не нравится", это разделение на "дерево" и "меня". Да, думаю, я понимаю все это.

Кришнамурти: Так ли это вам ясно, как ясно само дерево, или тут только ясность описания? Помните, как мы уже сказали, предмет описания – это не описание. Что же вы получили: самый предмет или его описание?

Посетитель: Думаю, что предмет.

Кришнамурти: Поэтому здесь нет "я", которое представляет собой описание в процессе видения этого факта. В виденье любого факта "я" нет. Существует или "я", или виденье; обоих быть не может. "Я" – это отсутствие видения. "Я" не в состоянии видеть, "я" не может осознавать.

Посетитель: Разрешите мне здесь остановиться. Я думаю, что почувствовал сказанное, но мне нужно, чтобы оно погрузилось в глубину. Можно мне завтра прийти еще раз?

Посетитель: Я думаю, что понял по-настоящему, не на словесном уровне, то, что вы сказали вчера. Существует осознание дерева, существует обусловленная реакция на дерево, и эта обусловленная реакция есть конфликт; это действие памяти и прошлых переживаний, чувство "мне нравится" и "мне не нравится", это предубежденность, Я понимаю также, что эта реакция со стороны предубежденности есть рождение того, что мы называем "я" или цензором. Мне ясно видно, что это "я", "мое", существует во всех взаимоотношениях. Ну, а существует ли какое-нибудь "я" вне взаимоотношений?

Кришнамурти: Мы увидели, как тяжело обусловлены наши реакции. Когда вы спрашиваете, существует ли "я" вне взаимоотношений, пока нет свободы от этих обусловленных ответов, ваш вопрос становится просто спекулятивным. Понимаете ли вы это? Поэтому наш первый вопрос – не о том, существует или нет "я" вне обусловленных реакций, а скорее о том, способен ли ум, в который включены и все наши чувства, быть сво-

бодным от этой обусловленности, которая есть прошлое. Прошлое – это и есть "я". В настоящем нет никакого "я". Пока ум оперирует в прошлом, налицо "я", и ум есть это прошлое, ум есть это "я".

Вы не можете сказать, что существует ум и существует прошлое – неважно, какой давности это прошлое: несколько дней или десять тысяч лет. И вот мы спрашиваем: может ли ум освободиться от вчерашнего дня? Таким образом, в вопрос включено несколько аспектов, не правда ли? Во-первых, имеется поверхностное осознание. Затем – осознание обусловленной реакции. Далее – постижение того факта, что ум есть прошлое, что ум и есть эта обусловленная реакция. Потом имеется вопрос о том, может ли ум освободиться от прошлого. И все это представляет собой одно целостное действие осознания, потому что здесь нет никаких умозаключений. Когда мы говорим, что ум есть прошлое, это понимание является не словесным выводом, а действительным восприятием факта. У французов есть особое слово для такого восприятия факта: они называют его "констатацией". Когда мы спрашиваем, может ли ум быть свободным от прошлого, кто задает вопрос – не тот ли цензор, не то ли самое "я", которое и есть само это прошлое?

Посетитель: Но разве может ум быть свободным от прошлого?

Кришнамурти: Кто задает этот вопрос? То ли существо, которое представляет собой результат огромного числа конфликтов, воспоминаний и переживаний – не оно ли задает этот вопрос? Или он возникает сам по себе из восприятия факта? Если данный вопрос является вопросом наблюдателя, тогда этот наблюдатель пытается ускользнуть от факта собственного существования, "ибо, – говорит он, – я так долго жил в страданиях, в тревогах, в печали, и мне хотелось бы выйти за пределы этой постоянной "борьбы". Если он задает такой вопрос в силу именно этого мотива, его ответом будут поиски убежища в какой-то форме бегства. Человек или отворачивается от факта, или смотрит на него. И вот слово, символ есть средство отвернуться от факта. В самом деле, разве простая постановка данного вопроса уже не является актом бегства? Давайте же осознаем, является или нет заданный вопрос актом бегства. Если да, то это просто шум. Если же здесь нет наблюдателя, тогда существует безмолвие, полное отрицание всего прошлого.

Посетитель: Тут я ничего не понимаю. Как могу я за несколько секунд стереть прошлое?

Кришнамурти: Будем иметь в виду, что мы обсуждаем осознание, что мы с вами беседуем о проблеме осознания.

Есть дерево – и есть обусловленная реакция на дерево, представляющая собой "я" во взаимоотношениях, то "я", которое есть самый центр конфликта. И вот это ли "я" задает вопрос? – то ли самое "я", которое, как мы сказали, является самой структурой прошлого? Если такой вопрос задан не структурой прошлого, не этим "я", – тогда нет и структуры прошлого. Когда же этот вопрос задает сама данная структура, она действует по отношению к факту существования самой себя: она боится себя и действует с целью убежать от себя. Когда же этот вопрос задан не ею, тогда она не действует по отношению к самой себе. Повторим: есть дерево, есть слово, реакция на дерево, которая представляет собой цензора, "я", приходящее из прошлого; и затем существует вопрос: могу ли я спастись от всей этой суматохи, от всех мучений? Если данный вопрос задает само "я", оно благодаря ему увековечивает самого себя.

И вот, осознав это, оно не задает вопроса! Когда налицо осознание, понимание того, что подразумевает данный вопрос, задать его нельзя. Ум совсем не задает такого вопроса, потому что видит ловушку. Понятно ли вам теперь, что все осознание поверхностно? Это и есть то же самое осознание, которое видит дерево.

Посетитель: А разве есть какой-либо иной вид осознания? Разве существует какое-то другое измерение для осознания?

Кришнамурти: Опять-таки, будем осторожны, убедимся со всей ясностью, что мы задаем этот вопрос не под влиянием какого-то мотива. Если здесь есть некоторый мотив, мы снова оказываемся в ловушке обусловленного ответа. Когда наблюдатель полностью безмолвен, – а не принужден к безмолвию, – тогда, несомненно, проявляется некое другое качество осознания.

Посетитель: Какое же действие при каких бы то ни было обстоятельствах возможно без наблюдателя – какой вопрос или какое действие?

Кришнамурти: Еще раз – откуда вы задаете вопрос: с этого берега реки или с того берега? Если вы находитесь на другом берегу, вы не зададите такого вопроса; а если вы находитесь на этом берегу, ваше действие бу-

дет привязано к этому берегу, так что остается лишь осознание этого берега со всей его структурой, его природой, со всеми ловушками; и пытаться спастись от ловушки, значит попасть в другую ловушку. Какая во всем этом смертельная монотонность! Осознание показало нам природу ловушки, и поэтому в нем существует отрицание всех ловушек; так что сейчас ум пуст, в нем не содержится ни "я", ни ловушки. Этот ум обладает каким-то другим измерением осознания. Это осознание не осознает своего осознания.

Посетитель: Бог мой, это слишком уж трудно! Вы говорите такие вещи, которые кажутся правильными, звучат, как истина; но я все еще не могу туда добраться. Можете ли вы выразить все это по-иному? Можете ли вы вытолкнуть меня из моей ловушки?

Кришнамурти: Никто не в состоянии вытолкнуть вас из вашей ловушки — никакой гуру, никакой наркотик, никакая мантра, никто, в том числе и я. Никто, а в особенности я. Все, что вам нужно делать, — это осознавать от начала и до конца, не делаться невнимательным в середине осознания. Это новое качество осознания есть внимание, и в таком внимании нет границы, проведенной "я". Это внимание и есть высочайшая форма добродетели, поэтому оно являет собой любовь. Здесь высочайшее понимание; и внимания не может быть, если вы нечувствительны к структуре и природе этих ловушек, созданных человеком.

Глава II. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КАКОЙ-НИБУДЬ БОГ?

Посетитель: Я хотел бы по-настоящему знать, существует ли какой-нибудь бог. Если нет, то жизнь не имеет смысла. Не зная бога, человек изобретал его в тысячах верований и образов. Разделение и страх, порожденные всеми этими верованиями, отделили человека от его собратьев-людей. Чтобы избавиться от страданий и зла, вызванных этим разделением, он создает еще новые верования, но попадает в пучину возрастающего смятения и горя. Не зная, мы верим. Могу ли познать Бога? Я задавал этот вопрос многим святым в Индии и здесь; и все они подчеркивали значение веры. "Верь, и тогда узнаешь; без веры ты никогда не сможешь узнать". А что думаете вы?

Кришнамурти: Необходима ли вера для того, чтобы найти? Учиться гораздо важнее, чем знать. Исследование веры есть конец веры. Когда ум свободен от веры, тогда он способен смотреть. Именно вера или неверие связывают; потому что неверие и вера — одно и то же; это противоположные стороны одной и той же монеты. Поэтому мы не можем целиком отбросить положительную или отрицательную веру; верующий и неверующий одинаковы. И когда вера действительно отброшена, тогда вопрос: "Существует ли какой-нибудь бог?" обладает совершенно иным смыслом. Слово "бог" со всей его традицией, с его интеллектуальными и эмоциональными значениями — все это не бог. Слово не есть реальность. Так вот, может ли ум быть свободным от слова?

Посетитель: Я не знаю, что это значит.

Кришнамурти: Слово есть традиция, надежда, желание найти абсолютное, попытка обрести конечное, движение, которое придает жизненность существованию. Таким образом, само слово становится конечным пределом; однако мы можем видеть, что слово — это не вещь. Ум есть слово, и слово есть мысль.

Посетитель: И вы просите меня полностью освободиться от слова? Как могу я это сделать? Слово есть прошлое, это память. Жена — это слово, и дом — это слово. В начале было слово. Слово есть также средство общения, опознавания. Ваше имя — не вы, но все же без вашего имени мне нельзя было бы спросить о вас. И вы спрашиваете меня, может ли ум быть свободным от слова, то есть, может ли ум быть свободным от собственной деятельности.

Кришнамурти: В случае дерева предмет находится у нас перед глазами, и слово относится к дереву по всеобщему соглашению. А вот для слова "бог" нет ничего, к чему оно относилось бы; поэтому каждый человек создает собственный образ того, на что нет никаких указаний. Теолог делает это одним способом, интеллигент — другим; верующий и неверующий — своими различными способами. Надежда порождает эту веру, а затем искание. Такая надежда есть следствие отчаяния, которое мы видим вокруг себя во всем мире. Из отчаяния рождается надежда; и это тоже две стороны одной и той же монеты. Когда нет никакой надежды, существует ад; страх ада придает нам жизненность надежды. Тогда начинается иллюзия. Таким образом, слово привело нас к иллюзии, а совсем

не к богу.

Бог есть иллюзия, который мы поклоняемся; и неверующий создает иллюзию другого божества, которому поклоняется он: это государство, или какая-нибудь утопия, или какая-нибудь книга, которая, как он думает, содержит всю истину. Поэтому я и спрашиваю вас, можете ли вы быть свободным от слова с его иллюзией.

Посетитель: Мне нужно медитировать об этом.

Кришнамурти: Если нет никакой иллюзии, что остается?

Посетитель: Только то, что есть.

Кришнамурти: Вот это "то, что есть" и является самым священным.

Посетитель: Если "то, что есть" является самым священным, тогда самым священным являются война, ненависть, беспорядок, страдание, скупость, грабеж. Тогда нам вообще не следует говорить о какой-нибудь перемене. Если "то, что есть" священо, тогда каждый убийца, грабитель и эксплуататор может сказать: "Не троньте меня, то, что я делаю, священно".

Кришнамурти: Сама простота этого утверждения — "То, что Есть", является наиболее священным — ведет к большому непониманию потому, что мы не видим его истины. Если вы видите, что то, что есть, священо, вы не убиваете, вы не ведете войн, вы не надеетесь, не эксплуатируете. Совершая такие поступки, вы не можете провозглашать свою неприкосновенность, исходя из истины, которую сами нарушили. Белый человек, который заявляет черному мятежнику: "То, что есть, священо, так что не создавай помех, не устраивай поджогов" — ничего не увидел; ибо если бы он видел истину, негр был бы для него священным, и последнему не было бы необходимости устраивать поджоги. Поэтому если каждый из нас увидит истину, перемена должна произойти. Такое видение истины и есть перемена.

Посетитель: Я пришел сюда выяснить, если ли Бог, а вы полностью меня смутили.

Кришнамурти: Вы пришли спросить, если ли Бог. Мы сказали: слово ведет к иллюзии, которой мы поклоняемся, и ради этой иллюзии мы добровольно уничтожаем друг друга. Когда нет никакой иллюзии, тогда "то, что есть" является самым священным. Теперь давайте посмотрим на то, что действительно существует. В данный момент "то, что есть" может представлять собой страх или крайнее отчаяние, или мимолетную радость. Эти вещи непрерывно меняются. Существует также наблюдатель, который говорит: "Все эти вещи вокруг меня изменяются, а я остаюсь неизменным". Разве это факт, разве здесь, перед нами, то, что есть в действительности? Разве и он также не меняется, не прибавляет нечто к себе и не отнимает чего-то от себя, разве он не подвергается видоизменениям, не приспособливается, не становится чем-то? Итак, наблюдатель и объект наблюдения постоянно изменяются. То, что есть — это изменение. Таков факт. Он и представляет собой "то, что есть".

Посетитель: Тогда подвержена ли перемене любовь? Если все представляет собой движение изменений, не является ли и любовь частью этого движения? Если же любовь подвластна изменению, тогда я могу сегодня любить одну женщину, а завтра спать с другой.

Кришнамурти: Разве это любовь? Или вы говорите, что любовь отличается от своего выражения? Или вы придаете выражению больше значения, чем самой любви — и потому создаете противоречие и конфликт? Может ли любовь когда-нибудь оказаться уловленной в колесо перемен? Если так, тогда она может быть и ненавистью; тогда любовь и есть ненависть. "То, что есть" бывает самым священным только тогда, когда нет иллюзии; тогда "то, что есть" — это бог или всякое иное имя, которое можно употребить. Поэтому бог — или как бы вы это ни называли, — существует тогда, когда вас нет. Когда вы существуете, его нет. Когда вас нет, есть любовь. Когда существуете вы, любви нет.

Глава III. СТРАХ

Посетитель: Я принимал различные наркотики, но сейчас свободен от них. Почему я так всего боюсь? По утрам я просыпаюсь, парализованный страхом; мне с трудом удается встать с кровати. Мне страшно выходить из дому, и я также боюсь оставаться дома. Внезапно, когда я веду автомобиль, меня охватывает этот страх, и я весь день нервничаю, обливаюсь

потом, ощущая тревогу, а к концу дня оказываюсь совершенно без сил. Иногда в компании немногих близких друзей или в доме родителей я утрачиваю свой страх, но это случается редко; тогда я чувствую себя счастливым, спокойным, совершенно спокойным. Сегодня, когда я ехал сюда в автомобиле, я чувствовал боязнь увидеть вас; но когда я подъехал к дому и зашагал к двери, я неожиданно утратил свой страх. И вот сейчас, сидя здесь, в этой приятной спокойной комнате, я чувствую себя столь счастливым, что не могу понять, чего я всегда опасался. В эту минуту я не ощущаю страха, я могу улыбаться и от души сказать, что очень рад вас видеть. Но ведь я не в состоянии остаться у вас навсегда; и я знаю, что когда уйду отсюда, меня снова укутает облако страха. Вот с чем мне пришлось встретиться; я был у множества психиатров и психоаналитиков здесь и за границей; однако они только копаются в воспоминаниях моего детства – и мне это опротивело потому, что сам страх совсем не исчез.

Кришнамурти: Забудем воспоминания детства и весь этот вздор, перейдем к настоящему. Вот вы находитесь здесь; и вы говорите, что сейчас не чувствуете страха; в данный момент вы счастливы и едва можете представить тот страх, который ощущали. Почему же сейчас у вас нет страха? Является ли тому причиной эта спокойная чистая комната хороших пропорций, обставленная с большим вкусом, это чувство приветливой теплоты, которое вы испытываете? Потому ли вы теперь не боитесь?

Посетитель: Частично это так. Возможно, это связано с вами. Я слышал вашу беседу в Швейцарии, слышал вас и здесь, и я чувствую по отношению к вам особого рода дружбу. Но я не хочу находиться в зависимости от красивых домов, доброжелательной атмосферы и хороших друзей, чтобы не бояться. Когда я иду к родителям, я ощущаю то же самое чувство теплоты. Однако в их доме царит мертвящая атмосфера: все семьи ужасны с их мелочной, замкнутой деятельностью, с их ссорами, со всей вульгарной, громкой болтовней ни о чем, с их лицемерием. Меня тошнит от этого. Все же, когда я иду к ним, там существует известная теплота, и я действительно в течение некоторого времени ощущаю свободу от страха. Психиатры не могут сказать мне, чего я боюсь. Они называют мое состояние "блуждающим страхом". Это какая-то черная, бездонная, ужасающая пропасть. Я истратил на анализ много денег и времени, но в действительности он мне ничем не помог. Как же мне быть?

Кришнамурти: Не в том ли дело, что вы – чувствительный человек и нуждаетесь в каком-то убежище, в некоторой безопасности; будучи неспособны найти их, вы боитесь этого безобразного мира. Чувствительны ли вы?

Посетитель: Да, я думаю, что это так. Да, я чувствительный человек, хотя, пожалуй, не в том смысле, в каком вы употребляете это слово. Я не люблю шум, суету, вульгарный характер нынешнего современного существования; мне не нравится то, как вас сегодня отовсюду оглушают сексом, не нравится вся постановка дела, когда вам надо пробивать дорогу к какому-нибудь ничтожнейшему скверному месту. Действительно, все это меня пугает. Не то, чтобы я сам не мог бороться и завоевать себе положение, но такой образ действий вызывает во мне болезненный страх.

Кришнамурти: Чувствительные люди в большинстве своем нуждаются в спокойном убежище, в теплой дружеской атмосфере. Или они сами создают ее для себя, или находятся в зависимости от других людей, которые могут им дать ее – от семьи, от жены, от мужа, от друга. Если ли у вас такой друг?

Посетитель: Нет. Я боюсь зависеть от такого друга, а потому боюсь его.

Кришнамурти: Итак, вот наш вопрос: чувствительность, которая требует некоторого убежища, и зависимость от других, дающая вам такое убежище. Налицо чувствительность и зависимость; обе они зачастую идут рука об руку. И так что ваша зависимость все более и более возрастает, пропорционально ей растет и страх. Это порочный круг. Производили ли вы исследование того, почему вы попадаете в зависимость? Мы зависим от почтальона, от физических удобств и тому подобного; это очень просто. В своем физическом благосостоянии мы зависим от людей и от вещей, они необходимы, чтобы мы могли жить; такое положение вполне естественно и нормально. Нам приходится зависеть от того, что можно назвать организационной стороной общества. Но мы также находимся в психологической зависимости, и подобная зависимость, хотя она и приносит нам успокоение, порождает страх. Почему же мы оказываемся в психологической зависимости?

Посетитель: Теперь вы говорите мне о зависимости, а я пришел сюда поговорить о страхе.

Кришнамурти: Рассмотрим оба явления, потому что они связаны друг с другом, как мы это увидим дальше. Вы не возражаете, если мы рассмотрим их оба? Итак, мы говорили о зависимости. Что такое зависимость? Не есть ли зависимость отрицание свободы? Отнимите у человека дом, мужа, жену, детей, имущество – и чем будет человек, если у него отнять все это? Внутри самого себя он неполон, пуст, потерян. И вот вследствие этой пустоты, которой он боится, он находится в зависимости от собственности, от людей и верований. Бы можете ни капли не сомневаться во всех вещах, от которых зависите, так что вам даже в голову не придет, что вы в состоянии когда-либо их лишиться, – лишиться любви своей семьи или жизненных удобств, – однако страх продолжает существовать. Поэтому нам необходимо установить со всей ясностью, что любая форма психологической зависимости неизбежно должна порождать страх, хотя вещи, от которых вы зависите, могут казаться почти неразрушимыми. Страх возникает из этой внутренней неполноты, внутренней нищеты и пустоты. Так видите ли вы теперь, что у нас имеется три вопроса: чувствительность, зависимость и страх? Эти три предмета взаимно связаны. Возьмите чувствительность: чем более вы чувствительны (если вы не понимаете, как остаться чувствительным без зависимости, как быть ранним без агонии), тем более вы зависимы. Затем возьмите зависимость: чем более вы зависимы, тем сильнее ваше внутреннее отвращение и потребность быть свободным. Эта потребность в свободе поощряет страх, потому что она представляет собой реакцию, а не свободу от зависимости.

Посетитель: А вы находитесь в зависимости от чего-нибудь?

Кришнамурти: Конечно, физически я нахожусь в зависимости от пищи, одежды и жилья, но психологически, внутренне я ни от чего не завишу – ни от богов, ни от общественной морали, ни от какой-либо веры, ни от людей. Но вопрос в том, зависим ли я, к делу не относится. Итак, продолжим: страх – это осознание нашей внутренней пустоты, нашего одиночества, нашей нищеты, нашей неспособности чего-либо с этим сделать. Мы заняты только страхом, который порождает зависимость и в свою очередь возрастает в результате зависимости. Если мы понимаем страх, мы понимаем также и зависимость. Поэтому для понимания страха должна существовать чувствительность, чтобы можно было открыть его, понять, как он проявляется. Если человек вообще невосприимчив, он начинает сознавать свою собственную необычайную пустоту; это – безданный пропасть, которую невозможно заполнить вульгарными развлеченными в виде наркотиков или церкви, общественными увеселениями. Ничто никогда ни в состоянии ее заполнить. Вы знаете это, и страх возрастает. Такое обстоятельство приводит вас к зависимости, которая делает вас все более и более нечувствительным. Осознавая это, вы боитесь. Поэтому теперь наш вопрос заключается в следующем: как можно человеку перейти за пределы этой пустоты, этого одиночества? – но тут вопрос не в том, как быть самодостаточным, не в том, как постоянно скрывать эту пустоту под камуфляжем.

Посетитель: Почему вы говорите, что вопрос не в том, как стать самодостаточным?

Кришнамурти: Потому что, если вы самодостаточны, вы более не обладаете чувствительностью, вы сделали самодовольным и черствым, безразличным и замкнутым. Быть независимым, выйти за пределы зависимости, не означает стать самодостаточным. Способен ли ум встретиться лицом к лицу с такой пустотой и жить с ней, не спасаясь бегством в каком-либо направлении?

Посетитель: Мысль о том, что мне придется жить с ней все время, сводит меня с ума!

Кришнамурти: Любое движение прочь от этой пустоты есть бегство. И такое бегство от чего-то, от "того, что есть", представляет собой страх. Страх – это бегство от чего-то. То, что есть – это не страх; это – бегство, которое есть страх; именно оно сводит вас с ума, а не пустота сама по себе. Так что же такое эта пустота, это одиночество? Как оно проявляется? Несомненно, благодаря сравнению и измерению, не правда ли? Я сравниваю себя со святым, с мастером, с великим музыкантом, с человеком, который знает, с человеком, который достиг. В этом сравнении я нахожу себя неполноценным, недостаточным; у меня нет таланта, я ничего, я ниже, я не "постиг", а тот человек представляет собой нечто. Таким образом, благодаря измерению и сравнению образуется огромная трещина пустоты и ничтожества. Бегство от этой трещины есть страх. А

страх не дает нам возможность понять бездонную пропасть; это невроз, который питается за счет самого себя. Опять-таки подобное измерение, сравнение представляет собой самую суть зависимости. И вот мы снова пришли к зависимости, мы замкнулись в порочном круге.

Посетитель: В этой дискуссии мы проделали долгий путь, и явления стали более ясными. Существует зависимость; возможно ли не быть зависимым? Да, я думаю, что это возможно. Затем мы имеем страх; можно ли вообще не убегать от пустоты, иными словами, не искать спасения в страхе? Да, я полагаю, возможно. Это значит, что мы остаемся с пустотой. Далее, возможно ли встретиться с этой пустотой лицом к лицу, поскольку мы перестали убегать от нее, гонимые страхом? Да, я думаю, что и это возможно. Наконец возможно ли не измерять, не сравнивать? Ибо если мы зашли так далеко, — и я думаю, что так оно и есть, что остается только эта пустота, — тогда видно, что пустота есть результат сравнения. Видно также, что зависимость и страх суть последствия пустоты. Итак, существует сравнение, пустота, страх, зависимость. Но способен ли я действительно жить без сравнения, без измерения?

Кришнамурти: Конечно, для того, чтобы расстелить на полу ковер, нужно определить размеры.

Посетитель: Да, но я имею в виду психологическое сравнение.

Кришнамурти: Знаете ли вы, что это такое — жить без психологического сравнения, когда всю свою жизнь вы были обусловлены для сравнения — в школе, в играх, в университете, в учреждении? Сравнение — это все! Жить без сравнения! Знаете, что это значит? Это значит отсутствие зависимости, отсутствие самодостаточности; никаких исканий, никаких просьб; следовательно, это означает — любить. Любовь не имеет сравнения и поэтому свободна от страха. Любовь не осознает себя, как любовь, потому что слово — это не вещь.

Глава IV. КАК ЖИТЬ В ЭТОМ МИРЕ?

Посетитель: Пожалуйста, сэр, не могли бы вы мне сказать, как мне жить в этом мире? Я не хочу быть его частью, однако мне приходится жить в нем: мне надо иметь дом и зарабатывать на жизнь. И мои соседи — люди этого мира; мои дети играют с их детьми; и вот таким образом поневоле делаешься частью этого уродливого беспорядка. Мне нужно выяснить, как жить в этом мире, не убегая от него, не уходя в монастырь, не пускаясь в кругосветное путешествие на парусном судне. Я хочу воспитать своих детей иначе, но сначала мне самому надо узнать, как жить в окружении этой массы насилия, жадности, лицемерия, соперничества и грубости.

Кришнамурти: Не будем делать из этого проблему. Когда нечто становится проблемой, мы захвачены ее решением; и тогда проблема делается клеткой, преградой для дальнейшего исследования и понимания. Поэтому не будем сводить всю жизнь к одной обширной и сложной проблеме. Если этот вопрос задан для того, чтобы преодолеть общество, в котором мы живем, или найти ему замену, или попытаться убежать от него, это должно с необходимостью привести к лицемерной и противоречивой жизни. Данный вопрос подразумевает также полное отрицание любой идеологии, не правда ли? Если вы по-настоящему исследуете, вы не можете начинать с вывода; а все идеологии представляют собой вывод. Поэтому нам необходимо начать с выяснения того, что вы подразумеваете под жизнью.

Посетитель: Прошу вас, сэр, пойдемте шаг за шагом.

Кришнамурти: Очень рад, что мы можем углубиться в этот вопрос терпеливо, шаг за шагом, с исследовательским умом и сердцем. Итак, что вы подразумеваете под жизнью?

Посетитель: Я никогда не пробовал выразить это в словах. Я нахожусь в затруднении, не знаю, как жить, что делать. Я утратил веру во все — в религию, в философские системы, в политические утопии. Существует война между индивидами и между целыми нациями. В этом перmissивном обществе все дозволено — убийства, бунты, циничное угнетение одной страны другой; и никто ничего не предпринимает по этому поводу, так как вмешательство могло бы означать мировую войну. Я столкнулся со всем этим и не знаю, что делать, не знаю, как вообще жить. Мне и не хочется жить среди такого смятения.

Кришнамурти: Чего же вы добиваетесь — просто другого образа жизни

или некоторой совершенно новой жизни, которая приходит с пониманием старой? Если вы хотите вести иную жизнь, не поняв того, что вызвало это смятение, вы всегда будете находиться в противоречии, в конфликте, в смятении. И, конечно, это совсем не новая жизнь. Итак, чего вы добиваетесь: новой жизни или видоизмененного продолжения старой, или понимания этой старой жизни?

Посетитель: Мне совсем не ясно, чего я хочу; но я начинаю видеть, чего я не хочу.

Кришнамурти: Я на чем основано то, чего вы не хотите: на вашем свободном понимании или на вашем удовольствии и страдании? Выносите ли вы суждение исходя из своего бунта, или вы понимаете причины этого конфликта и несчастья и, увидев их, отвергаете их?

Посетитель: Вы предлагаете мне слишком много вопросов. Все, что я знаю, — это то, что я хочу вести жизнь другого рода. Я не знаю, что это значит; я не знаю, почему я ищу ее; и, как я сказал, я совершенно сбит с толку всем происходящим.

Кришнамурти: Ваш основной вопрос — как вам жить в этом мире, не так ли? Прежде, чем вы это выясните, давайте сначала посмотрим, что представляет собой этот мир. Мир — это не только то, что нас окружает, это также наши взаимоотношения со всеми вещами и людьми, наше отношение к самим себе и к идеям. Иными словами, наши взаимоотношения с собственностью, с людьми, с идеями — фактически наши взаимоотношения с потоком событий, который мы называем жизнью. Это и есть мир. Мы видим разделение на национальности, на религиозные, экономические, социальные, политические и этнические группы; весь мир разбит и разорван во внешней жизни, равно как все люди разорваны во внутренней жизни. Фактически эта внешняя разорванность является проявлением внутреннего разделения человека.

Посетитель: Да, я очень ясно вижу эту разорванность; я также начинаю понимать, что в ней повинен сам человек.

Кришнамурти: Именно вы и есть этот человек!

Посетитель: Так могу ли я жить иначе, могу ли я стать иным? Сейчас я неожиданно глубоко ощутил, что если я должен жить по-иному, мне необходимо заново родиться — с новым умом и сердцем, с новыми глазами. Я понимаю также, что этого не произошло. Я живу, как жил; и мой образ жизни сделал жизнь такой, какова она есть! Но куда же идти отсюда?

Кришнамурти: Отсюда вы никуда не уйдете! Идти некуда. Если мы идем или ищем идеал, ищем то, что считаем лучшим, это дает нам ощущение прогрессирования, движения в сторону лучшего мира. Но такое движение — совсем не движение, ибо его цель спроецирована из нашего несчастья, нашего смятения, из нашей жадности и зависти. Поэтому подобная цель, которая, как предполагается, противоположна тому, что есть, в действительности представляет собой то же самое, ибо она порождена тем, что есть. Поэтому она создает конфликт между тем, что есть, и тем, что должно быть. Вот откуда возникает наше основное смятение, наш конфликт. Конец не там, не за стеной; оба — и начало, и конец — находятся здесь.

Посетитель: Пожалуйста, сэр, подождите минуту; этого я совсем не понимаю. Вы говорите мне, что идеал, то, что должно быть, представляет собой результат непонимания того, что есть? Вы говорите, что то, что должно быть, — это то, что есть, и что движение от того, что есть, к тому, что должно быть в действительности совсем не является движением?

Кришнамурти: Это идея, это фикция. Если вы понимаете то, что есть, какая существует необходимость в том, что должно быть?

Посетитель: Так ли это? Я понимаю то, что есть. Я понимаю все скотство, всю омерзительность убийства; и раз я это понимаю, у меня есть идеал — не убивать! Этот идеал рожден из моего понимания того, что есть; поэтому он не является бегством.

Кришнамурти: Если вы понимаете, что убийство ужасно, должны ли вы иметь идеал, чтобы не убивать? Вероятно, мы не достигли ясности относительно слова "понимание". Когда мы говорим, что понимаем нечто, под этим подразумевается, что мы узнали все, что оно может сказать, не правда ли? Мы исследовали нечто и открыли его истину или ложность. При этом также имеется в виду, что такое понимание не есть интеллектуальный процесс, а человек ощущает его в глубине своего сердца. Не

так ли? Понимание существует только тогда, когда ум и сердце находят-ся в совершенной гармонии. Тогда человек говорит: "Я понял это – и по-кончил с ним!" – и тогда предмет понимания более не имеет жизненной силы, чтобы дать дальнейший конфликт. Придаем ли мы одинаковое значение этому слову "понимание"?

Посетитель: Раньше я не придавал ему такого значения; но сейчас я ви-жу, что то, то вы говорите, правильно. Признаюсь честно, я все же не по-нимаю, каким образом этот тотальный беспорядок во всем мире, кото-рый вы столь верно показали, является и моим собственным беспоряд-ком. Как смогу я это понять? Как смогу я узнать все целиком об этом всеобщем беспорядке и смятении, охватившем мир и меня самого?

Кришнамурти: Пожалуйста, не употребляйте слова "как".

Посетитель: А почему же?

Кришнамурти: Слово "как" подразумевает, что кто-то дает вам некото-рый метод, некоторый способ, и если вы станете практиковать его, он принесет вам понимание. Но может ли понимание прийти когда-нибудь благодаря методу? Понимание означает любовь и здоровье ума. А лю-бовь нельзя практиковать, ей нельзя научиться. Здоровье ума может прийти только тогда, когда существует ясное восприятие, когда мы ви-дим вещи такими, каковы они есть, без эмоций, без сентиментальности. Ни одной из этих вещей нельзя научиться от другого человека или от системы, придуманной вами или кем-то другим.

Посетитель: Вы чересчур убедительны, сэр; или, может быть, вы слиш-ком логичны? Не пытаетесь ли вы повлиять на меня, чтобы я видел вещи так, как видите их вы?

Кришнамурти: Боже сохрани! Влияние в любой форме разрушительно для любви. Пропаганда с целью сделать ум чувствительным, бдитель-ным, только делает его тусклым и невосприимчивым. Поэтому я нико-им образом не пытаюсь влиять на вас, убеждать вас, поставить вас в за-висимость. Мы только рассматриваем, исследуем вместе. И для совмест-ного исследования вы должны быть свободны и от меня, и от своих собст-венных предвзятых мнений и страхов. Иначе вы будете только описы-вать круги на одном месте. Поэтому нам необходимо вернуться к наше-му первоначальному вопросу: как мне жить в этом мире? Чтобы жить в этом мире мы должны отрицать мир. Под отрицанием мы понимаем от-рицание идеала, отрицание войны, разорванности, соперничества, зависти и тому подобного. Мы не имеем в виду отрицание мира в той форме, в какой школьник бунтует против родителей. Мы должны отрицать его по-тому, что мы его понимаем. Это понимание и есть отрицание.

Посетитель: Я перестаю что-либо понимать!

Кришнамурти: Вы сказали, что не хотите жить в смятении, в бесцелье и безобразии этого мира. Таким образом, вы его отрицаете. Но из каких глубинных слоев идет это отрицание, почему вы его отрицаете? Отри-цаете ли вы этот мир потому, что хотите жить спокойной жизнью, безо-пасной и замкнутой, или вы отрицаете его потому, что видите его таким, каков он есть в действительности?

Посетитель: Я думаю, что отрицаю его потому, что вижу все, происхо-дящее вокруг меня. Конечно, в это включены мои предрассудки и страх. Так что здесь получается какая-то смесь из того, что имеет место в дей-ствительности, и моей собственной тревоги.

Кришнамурти: Что же преобладает – ваша озабоченность или подлин-ное видение того, что происходит вокруг вас? Если преобладает страх, тогда вы не в состоянии видеть то, что на самом деле происходит вокруг вас, ибо страх – это тьма; а во тьме вам абсолютно невозможно что-нибудь увидеть. Если вы поймете это, вы сможете видеть мир таким, каков он есть в действительности, тогда вы сможете видеть себя таким, ка-ким являетесь на самом деле. Потому что вы – это мир, и мир – это вы; это не две отдельные сущности.

Посетитель: Пожалуйста, объясните мне полнее, что вы имеет в виду, говоря, что мир – это я, а я – это мир?

Кришнамурти: Разве тут в самом деле нужны объяснения? Разве вы хо-тите, чтобы я детально описал, что вы такое, и показал вам, что внутри вас происходит то же самое, что происходит в мире? Разве это описание убедит вас, что вы и есть мир? Будете ли вы убеждены логическим, по-следовательным объяснением, которое покажет вам причину и следст-

вие? Если вы будете убеждены тщательным описанием, даст ли оно вам понимание? Заставит ли оно вас почувствовать, что вы – это мир, вынудит ли ощутить свою ответственность за мир? Кажется столь ясным, что на-ша человеческая жадность, зависть, агрессивность и насилие породили общество, в котором мы живем, узаконили принятие того, что мы такое. Я думаю, это достаточно ясно, и не будем более тратить время на данный вопрос. Понимаете, мы ничего этого не чувствуем, мы не любим; а пото-му и существует это разделение между мной и миром.

Посетитель: Можно мне еще раз прийти завтра?

На следующий день он пришел опять – нетерпеливый, я глазами, свер-кавшими ярким светом исследования.

Посетитель: Если вы не возражаете, мне хотелось бы пойти дальше в вопросе о том, как мне жить в этом мире. Теперь я понимаю – своим умом и сердцем, как вы это объяснили вчера, – крайнюю неважность идеалов. В этом вопросе я пережил довольно долгую борьбу – и пришел к пониманию тривиальности идеалов. Ведь вы говорите, что когда нет идеалов, нет никакого бегства, существует только прошлое, тысяча вче-рашних дней, которые составляют "меня", не правда ли? Поэтому, когда я спрашиваю: "Как мне жить в этом мире?" – я уже не только задал не-верный вопрос, но также сделал противоречивое утверждение, поставил мир и "меня" в противоположность друг другу. И это противоречие есть то, что я называю жизнью. Так что когда я задаю вопрос: "Как мне жить в этом мире?" – я в действительности пытаюсь исправить данное проти-воречие, оправдать его, видоизменить положение, потому что это и есть все то, что я знаю; мне неизвестно что-либо другое.

Кришнамурти: Тогда это и есть вопрос, который стоит сейчас перед нами: всегда ли жизнь должна быть прошлым? Должна ли всякая дея-тельность происходить из прошлого? Являются ли все взаимоотношения результатом прошлого, является ли жизнь комплексом памяти о про-шлом? Вот все, что мы знаем – прошлое, которое видоизменяет настоя-щее. И будущее является результатом этого прошлого, действующе-е через настоящее. Таким образом, прошлое, настоящее и будущее – все они суть прошлое. Вот это прошлое мы и называем жизнью. Ум есть прошлое, мозг есть прошлое, чувства суть прошлое; и простирающееся из всего этого действие представляет собой положительную деятельность известного. Данный процесс в его целостности и есть ваша жизнь, все взаимоотношения и деятельность, которые вы знаете. Поэтому, когда вы спрашиваете, как вам жить в этом мире, вы просите лишь о перемене тюрьмы.

Посетитель: Я имею в виду не это. Вот что я хочу сказать: мне очень яс-но видно, что процесс моего мышления и действия представляет собой прошлое, которое через настоящее воздействует на будущее. Это все, что мне известно – и это факт. Я отчетливо вижу, что если в данной структу-ре не произойдет перемены, я окажусь захваченным ею; я сам являюсь ее порождением. Из этого неизбежно возникает вопрос: как мне изменить-ся?

Кришнамурти: Для того, чтобы разумно жить в этом мире, необходима коренная перемена ума и сердца.

Посетитель: Да, но что вы понимаете под переменной? Как мне изме-ниться, если все, что я делаю, представляет собой движение прошлого? Только я могу изменить себя, никто другой не способен изменить меня. И я не вижу, что это значит – измениться.

Кришнамурти: Итак, вопрос "как мне жить в этом мире?" сейчас принял форму: "как мне измениться?" – имея в виду, что "как" не означает неко-торого метода, а представляет собой исследование с целью достичь по-нимания. Что такое перемена? Или вопрос о существовании какой бы то ни было перемены можно задать только после того, как произошло то-тальное изменение, произошла революция? Давайте снова начнем выяс-нять, что значит это слово. Перемена подразумевает движение от того, что есть, к чему-то другому. Является ли это "нечто другое" всего лишь противоположностью или оно принадлежит к совершенно иному поряд-ку? Если перед нами только противоположность, тогда она вообще не отличается от того, что есть; ибо все противоположности взаимно зави-симы, как горячее и холодное, высокое и низкое. Противоположность содержится внутри своей противоположности и предопределена ею; она существует только в сравнении; а вещи, которые можно сравнивать, имеют различные степени одного и того же качества, стало быть, они сходны. Поэтому изменение на противоположность – совсем не перемена. Даже если подобное движение к тому, что представляется иным, дает

вам ощущение, что вы действительно что-то делаете, это ощущение является иллюзией.

Посетитель: Подождите минуту, я должен впитать это в себя.

Кришнамурти: Итак, чем мы заняты сейчас? Возможно ли нам осуществиться внутри себя явлением источника совершенно нового порядка, не имеющего родства с прошлым? Прошлое не связано с этим исследованием; оно тривиально, так как не имеет соприкосновения с новым порядком.

Посетитель: Как вы можете говорить, что оно тривиально и несовместимо с новым порядком? Мы все время говорим, что наш предмет есть прошлое; а теперь вы утверждаете, что оно не относится к делу.

Кришнамурти: Прошлое представляется единственным предметом потому, что только оно удерживает наш ум и наше сердце. Только оно важно для нас. Но почему мы придаем ему такую важность? Почему это маленькое пространство является самым важным? Если вы полностью погружены в него, полностью ему подчинены, тогда вы ни при каких обстоятельствах не станете слушать о перемене. Только тот человек, который не вполне подчинен прошлому, способен слушать, исследовать, задавать вопросы. И лишь тогда, он сумеет увидеть всю тривиальность этого небольшого пространства. Так как же обстоит дело у вас: полностью ли вы погрузились под воду или ваша голова находится над водой? Если она находится над водой, тогда вы способны видеть тривиальность этой мелочи; тогда вы обладаете пространством, чтобы бросить взгляд вокруг себя. Как глубоко вы погрузились? Никто не сможет ответить на этот вопрос, кроме вас самих. Уже в самой его постановке существует свобода, и потому человек не чувствует страха. Тогда ваше зрение охватывает обширное пространство. Когда этот стандарт прошлого крепко держит вас за горло, тогда вы приобретаете, принимаете, следуете, верите. И лишь тогда, когда вы осознали, что все это не есть свобода, вы начинаете выкарабкиваться оттуда. И вот мы снова спрашиваем: что такое перемена, что такое революция? Перемена не есть движение от известного к известному; а ведь таковы все политические революции. Перемена подобного рода – не то, о чем мы говорим. Прогрессировать от состояния грешника к состоянию праведника значит прогрессировать от одной иллюзии к другой. И вот теперь мы свободы от перемены, как движения от этого к тому.

Посетитель: Правильно ли я вас понял? Что же мне делать с гневом, насилием, страхом, когда они возникнут во мне? Должен ли я отдаться под их полную власть? Как мне быть с ними? Внутри меня должна произойти перемена, иначе я останусь тем, чем был прежде.

Кришнамурти: Ясно ли вам, что эти вещи невозможно преодолеть при помощи их противоположностей? Если это так, вы имеете только насилие, зависть, гнев, жадность. Чувство возникает как результат вызова и затем оно получает название. Это название чувства восстанавливает его в старом образце. Если вы не даете ему наименования, – а это означает, что вы не отождествляете себя с ним, – тогда чувство существует сейчас, и оно уйдет само собой. Наименование усиливает его, придает ему непрерывность; таков весь процесс мысли.

Посетитель: Меня ведут в какой-то угол, где я веду себя таким, каков я есть; и я вижу, как я тривиален, а что же придет потом?

Кришнамурти: Любое движение от того, что я такое, усиливает то, что я такое. Поэтому перемена – совсем не движение. Изменение есть отрицание перемены; и только теперь могу я поставить этот вопрос: существует ли вообще перемена? Такой вопрос можно задать лишь тогда, когда все движение мысли пришло к концу, ибо мысль должна подвергнуться отрицанию, чтобы проявилась красота отсутствия перемены. В тотальном отрицании всего движения мысли в сторону от того, что есть, заключено окончание того, что есть.

Глава V. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Посетитель: Я проделал долгий путь, чтобы увидеть вас. Хотя я женат, и у меня есть дети, я всегда был далек от них; я скитался и медитировал, подобно нищему. Я долго раздумывал над проблемой взаимоотношений, этой весьма сложной и трудной проблемой. Когда я иду в деревню, и меня там кормят, я оказываюсь с дающим в таком же родстве, как со своей женой и с детьми. Когда в другой деревне кто-то дает мне одежду, я вступаю в родственную связь с целой фабрикой, на которой она произ-

водится. Я нахожусь в родстве с землей, по которой хожу, с деревом, под которым нахожу убежище, со всем окружающим. И, тем не менее, я одинок, я пребываю в изоляции. Когда я бываю вместе с женой, я остаюсь в уединении даже во время полового акта – этот акт оказывается актом разделения. Когда я иду в храм, совершающий богослужение все так же находится в родстве с предметом поклонения; но и там опять разделение. И так, во всех взаимоотношениях, как я понимаю, существует эта раздельность, двойственность; и вот за ее пределами, или внутри, или превыше ее есть некоторое особое чувство единства. Когда я вижу нищего, это ранит меня, ибо я подобен ему и чувствую то же, что чувствует он: ощущаю себя одиноким, полным отчаяния, больным, голодным. Я чувствую за него и вместе с ним, я переживаю его бессмысленное существование. Какой-то богатч проезжает мимо в своем огромном автомобиле и предлагает подвезти меня; но в его обществе я ощущаю неудобство, однако в то же самое время я чувствую за него и переживаю родство с ним. И вот я раздумываю над этим странным феноменом взаимоотношений. Можем ли мы сегодня, в такое прекрасное утро, глядя вниз на глубокую долину, побеседовать вместе на эту тему?

Кришнамурти: Все ли взаимоотношения исходят из этой изолированности? Могут ли вообще существовать взаимоотношения, пока существует какая-то отдельность, пока есть разделение? Могут ли существовать взаимоотношения, если нет контакта с другим человеком не только на физическом, но и на каждом уровне нашего бытия? Можно держать руку другого и все же находиться где-то далеко, погруженным в собственные мысли и проблемы. Можно находиться в группе людей и все же оставаться до боли одиноким. Поэтому мы задаем вопрос: когда ум в своей деятельности изолирует себя, могут ли существовать какие-то взаимоотношения с деревом, с цветком, с человеком или с небесами, с чудесным закатом солнца? И может ли вообще когда-нибудь существовать некоторый контакт с чем-нибудь даже тогда, когда ум не изолирует себя?

Посетитель: Каждая вещь, каждый человек обладает собственным существованием. Каждая вещь и каждый человек окутан этим своим существованием. Я никогда не бываю в состоянии проникнуть сквозь эту замкнутость чужого бытия. Как бы сильно я ни любил кого-то, его существование отделено от моего. Может быть, мне удастся соприкоснуться с ним внешне, на душевном или физическом уровне, но его существование будет его собственным, а мое навсегда останется для него внешним. Точно так же и он не может достичь меня. Должны ли мы постоянно быть двумя отдельными существами, каждый в своем собственном мире, с собственными ограничениями, заключенный в темницу собственного сознания?

Кришнамурти: Каждый человек живет внутри собственной оболочки, – вы в вашей, а он – в своей. И есть ли какая бы то ни было возможность когда-либо пробиться сквозь эту оболочку? Не является ли такой оболочкой, таким покрывалом, таким вместилищем, – слово? Разве оно не составлено из вашей заботы о себе, как и заботы о себе другого человека, из ваших желаний, которые противоположны его желаниям? Не является ли прошлое этой капсулой? Вся она состоит из этого, не правда ли? И дело тут не в одной отдельной вещи, а в целом их наборе, который ум несет с собой. У вас своя ноша, у другого – его. Нельзя ли когда-нибудь сбросить эту ношу, так чтобы ум встретился с другим умом, а сердце – с другим сердцем? В этом и заключается подлинный вопрос, не так ли?

Посетитель: Даже если бы сбросить все виды ноши, если бы это оказалось возможным, даже тогда другой человек остается внутри своей кожи, со своими мыслями, а я – внутри своей кожи с моими мыслями. Иногда расстояние между нами узко, иногда – широко; но всегда мы представляем собой два отдельных острова. И когда мы особенно беспокоимся по поводу этого разрыва и стараемся перекинуть через него мост, он оказывается самым широким.

Кришнамурти: Вы можете отождествлять себя вот с этим крестьянином или с этой огненной бугенвиллей; это трюк ума, который притворяется обладающим подлинным единением. Отождествление с чем-нибудь есть одной из самых лицемерных состояний. Отождествлять себя с какой-то нацией, с каким-то верованием – и все же оставаться одиноким – есть излюбленный трюк ума, имеющий целью обмануть свое одиночество. И вы с такой полнотой отождествляете себя со своим верованием, что сами становитесь этим верованием; тут уже налицо невротическое состояние. Так вот давайте отбросим прочь это стремление отождествить себя с каким-то человеком, с какой-то идеей или вещью. Таким путем не возникает гармонии единства, не возникает любовь. И теперь наш следующий вопрос – можете ли вы пробиться сквозь оболочку, так чтобы ее больше не существовало? Лишь тогда будет возможно осуществить тотальный

контракт. Как же нам следует прорываться сквозь оболочку? "Как" не означает метода, а скорее относится к исследованию, которое могло бы открыть двери.

Посетитель: Да, никакой другой контакт вообще нельзя назвать взаимоотношениями, хотя мы и пользуемся этим словом.

Кришнамурти: Прорываем ли мы эту оболочку понемногу или рассекаем ее немедленно? Если мы рассекаем ее понемногу, – а психоаналитики иногда утверждают, что достигают этого, – дело никогда не будет сделано. Вы не сможете разрушить разделение яри помощи времени.

Посетитель: Могли ли я проникнуть внутрь оболочки другого человека? И разве эта оболочка не представляет собой само его существование, биение его сердца, его кровь, его чувства и воспоминания.

Кришнамурти: А не вы ли сами являетесь этой оболочкой?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Самое движение, направленное на то, чтобы прорваться сквозь оболочку другого человека или расширить собственную оболочку есть именно утверждение вашей оболочки, ее действие: вы и есть эта оболочка. Таким образом вы представляете собой наблюдателя оболочки; вы также являетесь самой этой оболочкой. В этом случае вы – и наблюдатель, и объект наблюдения; так же обстоит дело и с ним; мы остаемся в таком положении, и вы стараетесь достичь его, а он – вас. Возможно ли это? Вы оказываетесь как бы островом, окруженным морями; также и он являет собой окруженный морями остров. Вы видите, что являетесь одновременно островом и морем, и между ними нет разделения. Вы – вся земля и все море, а потому в таком случае нет никакого разделения, никакого острова, никакого моря. Другой же человек этого не видит. Он представляет собой остров среди моря; он пытается достичь вас; или, если вы достаточно глупы, вы можете попытаться достичь его. Возможно ли это? Как может существовать контакт между человеком, который свободен, и другим человеком, который связан? Поскольку вы представляете собой наблюдателя и объект наблюдения, вы и есть целостное движение земли и моря. Но другой человек, который этого не понимает, все еще остается островом среди воды. Он старается добраться до вас и вечно терпит неудачу, потому что сохраняет свое положение острова. Только тогда, когда он отказывается от этого положения и, подобно вам, становится открытым для движения небес, земли и моря, – только тогда делается возможным контакт. Тот, кто видит, что препятствие – это он сам, более не может иметь препятствий. Поэтому он внутри самого себя совсем не бывает отдельным. Другой не увидел, что преграда в нем самом, и таким образом поддерживает уверенность в собственной отдельности. Как же может этот человек достичь другого? Это невозможно.

Посетитель: Если можно, мне хотелось бы продолжить наш разговор с того пункта, на котором мы прекратили его вчера. Вы говорили, что ум создает вокруг себя оболочку, что эта оболочка и есть сам этот ум. Я не понимаю этого по-настоящему. Интеллектуально я, может быть, и согласен; но я не могу устоять себе природу восприятия. Мне очень хотелось бы понять ее – не на словах, а действительно почувствовать, так чтобы в моей жизни не было никакого конфликта.

Кришнамурти: Существует пространство между тем, что ум называет созданной им оболочкой и им самим. Существует пространство между идеалом и действием. В этих различных разрывах пространства между наблюдателем и объектом наблюдения или между разными предметами, которые он наблюдает, заключены все конфликты, вся борьба, все проблемы жизни. Между окутывающей меня оболочкой и оболочкой, окружающей другого человека, есть разделение. В этом пространстве находится все наше существование, все наши взаимоотношения и столкновения.

Посетитель: Когда вы говорите о разделении между наблюдателем и объектом наблюдения, имеете ли вы в виду эти разрывы пространства в нашем мышлении и в наших повседневных действиях?

Кришнамурти: Что такое это пространство? Существует пространство между вами и вашей оболочкой, между ним и его оболочкой; существует также пространство между двумя оболочками. Наблюдателю представляются все эти виды пространства. Из чего они составлены? Как они проявляются? Что представляет собой качество и природа этих видов разделенного пространства? Что произошло бы, если бы мы смогли устранили эти отрывочные формы пространства?

Посетитель: Тогда имел бы место подлинный контакт на всех уровнях нашего бытия.

Кришнамурти: И это все?

Посетитель: Больше не было бы никакого конфликта, потому что всякий конфликт есть взаимоотношения через это пространство.

Кришнамурти: Разве это все? Когда такое пространство действительно исчезает – не на словесном, не на интеллектуальном уровне, а по-настоящему, – тогда существует полная гармония, единство между вами и им, между вами и другим человеком. В этой гармонии нет ни вам, ни его; существует только это огромное пространство, которое никогда нельзя развить. Тогда приходит к концу мелкая структура ума, потому что ум и есть разорванность.

Посетитель: Я совсем не могу понять этого по-настоящему, хотя в глубине души чувствую, что это так. Я в состоянии понять, что то, о чем вы говорите, действительно имеет место в случае любви; однако я не знаю такой любви. Ее нет со мной все это время. В моем сердце ее нет. Я вижу все сказанное только как бы сквозь туманное стекло. По правде говоря, я не способен понять это всем своим существом. Не могли бы мы рассмотреть вопрос о том, из чего составлены все эти виды пространства, как они проявляются? Ведь вы предложили рассмотреть этот вопрос.

Кришнамурти: Давайте будем совершенно уверены, что когда мы употребляем слово "пространство", мы оба понимаем под этим одну и ту же вещь. Существует физическое пространство между людьми и вещами; существует и психологическое пространство между ними. Затем имеется также пространство между идеей и действительностью. Итак, все это и есть пространство – физическое и психологическое; есть и пространство более или менее ограниченное и определенное. Сейчас мы не говорим о физическом пространстве. Мы говорим о психологическом пространстве внутри между людьми и о психологическом пространстве внутри самого человека, внутри его мыслей и деятельности. Как появляется это пространство? Фиктивно ли оно? Иллюзорно или реально? Почувствуйте его, осознайте, уверьтесь в том, что вы не просто приобрели его умственный образ; имейте в виду, что описание никогда не бывает вещью. Будьте вполне уверены, что вы знаете, о чем мы говорим. Полностью осознайте, что это ограниченное пространство, это разделение существует внутри вас; не уходите оттуда, если вы не понимаете. И теперь – как появляется это пространство?

Посетитель: Мы видим физическое пространство между вещами...

Кришнамурти: Не объясняйте ничего, просто ощутите свой путь внутри его. Мы спрашиваем о том, как появляется это пространство. Не давайте объяснения, не находите причину, а оставайтесь с этим пространством и коснитесь его. Тогда причина и описание будут иметь весьма небольшое значение – и не представляют никакой ценности. Это пространство проявилось благодаря мысли, которая есть "я", которая есть слово – и вот здесь все разделение. Сама мысль и есть это расстояние, это разделение. Мысль всегда разбивается на отдельные части и создает разделение. Она постоянно разрезает на части наблюдаемое явление внутри пространства – как вы и я, ваше и мое, я и мои мысли и так далее. Это пространство, создаваемое мыслью между тем, что она наблюдает, стало реальным; и как раз именно она разделяет. А затем мысль пытается построить мост над разделенным, все время устраивая трюки с собою, обманывая себя в надежде на единство.

Посетитель: Это напоминает ваше старое сравнение, касающееся мысли: это вор, который переоделся полицейским, чтобы поймать вора.

Кришнамурти: Не ищите цитат, сэр, даже самых древних. Мы рассматриваем то, что происходит в действительности. Видя истину природы мысли и ее деятельности, сама мысль становится спокойной. Когда же мысль спокойна – а не сделана спокойной, – существует ли тогда пространство?

Посетитель: А теперь сама эта мысль устремляется сюда, чтобы ответить на вопрос.

Кришнамурти: Именно так! Поэтому мы даже не задаем этого вопроса. Теперь ум полностью гармоничен, в нем нет разорванности. Малое пространство исчезло, существует только обширное пространство. Когда ум полностью спокоен, существует необъятное пространство и безмолвие.

Посетитель: Итак, я начинаю видеть, что мои взаимоотношения с другим человеком — это взаимоотношения между мыслью и мыслью; какой бы ответ я ни дал, это будет шум мысли; и, поняв это, я пребываю в безмолвии.

Кришнамурти: Это безмолвие есть благословение.

Глава VI. КОНФЛИКТ

Посетитель: Я нахожусь в значительном конфликте со всем, что меня окружает; и все, что находится внутри меня, также погружено в конфликт. Люди говорили о божественном порядке, о том, что природа полна гармонии; и человек представляется единственным животным, которое нарушает этот порядок, создавая такое множество несчастий другим и самому себе. Проснувшись утром я вижу, как дерутся друг с другом птички; но скоро они разлетаются в разные стороны, тогда как я постоянно ношу в себе эту войну с самим собой и с другими людьми; от нее нет спасения. Мне хотелось бы знать, смогу ли я когда-нибудь оказаться в мире с самим собой. Должен признаться, что я был бы рад полной гармонии со всем окружающим и внутри себя. Когда из этого окна видишь спокойное море и свет на воде, в глубине души появляется ощущение, что должен существовать какой-то образ жизни без этих бесконечных ссор с самим собой и с миром. Есть ли вообще где-нибудь какая-то гармония? Или существует только вечный беспорядок? И если гармония действительно существует, на каком уровне она может проявляться? Или он находится только на вершине какой-то горы, которую никогда не смогу узнать объятые пламенем долины?

Кришнамурти: Можно ли уйти от одного к другому? Можно ли замечать то, что есть, тем, чего нет? Можно ли дисгармонию преобразовать в гармонию?

Посетитель: Тогда значит ли это то, что конфликт необходим? В конце концов, может быть, все это составляет естественный порядок вещей,

Кришнамурти: Если человек принял такое утверждение, ему придется принять все то, что символизирует наше общество: войны, честолюбивое соперничество, агрессивный образ жизни — все грубое насилие людей вне и внутри его так называемых святых мест. Разве это естественно? Принесет ли это принятие какое-нибудь единство? Не лучше ли нам рассмотреть оба факта — факт конфликта со всей его сложной борьбой и факт ума, требующего порядка, гармонии, мира, красоты, любви?

Посетитель: Я ничего не знаю о гармонии. Я вижу ее в небесах, в чередовании времен года, в математическом порядке вселенной. Но это не дает упорядоченности моему собственному сердцу и уму; абсолютный порядок математики не является моим порядком. Я не обладаю порядком, я пребываю в глубоком беспорядке. Я знаю, что имеются различные теории постепенной эволюции в сторону так называемого совершенства политических утопий и религиозного рая на земле; но они оставляют меня там, где я фактически нахожусь. Возможно, мир через десять тысяч лет после сегодняшнего дня действительно будет совершенным; а тем временем сейчас я живу в аду.

Кришнамурти: Мы видим беспорядок внутри себя и внутри общества. Оба явления весьма сложны. На самом деле дать на них какой-то ответ невозможно. Можно весьма тщательно все это рассматривать, подробно анализировать, искать причины беспорядка в себе и в обществе, выставить их на свет и, пожалуй, поверить в то, что мы освободим от них ум. Аналитический процесс и есть то, что сознательно или бессознательно совершает большинство людей; и он никого не ведет достаточно далеко. Целые тысячелетия человек подвергает себя анализу, и это не дало никаких результатов, кроме литературы. Многие святые застыли в параличе концепций и идеологических темниц; они также пребывают в конфликте. Причина нашего конфликта — этот вечный дуализм желания, бесконечный коридор противоположностей, создающих зависть, жадность, честолюбие, агрессивность, страх и все остальное. И вот мне хочется узнать, нет ли совершенно иного подхода к этой проблеме. Признание факта борьбы и все наши старания выйти из нее сделались традиционными. Традиционным стал весь подход. В таком традиционном подходе действует ум; однако, как мы видим, традиционный подход ума создает еще больший беспорядок. Поэтому проблема заключается не в том, как покончить с беспорядком, а скорее в том, может ли ум взглянуть на нее, освободившись от традиции. И, возможно, тогда перед нами совсем не окажется никакой проблемы.

Посетитель: Я совсем вас не понимаю.

Кришнамурти: Существует этот факт беспорядка. В нем нет никакого сомнения — здесь действительный факт. Традиционный подход к этому факту состоит в том, чтобы анализировать его, стараться открыть и преодолеть его причину или же изобрести противоположное факту качество, а потом бороться за его осуществление. Таков традиционный подход с его дисциплиной, упражнениями, контролем, подавлением, сублимацией. Человек поступал таким образом в течение тысяч и тысяч лет, и это ни к чему ни привело. Нельзя ли нам полностью отбросить подобный подход и взглянуть на проблему совершенно по-иному: не пытаться выйти за ее пределы, разрешить ее, преодолеть или ускользнуть от нее? В состоянии ли ум сделать это?

Посетитель: Пожалуй...

Кришнамурти: Не отвечайте так быстро! То, о чем я вас спрашиваю, — это гигантская вещь. С начала времен человек пытался справиться со всеми своими проблемами или выйдя за их пределы, или разрешив их, или преодолевая их, или ускользая от них. Пожалуйста, не думайте, что вы можете так легко и просто оттолкнуть все это от себя согласием на словесном уровне. Этот подход составляет самую структуру ума каждого человека. Может ли ум теперь, поняв все это на уровне выше словесного, по-настоящему освободиться от традиции? Ибо традиционный способ обращения с конфликтом никогда его не разрешает, а лишь прибавляет новый конфликт: будучи полным насилием, что вызывает конфликт, я прибавляю к этому дополнительный конфликт, стараясь сделаться ненасилиственным человеком. Таковы все религиозные предписания, вся общественная мораль. Согласны ли мы друг с другом?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Тогда видите, как далеко мы зашли? Когда же, благодаря пониманию, мы отвергли все эти традиционные подходы, в каком состоянии находится сейчас наш ум? Потому что состояние ума гораздо более важно, чем сам конфликт.

Посетитель: Я действительно не знаю.

Кришнамурти: Почему же вы не знаете? Почему вы не осознаете состояния своего ума, если вы в самом деле отбросили традиционный подход? Почему вы не знаете? Или вы его отбросили, или нет. Если да, то вы знали бы это. Если да, то ваш ум тогда стал невинным, чтобы заново взглянуть на проблему. Вы можете посмотреть на проблему, как если бы это случилось в первый раз. И если вы делаете это, разве тогда вообще имеется проблема, разве тогда существует проблема конфликта? Из-за того, что вы смотрите на проблему старыми глазами, она не только усилилась, но также стала двигаться по своему проторенному пути. Итак, то, что важно, — это то, как вы смотрите на проблему: новыми или старыми глазами. Новые глаза освобождены от обусловленности, от обусловленных ответов на проблему. Даже дать название проблеме, благодаря узнаванию, значит подходить к ней традиционным способом. Оправдание осуждения или объяснение проблемы в терминологии удовольствия или страдания — все они вовлечены в этот привычный традиционный подход, состоящий в том, чтобы предпринимать нечто по поводу проблемы. Этот подход к проблеме обычно называется положительным действием. Но когда ум отстает все это в сторону, как неэффективное и неразумное, тогда он стал в высшей степени чутким, упорядоченным, свободным.

Посетитель: Вы требуете от меня слишком многого. Я не могу это сделать, я не способен на это! Вы требуете, чтобы я был сверхчеловеком!

Кришнамурти: Вы сами создаете для себя трудности, ставите себе препятствия, когда говорите, что должна стать сверхчеловеком. Ничего подобного! Вы продолжаете смотреть на вещи глазами, которые хотят вмешаться, хотят что-то сделать по поводу того, что они видят. Перестаньте что-либо делать в этом направлении, потому что все, что вы делаете, принадлежит к традиционному подходу. Это и все. Будьте просты. В этом и состоит чудо восприятия — воспринимать сердцем и умом, целиком очищенным от прошлого. Отрицание есть самое положительное действие.

Глава VII. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Посетитель: Я хотел бы узнать, что такое религиозная жизнь. Месяцами

я жил в монастырях, медитировал, вел дисциплинированную жизнь, много читал. Я побывал в различных храмах, церквях, мечетях. Я старался вести очень простую жизнь, стремился не причинять вреда людям или животным. Но ведь, конечно, религиозная жизнь не исчерпывается всем этим? Я практиковал рогу, изучал дзен и следовал многим религиозным дисциплинам. Я всегда был и остаюсь вегетарианцем. Как видите, теперь я становлюсь стар; я жил у некоторых святых в разных частях света; но я как-то чувствую, что все это лишь окраины чего-то реального. И вот нельзя ли мне сегодня рассмотреть вопрос о том, что такое для вас религиозная жизнь?

Кришнамурти: Однажды ко мне пришел саньяси; и он был печален. Он рассказал, что принял обет безбрачия и оставил мир, чтобы сделаться нищенствующим монахом, который бродит от одной деревни к другой. Однако его половые желания были настолько властными, что как-то утром он решил удалить свои половые органы хирургическим путем. Многие месяцы он испытывал непрекращающуюся боль; но понемногу рана зажила; и лишь спустя много лет он полностью осознал, что наделал. Итак, он пришел поведаться со мной; в этой комнате он спросил меня, что ему можно теперь сделать, чтобы снова стать нормальным человеком, — разумеется, не физически, а внутренне, — после того, как он искалечил себя. Он сделал

это потому, что половую активность считали противоречащей религиозной жизни; ее признавали мирской, относящейся к сфере удовольствия; а этого подлинный саньяси должен избегать любой ценой. Он сказал: "Вот я здесь; я чувствую себя совершенно потерянным, лишенным своей мужской природы. Я так упорно боролся против своей сексуальной страсти, старался подчинить ее, и в конце концов произошла эта ужасная вещь. Что мне теперь делать? Я знаю, что поступил неправильно. Моя энергия почти иссякла, и кажется, что я кончаю жизнь во тьме". Он взял меня за руку, и мы некоторое время посидели в молчании.

Разве это — религиозная жизнь? Является ли отрицание удовольствия или красоты тем путем, который ведет к религиозной жизни? Отрицать красоту неба, холмов, человеческой формы — приведет ли это к религиозной жизни? Но именно в этом уверены в большинстве своем святые и монахи. И убежденные в этом, они мучают себя. А может ли измученный, искалеченный, искаженный ум когда-нибудь найти, что такое религиозная жизнь? Однако все религии утверждают, что подобные мучения, подобное калечение составляют единственный путь к реальности, или к Богу, или к чему-то сходному, какое бы название они этому не давали. Все они проводят различие между тем, что называют духовной, религиозной жизнью, и тем, что называют жизнью мирской.

Человек, который живет только ради удовольствия, со случайными проблемами печали и жажды, вся жизнь которого отдала увеселениям и развлечениям, — это, конечно, мирской человек; в то же время он может также быть очень умным, весьма начитанным, и его жизнь может оказаться наполненной мыслями других людей или его собственными. Равным образом человек, имеющий некоторое дарование и пользующийся им для блага общества или для своего собственного удовольствия и достигающий известности в реализации этого дарования, — такой человек, несомненно, также является мирским человеком. Но такое мирское занятие — ходить в церковь, в храм или мечеть, произносить молитвы, оставаясь насквозь пропитанным предрассудками и ханжеством, совершенно не осознавая скрытой в этом жестокости. Быть патриотом, националистом, идеалистом — значит быть мирским человеком. И тот, кто запирается в монастыре, встает в определенное время с книгой в руках, читает и молится, — и это, бесспорно, мирской человек. Точно так же и человек, который принимается за какую-то полезную работу, будь он общественным реформатором или миссионером, ничем не отличается от политика с его мирскими заботами. Разделение между религиозной жизнью и миром составляет самую суть мирского образа действия. Ум всех этих людей, всех этих монахов, святых, реформаторов, не очень отличается от ума тех, кто заботится лишь о вещах, приносящих удовлетворение.

Поэтому важно не разделять жизнь на мирскую и не-мирскую. Важно не делать различия между мирским и так называемым религиозным. Без мира материи, без материального мира нас не было бы здесь. Без красоты неба и этого одинокого дерева на вершине холма, без этой проходящей мимо женщины, без этого всадника жизнь не была бы возможной. Мы заняты всей жизнью в целом, а не какой-то отдельной ее частью, которая, в противоположность всему остальному, считается религиозной. Итак, человек начинает видеть, что религиозная жизнь занята целым, а не частным.

Посетитель: Я понимаю то, что вы говорите. Нам нужно иметь дело с целостным явлением жизни; мы не в состоянии отделить мир от так называемого духа. Поэтому возникает вопрос: каким образом наши дейст-

вия, относящиеся ко всем явлениям жизни, могут стать религиозными?

Кришнамурти: Что мы подразумеваем под "религиозным действием"? Не имеете ли вы под этим в виду некоторого образа жизни, в котором не существует разделения — разделения между мирским и религиозным, между тем, что должно быть, и тем, чего не должно быть, между вами и мной, между тем, что нравится, и тем, что не нравится? Это разделение есть конфликт. Жизнь в состоянии конфликта — не религиозная жизнь. Религиозная жизнь возможна только тогда, когда мы глубоко понимаем конфликт. Такое понимание конфликта есть разум. Именно этот разум действует правильно. То, что многие люди называют разумом, есть простое умение в какой-то технической деятельности, или деловая сметка, или политическое крючкотворство.

Посетитель: Таким образом, мой вопрос в действительности означает: как человеку жить без конфликта, проявляя то чувство истинной святости, которое не является просто эмоциональным благочестием, обусловленным какой-то религиозной клеткой, неважно, какой бы старой и почтенной эта клетка не была?

Кришнамурти: Человек, который живет в деревне без чрезмерных конфликтов или погружен в мечтания где-нибудь в пещере среди "священных" гор, конечно, не живет религиозной жизнью в нашем понимании. Покончить с конфликтом — одна из наиболее сложных вещей. Для этого необходимо наблюдение за собой и чуткость осознания как внешних, так и внутренних явлений. Конфликт может прийти к концу только тогда, когда налицо понимание противоречия внутри самого себя. Это противоречие будет существовать всегда, если нет свободы от известного, от прошлого. Свобода от прошлого означает жизнь в настоящем, в том настоящем, которое не от времени, в котором существует только это движение свободы, неприкосновенное для прошлого, для известного.

Посетитель: Что вы понимаете под свободой от прошлого?

Кришнамурти: Это прошлое — все наши накопленные воспоминания. Такие воспоминания действуют в настоящем и создают надежды на будущее и страх перед ним. Надежды и страхи есть психологическое будущее: без них будущего нет. Таким образом, настоящее является действием прошлого, а ум оказывается этим движением прошлого. Прошлое действует в настоящем и создает то, что мы называем будущим. Такая реакция прошлого является произвольной, ее не вызывают, не приглашают — она овладевает нами прежде, чем мы это узнаем.

Посетитель: Как же в таком случае нам освободиться от нее?

Кришнамурти: Осознавать это движение без выбора — потому что выбор еще более принадлежит к тому же самому движению прошлого, — значит наблюдать прошлое в действии; подобное наблюдение не является движением прошлого. Наблюдать без мысленного образа — это действие, в котором прошлое закончилось. Наблюдать дерево без мысли — это действие без прошлого. Состояние, когда мы видим, гораздо важнее того, что мы видим. Осознавать прошлое в этом наблюдении, лишенном выбора, значит не только действовать по-иному, но и самому быть иным. В этом осознании память действует эффективно, без препятствий. Быть религиозным — значит осознавать подобным образом без выбора, что существует свобода от известного даже в том случае, когда это известное действует, где бы ему ни пришлось действовать.

Посетитель: Но ведь известное, прошлое, все еще иногда действует даже и в тех случаях, когда ему не следует действовать; оно все еще бывает причиной конфликта.

Кришнамурти: Осознавать и это — значит находиться в состоянии бездействия по отношению к действующему прошлому. Поэтому свобода от известного представляет собой подлинно религиозную жизнь. Это не значит полностью стереть известное — мы входим в совершенно иное измерение, из которого наблюдаем это известное. Такое действие, когда мы видим без выбора, представляет собой действие любви. Религиозная жизнь и есть это действие; и вся жизнь представляет собой такое действие; и таким действием является религиозный ум. Итак, религия, и ум, и жизнь, и любовь — все это одно.

Глава VIII. ВИДЕТЬ ЦЕЛОЕ

Посетитель: Когда я слушаю вас, мне кажется, что я понимаю то, о чем вы говорите, и не только на словесном, но и гораздо более высоким

уровне. Я делаюсь как бы частью сказанного, я полностью схватываю всем своим существом истину того, что вы говорите. Мой слух обостряется, и сам процесс, в котором я вижу цветы, деревья, эти снежные горы заставляют чувствовать себя их частью. В этом осознании у меня нет ни конфликта, ни противоречия. Мне кажется, как будто я в состоянии сделать что угодно, и что бы я ни сделал, все будет правильным и не принесет никаких страданий, не создаст никаких конфликтов. Но, к несчастью, это состояние длится недолго. Оно продолжается, может быть, час или два, пока я вас слушаю. А когда я ухожу с беседы, все как бы испаряется, я и опять оказываюсь там, где был раньше. Я пытаюсь осознать себя; я продолжаю вспоминать состояние, в котором находился, когда слушал ваши беседы, вновь и вновь стараюсь достичь его, удержаться в нем, и это превращается в борьбу. Вы сказали: "Осознайте свой конфликт, прислушайтесь к нему; усмотрите причины вашего конфликта; вас конфликт — это вы сами". Я осознаю свой конфликт, свое страдание, печаль, смятение; но это осознание никоим образом ничего не устраняет. Наоборот, осознание, кажется, придает им жизненность и длительность. Вы говорите об осознании без выбора, и это снова порождает еще одну битву внутри меня, ибо я полон выбора, решений, мнений. Я применил осознание к некоторой частной привычке, которая у меня есть; но она не исчезла. Когда вы осознаете наличие некоторого конфликта или напряжения, то же самое осознание продолжает следить за тем, не исчез ли уже этот конфликт. И это как будто напоминает вам о конфликте, так что вы никогда его не отбрасываете.

Кришнамурти: Осознавать — не значит чем-то себя связывать. Осознание есть наблюдение, как внешнее, так и внутреннее, в котором прекратилось руководство. Вы осознаете; но этим не питаете, не поощряете того, что осознаете. Осознание не есть сосредоточение на чем-то. Оно не является действием воли, которая выбирает то, что она будет осознавать, которая анализирует данное явление, чтобы осуществить некоторый результат. Когда осознание намеренно устремлено на какой-то отдельный объект, например, на конфликт, оно является актом воли, сосредоточения. А когда вы сосредотачиваетесь, то есть заключаете всю свою энергию и мысль внутри избранных вами границ, будь то чтение книги или наблюдение своего гнева, тогда в этом процессе исключения предмет вашего сосредоточения усиливается, получает питание. Поэтому здесь нам нужно понять природу осознания: необходимо понять, о чем мы говорим, когда употребляем слово "осознание". И вот вы можете или осознать какую-то отдельную вещь, или осознать эту вещь, как часть целого. Частность сама по себе имеет весьма небольшой смысл; однако, когда вы видите целое, тогда эта частность находится во взаимоотношениях с целым; и только в таких взаимоотношениях она обнаруживает свое истинное значение; она не становится наиболее важной, преувеличенной. Поэтому действительный вопрос заключается в следующем: видит ли человек тотальный процесс жизни, или он сосредоточен на частности, упуская, следовательно, из виду всю поле жизни? Осознавать целостное поле жизни — значит видеть также и частность, но в то же время и понимать ее взаимоотношения с целым. Если вы проявляете гнев и заинтересованы в том, чтобы покончить с ним, тогда вы сосредоточиваете свое внимание на гневе, и целое ускользает от вас, а гнев усиливается. Но гнев находится во взаимосвязи с целым. Так что когда мы отделяем частность от целого, эта частность порождает свои собственные проблемы.

Посетитель: А что вы имеете в виду, когда говорите: "Видеть целое"? Что такое эта тотальность, о которой вы говорите, что это за расширенное осознание, в котором частность является одной деталью? Или это какое-то таинственное, мистическое переживание? Если это так, тогда нам не остается никакой надежды. Или, может быть, вы говорите именно об этом, утверждая, что имеется целое поле существования, частью которого является гнев, что заниматься его частью значит препятствовать общирному восприятию? Но что же такое это обширное восприятие? Я могу видеть целое только во всех его частностях. И какое целое вы имеете в виду? Говорите ли вы об уме в целом, или о целостности существования, или о целостности меня самого, или о жизни в целом? Что за целое вы подразумеваете, и как мне можно его увидеть?

Кришнамурти: Целое поле жизни; ум, любовь, все, что существует в жизни.

Посетитель: Разве я способен увидеть все это? Я могу понять, что все, видимое мною, является частичным, что все мое осознание есть осознание частности, что оно лишь усиливает частность.

Кришнамурти: Давайте выразим это таким образом: воспринимаете ли вы умом и сердцем в отдельности, или вы видите, слышите, осязаете, думаете одновременно, не разорвано?

Посетитель: Не понимаю, что вы хотите сказать.

Кришнамурти: Вы слышите слово, ум говорит вам, что это оскорбление, чувства говорят, что оно вам неприятно; и ум снова вмешивается, чтобы контролировать или оправдывать и так далее. Если ум вывел свое заключение, тогда берут верх чувства, — и таким образом некоторое событие развязывает цепную реакцию в различных частях вашего существа. То, что вы слышите, было разорвано, разбито на части; и если вы сосредоточиваетесь на одном из таких обрывков, вы пропускаете тотальный процесс слушания. Слушание может быть отрывочным — или же может осуществляться всем вашим существом, тотально. Следовательно, под восприятием целого мы понимаем восприятие глазами, ушами, сердцем, умом; не такое восприятие, которое совершается каждый этим элементом в отдельности. Это значит — полностью отдавать ваше внимание. При таком внимании частность, например, гнев, имеет иное значение, поскольку она находится во взаимной связи со многими другими проблемами.

Посетитель: Значит, когда вы говорите о том, чтобы видеть целое, вы имеете в виду способность видеть всем своим существом; это вопрос качества, а не количества. Правильно ли я понял?

Кришнамурти: Да, совершенно верно. Но вот вы — действительно ли вы видите таким образом, тотально, или вы просто ограничиваетесь словесным выражением? Видите ли вы свой гнев сердцем, умом, ушами и глазами? Или вы видите гнев, как нечто, не связанное с остальной частью вашего существа и потому имеющее большее значение? Когда вы придаете основную важность целому, вы не забываете частного.

Посетитель: Но что же тогда происходит с частностью, с гневом?

Кришнамурти: Вы осознаете гнев всем своим существом. Если это так, есть ли тогда гнев? Невнимание есть гнев; это отсутствие внимания, а не его наличие. Таким образом, внимание всего вашего существа есть видение целого, а невнимание есть видение частности. Осознавать целое, частность, а также и взаимоотношения между этими двумя — вот в чем вся проблема. Мы отделяем частность от остального и пытаемся разрешить ее. Поэтому нарастает конфликт, из которого нет выхода.

Посетитель: Следовательно, когда вы говорите, что мы видим только частность, как, например, гнев, вы имеете в виду то обстоятельство, что мы смотрим на нее только одной частью своего существа?

Кришнамурти: Когда вы смотрите на частность одним обрывком своего существа, разделение между этой частностью и смотрящим на нее обрывком возрастает; таким образом, конфликт усиливается. Когда нет разделения, нет и конфликта.

Посетитель: Вы утверждаете, что когда я смотрю на этот гнев всем своим существом, между ним и мной нет никакого разделения?

Кришнамурти: Именно так! Действительно ли вы делаете это или только уясняете слова? Что происходит на самом деле? Это гораздо важнее, чем ваш вопрос.

Посетитель: Вы спрашиваете, что происходит. Я просто стараюсь вас понять.

Кришнамурти: Стараетесь ли понять меня — или вы видите истину того, о чем мы говорим, истину, которая независима от того, о чем мы говорим, тогда вы являетесь своим собственным гуру и своим собственным учеником, что значит понимать себя. Этому пониманию нельзя научиться от другого.

Глава IX. МОРАЛЬ

Посетитель: Что значит быть добродетельным? Что заставляет человека поступать справедливо? Каково основание морали? Как я узнаю добродетель без борьбы за нее? Является ли она самоцелью?

Кришнамурти: Можем ли мы отвергнуть мораль общества, того общества, которое в действительности совершенно аморально? Его мораль стала респектабельной, получила одобрение религиозных инстанций; и мораль революции, противостоящей прочно установленному обществу скоро тоже становится такой же аморальной и респектабельной, как и

мораль этого общества. Эта мораль состоит в том, чтобы идти на войну, убивать и быть агрессивным, добиваться власти, давать свободу ненависти; в ней выражается вся жестокость и несправедливость установленного авторитета. Она аморальна. Но может ли человек по-настоящему сказать, что она аморальна? Ибо мы составляем часть этого общества, создаем мы это или нет. Общественная мораль есть наша мораль; и разве мы способны так легко ее отбросить? Легкость, с которой мы ее отбрасываем, и есть признак нашей моральности, — а не усилие, которого нам стоит отказ от нее, не награда, не наказание за это усилие, а совершенная легкость, с которой мы ее отвергаем. Если наше поведение направляется окружением, в котором мы живем, которому подчиняемся и которым сформированы, тогда оно механично и тяжело обусловлено. И если наше поведение является следствием нашего собственного обусловленного ответа, разве оно морально? Если ваше действие основано на страхе и на граде, разве оно справедливо? Если вы ведете себя должным образом согласно какому-то идеологическому понятию или принципу, можно ли считать это действие добродетельным? Поэтому мы должны сначала выяснить, насколько глубоко мы отвергаем мораль авторитета, подражания, приспособления и повиновения. Не является ли страх основой нашей морали? Если не дать себе фундаментальные ответы на эти вопросы, невозможно узнать, что это значит — быть подлинно добродетельным человеком. Как мы сказали, важнее всего то, насколько легко вы можете выйти из этого лицемерия. Если вы просто не обращаете на него внимания, это еще не указывает на то, что вы — моральная личность: возможно, вы лишь психопат. Если же вы живете рутинной жизнью и полны довольства, такая жизнь также не будет моральной. Мораль святого, который следует прочно установленной традиции святости и подстраивается под нее, очевидно, тоже не моральна. Так что легко увидеть, что любое сообразование с образцом, санкционированным или не санкционированным традициями, не является праведным поведением. Добродетель может прийти только из свободы.

Итак, возможно ли с большим умением освободить себя из сетей того, что считается моральным? Вместе со свободой приходит искусство в действии — равно как и добродетель.

Посетитель: Разве я в состоянии бесстрашно, с той пронизательностью, которая есть искусство, освободиться от общественной морали? Меня пугает самая мысль о том, что общество сочтет меня аморальным. Так могут поступать молодые люди, а я уже пожилой человек и у меня есть семья; респектабельность содержится в самой моей крови. Во мне есть буржуазная сущность, и я испытываю страх.

Кришнамурти: Или вы принимаете общественную мораль, или отвергаете ее. Вы не можете идти по обоим путям, не можете стоять одной ногой в преисподней, а другой — на небесах.

Посетитель: Так что же мне делать? Теперь я знаю, что такое мораль, однако я все время продолжаю оставаться аморальным. Чем старше я становлюсь, тем более лицемерным делаюсь. Я презираю общепринятую мораль, и все же мне хочется пользоваться ее благами, ее комфортом, психологической и материальной безопасностью, элегантностью приятного обращения. Таково мое действительное плачевное состояние. Что же мне делать?

Кришнамурти: Тут вы ничего не можете поделать, кроме того, чтобы продолжать жить, как вы живете. Гораздо лучше прекратить попытки быть моральным, перестать занимать свой ум добродетелью.

Посетитель: Но я не могу так жить, мне нужно другое! Я вижу прелесть и мощь этого другого, его чистоту. То, за что я держусь, грязно и уродливо, а я не в состоянии выпустить его из рук.

Кришнамурти: Тогда нет никакого выхода. Вы не можете обладать респектабельностью и добродетелью. Добродетель — это свобода. А свобода — это не идея, не понятие. Когда есть свобода, тогда существует внимание, и только в этом внимании может расцвести доброта.

Глава X. САМОУБИЙСТВО

Посетитель: Мне хотелось бы поговорить о самоубийстве — не потому, что в моей собственной жизни произошел какой-то кризис, не потому, что у меня есть некоторая причина для самоубийства, а потому, что этот вопрос неизбежно возникает при виде трагедии старости — физического распада, наблюдаемых у людей, когда к ним пришла старость. Есть ли какое-то основание продолжать жизнь, если человек дошел до такого состояния? Надо ли упорно цепляться за ее остатки? Может быть, разумнее

было бы признать, что наступил тот момент, когда всякая полезность жизни уже исчерпана?

Кришнамурти: Если бы это разум побуждал вас окончить жизнь, тот же самый разум запретил бы вашему телу преждевременно разрушаться.

Посетитель: Но разве не наступает такой момент, когда даже разумное сознание не в силах воспрепятствовать этому разрушению? В конце концов тело подвергается износу — и как узнать время, когда этот износ приходит?

Кришнамурти: Нам следует углубиться в этот вопрос довольно основательно. Сюда включено несколько проблем, не правда ли? — разрушение тела, организма, старение ума и то крайнее его бессилие, которое порождает сопротивление. Мы без конца злоупотребляем телом в силу обычаев, вкусов, пренебрежительного отношения. Вкус требует — и связанное с ним удовольствие контролирует деятельность организма, формирует ее. Когда это происходит, разрушается природный разум организма. В магазинах мы видим необыкновенное разнообразие пищи великолепной окраски; она рассчитана на то, чтобы вызвать приятные вкусовые ощущения, а не на то, чтобы приносить пользу телу. Таким образом с юных лет вы постепенно умерщвляете и разрушаете тот инструмент, который должен быть в высшей степени чувствительным, активным, должен функционировать подобно совершенному механизму. Это часть проблемы; затем существует и ум, который в течение двадцати, тридцати или восьмидесяти лет жил в состоянии непрестанной битвы и противодействия. Он знает только противоречия и конфликты — эмоциональные или интеллектуальные. Каждая форма конфликта не только является искажением ума, но и приносит с собой разрушение. Таковы, следовательно, некоторые из основных внутренних и внешних факторов разрушения — постоянная эгоцентрическая деятельность с ее изолирующими процессами.

Существует естественный физический износ тела, как и его ненормальный износ. Тело теряет свои способности и память; постепенно старость берет верх. И вы спрашиваете, не следует ли такому человеку совершить самоубийство, принять пилюлю, которая даст ему освобождение? Кто же задает этот вопрос — сам ли старик, или те, кто наблюдает за старостью и печалью, с отчаянием и страхом перед своим собственным разрушением?

Посетитель: Ну, с моей точки зрения, этот вопрос, очевидно, мотивирован страданиями при виде старческой дряхлости других людей, потому что у меня, вероятно, она еще не возникла. Но разве не существует также некоего действия разума, который предвидит возможное разрушение тела и задает вопрос: не будет ли продолжение жизни простой тратой времени, поскольку организм более не способен жить разумно?

Кришнамурти: Разрешат ли врачи эвтаназию, разрешат ли врачи или правительство пациенту совершить самоубийство?

Посетитель: Конечно, по мнению некоторых людей, этот вопрос законности, социологии или морали; но разве сейчас мы здесь обсуждаем эти аспекты? Разве мы не спрашиваем просто, имеет ли индивид право уничтожить свою жизнь? Речь идет не о том, разрешит ли это общество.

Кришнамурти: Следовательно, вы спрашиваете, имеет ли человек право уничтожить собственную жизнь — не только когда он стар или осознает приближение дряхлости, — а просто имеет ли он моральное право в любое время совершить самоубийство?

Посетитель: Я не решаюсь вводить мораль в данный вопрос, потому что это обусловленное явление. Я пытался задать такой вопрос, не выходя за пределы разума. Эта проблема не стоит передо мною лично, так что я способен смотреть на нее, как я полагаю, достаточно беспристрастно. Но каким же будет ответ — просто как задача для разума?

Кришнамурти: Вы спрашиваете о том, может ли разумный человек совершить самоубийство? Это и есть ваш вопрос?

Посетитель: Или может ли самоубийство при некоторых обстоятельствах быть действием разумного человека?

Кришнамурти: Это одно и то же. В конце концов, самоубийство наступает или в результате полного отчаяния, вызванного глубоким крушением надежд, или вследствие непреодолимого страха; или оно порождено осознанием бессмысленности некоторого образа жизни.

Посетитель: Извините, я перебыл вас. Я хочу сказать, что обыкновенно

так оно и бывает; но я пытаюсь задать этот вопрос вне какой-либо мотивировки. Когда человек приходит к тому пункту, где существует отчаяние, тогда в дело вовлечен мотив колоссальной силы, и тогда трудно отделить эмоцию от разума. А я стараюсь остаться вне всяких эмоций, в пределах чистого разума.

Кришнамурти: Итак, вы спрашиваете о том, разрешает ли разум какую-то форму самоубийства. Очевидно, нет.

Посетитель: А почему?

Кришнамурти: По настоящему нам нужно понять это слово — "разум". Является ли разумным позволять телу разрушаться в силу обычая, в результате излишеств, вследствие культивирования особых вкусов, удовольствий и тому подобного? Разве здесь разум, разве это действие разума?

Посетитель: Нет, но если человек достиг некоторого пункта в жизни, где могла накопиться некоторая сумма неразумного пользования телом, которая еще не оказала на него своего действия, ему ведь нельзя вернуться назад и заново прожить свою жизнь.

Кришнамурти: Поэтому осознайте разрушительную природу нашего образа жизни и положите ему конец немедленно, а не в каком-то будущем. Немедленное действие перед лицом опасности есть акт здравого смысла, разума; а отсрочка, как и стремление к удовольствию, указывает на недостаток разума.

Посетитель: Я это понимаю.

Кришнамурти: А не видите ли вы еще нечто, вполне действительное и подлинное, а именно: что этот изолирующий процесс мысли с его эгоцентрической деятельностью представляет собой форму самоубийства? Изоляция есть самоубийство, будь то изоляция какой-то нации, религиозной организации, семьи или некоторой общины. Вы уже пойманы в эту ловушку, которая в конце-концов приведет к самоубийству.

Посетитель: Вы имеете в виду индивида или группу?

Кришнамурти: Как индивида, так и группу. Вы уже захвачены образом.

Посетитель: Который в конце-концов приведет к самоубийству? Но ведь не каждый человек совершает самоубийство!

Кришнамурти: Конечно; однако всегда имеется элемент желания убежать — убежать от встречи с фактами, от встречи с "тем, что есть", и это бегство представляет собой форму самоубийства.

Посетитель: Я думаю здесь и скрывается загадка того, о чем я хочу спросить. Ибо из того, что вы только что сказали, может сложиться мнение, что самоубийство является бегством. Очевидно, так оно и есть в девяти случаях из ста; но не может ли также встретиться и такой случай самоубийства, — это и есть мой вопрос, который не являлся бы бегством, стремлением избежать того, что вы называете "то, что есть", а, наоборот, был бы ответом разума на "то, что есть"?

Можно сказать, что многие виды неврозов суть формы самоубийства; но что я пытаюсь спросить — может ли когда-нибудь самоубийство быть не невротическим ответом на непосредственную встречу с фактом, ответом человеческого разума на непереносимые условия?

Кришнамурти: Когда вы употребляете слова "разум" и "непереносимые условия", это противоречие. Эти два выражения находятся в противоречии.

Посетитель: Вы сказали, что если человек видит перед собой пропасть или ядовитую змею, готовую его укусить, разум диктует некоторое действие, чтобы уклониться от опасности.

Кришнамурти: Будет ли это действие просто уклонением или разумным актом?

Посетитель: Разве они не могут иногда совпадать? Если на шоссе на меня наезжает автомобиль, и я уклоняюсь от него...

Кришнамурти: Это акт разума.

Посетитель: Но также и акт уклонения от автомобиля.

Кришнамурти: Это и есть акт разума.

Посетитель: Совершенно верно. Поэтому не существует ли в жизни некоторого следствия из такой ситуации, когда перед вами возникло нечто неразрешимое и смертоносное?

Кришнамурти: Тогда оставьте его, как вы отходите от пропасти: отступите от него.

Посетитель: В таком случае отступление и предполагает самоубийство.

Кришнамурти: Нет, самоубийство является актом неразумия.

Посетитель: Почему?

Кришнамурти: Я показываю это вам.

Посетитель: Следовательно, вы утверждаете, что акт самоубийства категорически, неизбежно будет невротическим ответом на жизнь?

Кришнамурти: Очевидно. Это акт неразумия, такой акт, который явно означает, что вы пришли к тому пункту, где вы столь полно изолированы, что не видите никакого выхода.

Посетитель: Но в целях нашей дискуссии я и пытаюсь предположить, что существует такое положение, из которого нет выхода, что человек действует не под влиянием мотива избежать страдания, что он не отходит от реальности,

Кришнамурти: Существует ли в жизни такой случай, такие взаимоотношения, такое происшествие, из которого у вас не было бы выхода?

Посетитель: Конечно. Их множество.

Кришнамурти: Множество? А почему вы настоятельно утверждаете, что самоубийство является единственным выходом?

Посетитель: Если человек, например, смертельно болен, отсюда нет выхода.

Кришнамурти: Теперь будьте осторожны, следите хорошенько за тем, о чем мы говорим. Если у меня рак, и он должен принести мне конец, а врач говорит: "Ну что ж, мой друг, придется жить с этим!" — что мне делать? Покончить жизнь самоубийством?

Посетитель: Может быть.

Кришнамурти: Мы обсуждаем этот вопрос теоретически. Если бы у меня лично был рак в последней стадии, тогда я и рассматривал бы эту проблему, тогда я решал бы, что мне делать. Вопрос не был бы теоретическим. Тогда я нашел бы, какое действие является наиболее разумным.

Посетитель: Вы говорите, что нельзя задавать этот вопрос теоретически, — и он возможен лишь в том случае, если я действительно окажусь в таком положении?

Кришнамурти: Правильно. Тогда вы будете поступать в соответствии с вашей обусловленностью, согласно своему образу жизни. Если ваш образ жизни состоял в том, чтобы чего-то избегать, от чего-то спастись, — а это невротическое занятие, — тогда, очевидно, вы изберете невротическое отношение и невротическое действие. Но если вы жили подлинно разумной жизнью в полном смысле этого слова, тогда разум окажет действие в случае рака в конечной стадии. Тогда я смогу заняться этим вопросом; тогда, возможно, я скажу, что буду жить эти несколько месяцев или лет, которые мне еще осталось прожить.

Посетитель: А, возможно, вы этого не скажете.

Кришнамурти: Возможно, и не скажу; однако не будем говорить, что самоубийство неизбежно.

Посетитель: Я никогда этого не говорил; я спрашивал, не может ли самоубийство быть разумным ответом на ситуацию при некоторых узких обстоятельствах, таких, как рак в конечной стадии.

Кришнамурти: Понимаете, в этом есть нечто странное: жизнь принесла вам большое счастье, необычайную красоту, большие благоденствия, и вы продолжали жить со всем этим. Равным образом вы продолжали жить и тогда, когда были несчастливы, вы составляете часть разума; но вот вы дожили до рака в последней стадии и говорите: "Этого я больше не могу переносить, я должен покончить с жизнью". А почему бы вам не пойти вперед вместе с этим заболеванием, не пожить с ним, не выяснить о нем нечто по мере того, как вы будете идти к концу?

Посетитель: Иными словами, на этот вопрос нет ответа, пока вы не падаете в такое положение.

Кришнамурти: Очевидно. Но, видите ли, почему это очень важно: я чувствую, что мы должны смотреть факту в глаза, встречать "то, что есть" лицом к лицу от мгновения к мгновению, а не теоретизировать на эту тему. Если кто-то болен, болен безнадежно раком или совсем одряхлел, какое действие будет самым разумным – не для простого наблюдателя, такого, как я, а для врача, для жены или дочери?

Посетитель: На это нельзя дать настоящий ответ, потому что здесь проблема другого человека.

Кришнамурти: Именно так; именно это я и говорю.

Посетитель: И мне кажется, что человек не имеет права решать вопрос о жизни или смерти другого человека.

Кришнамурти: А мы решаем его! Так поступают все тирании. То же самое делает и традиция: она говорит, что вы должны жить вот так – и не должны жить по-иному.

Посетитель: Традицией стало также поддерживать жизнь людей далее того пункта, где природе уже пришлось бы уступить. Благодаря искусству медицины люди остаются жить, – впрочем, трудно определить, какое состояние является естественным. Все же кажется чрезвычайно ненормальным жить так долго, как сейчас живут многие. Но это уже другой вопрос.

Кришнамурти: Да, это совершенно другой вопрос. Подлинный вопрос состоит в следующем: позволит ли разум самоубийство, даже хотя бы врачи и говорили, что человек болен неизлечимой болезнью? Невозможно сказать другому, как ему поступать в подобном случае. Только самому человеку, страдающему неизлечимой болезнью, необходимо действовать в согласии со своим разумом. Если он вообще разумен, – а это значит, что он прожил жизнь, в которой была любовь, была забота, чуткость и мягкость, – тогда такой человек в момент возникновения болезни поступит в соответствии с разумом, который действовал в прошлом.

Посетитель: Тогда весь наш разговор оказывается некоторым образом лишненным смысла, потому что так или иначе произойдет именно это: ведь люди неизбежно будут поступать в соответствии с тем, что случилось в прошлом. Они или пустят себе пулю в лоб, или будут сидеть и страдать, пока не умрут, или сделают нечто среднее.

Кришнамурти: Нет, наш разговор не был лишен смысла. Вот послушайте: мы открыли несколько вещей – прежде всего, открыли, что жить разумно – важная вещь; затем мы открыли, что для такого образа жизни, который будет в высшей степени разумным, требуется необыкновенная подвижность ума и тела; а мы разрушили подвижность тела естественным образом жизни. Мы разрушаем также и ум, мозг, своими конфликтами, постоянным подавлением, непрерывными вспышками и насильем. Поэтому если образ жизни человека является отрицанием всего этого, тогда его жизнь, его разум, встретившись с неизлечимой болезнью, будут в нужный момент действовать правильно.

Посетитель: Я вижу, что задал вам вопрос о самоубийстве, – а получил ответ о том, как следует правильно жить.

Кришнамурти: Только такой ответ и возможен. Человек, который прыгает с моста, не спрашивает: "Совершу ли я самоубийство?". Он совершает его, – и дела кончено. А мы, сидя в безопасном доме или в лаборатории, спрашиваем, следует или не следует человеку совершать самоубийства, и это лишено смысла.

Посетитель: Следовательно, это такой вопрос, который невозможно задавать?

Кришнамурти: Нет, его нужно задавать, надо решить, нужно или не нужно кончать жизнь самоубийством. Его необходимо задать; но найдите то, что кроется за этим вопросом, что побуждает человека задать его, что заставляет его желать самоубийства. Я знаю человека, который никогда не покушался на самоубийство, хотя всегда грозит им, – потому что он крайне ленив. Он ничего не хочет делать, он желает, чтобы каждый оказывал ему поддержку; такой человек уже совершил самоубийство. И тот человек, который упрям, подозрителен, жаждет власти и положения, также внутренне совершил самоубийство. Он живет за стеной образов. Поэтому каждый человек, который живет с воображаемым образом самого себя, своего окружения, своей экологии, своей политической власти или религии, уже кончен.

Посетитель: Мне кажется, что вы говорите следующее: любая жизнь, которая не протекает непосредственно...

Кришнамурти: Непосредственно и разумно!

Посетитель: ... вне призрачных образов, вне обусловленности, превыше мышления... Если человек не живет таким образом, его жизнь представляет собой особого рода существование низкой тональности;

Кришнамурти: Конечно, это так. Посмотрите на большинство людей: они живут за стеной – за стеной своего знания, своих желаний, своих честолюбивых побуждений. Они уже находятся в состоянии невроза, и этот невроз дает им некоторую безопасность, которая является безопасностью самоубийства.

Посетитель: Безопасность самоубийства!

Кришнамурти: Возьмите, например, какого-нибудь певца; для него голос представляет собой величайшее средство безопасности, и когда он теряет голос, он готов наложить на себя руки. То, что является подлинно воодушевляющим и истинным, – это найти для себя такой образ жизни, в котором проявляется глубокая восприимчивость и наивысшая разумность. А это невозможно, если существует страх, тревога, жадность, зависть, построение образов или религиозная изоляция. Такая изоляция как раз и есть то, что приносят все религии: верующий определенно стоит на пороге самоубийства. Поскольку он возлагает все свои надежды на какое-то верование, когда это верование поставлено под вопрос, он ощущает страх – и готов принять другое верование, другой образ, готов совершить другое религиозное самоубийство. И вот может ли человек жить без всякого образа, без всякого образца поведения, без какого бы то ни было чувства времени? Я не имею в виду такого образа жизни, когда человек не беспокоится о том, что случится завтра, или о том, что произошло вчера: это не жизнь. Существуют люди, которые говорят: "Пользуйтесь настоящим моментом и берите от него все, что можно" – это тоже акт отчаяния. По-настоящему не следует задавать вопроса о том, правильно или неправильно совершать самоубийство; нужно спросить, что вызывает состояние ума, который лишен надежды. Впрочем, "надежда" – не то слово, потому что надежда подразумевает будущее; скорее надобно спросить, как жизнь приходит к тому, что не имеет времени. Жить вне времени, значит, в действительности иметь это чувство большой любви, ибо любовь не от времени, любовь не есть нечто такое, что было или будет; исследовать ее и жить с ней – вот настоящий вопрос. А вопрос о том, совершать самоубийство или нет, – это вопрос человека который уже частично мертв. Надежда – самая ужасная вещь. Не Данте ли говорил: "Оставьте всякую надежду, когда входите в ад?" Для него рай был надеждой, и это отвратительно.

Посетитель: Да, надежда и есть свой собственный ад.

Глава XI. ДИСЦИПЛИНА

Посетитель: Я вырос в очень стесняющем окружении, в условиях строгой дисциплины; этой дисциплине было подчинено не только внешнее поведение – меня научили также внутренне дисциплинировать себя, контролировать свои мысли и склонности, регулярно делать некоторые вещи. В результате я оказываюсь настолько тесно огражден со всех сторон, что не в состоянии, что-либо сделать легко, свободно, радостно. Когда я вижу то, что творится вокруг меня в этом перmissiveм обществе, вижу небрежность, грязь, неконтролируемое поведение, безразличное отношение к манерам, – я шокирован, хотя в то же время мне втайне самому хочется делать некоторые из этих вещей. Все же дисциплина внедряла какие-то ценности; она приносила с собой разочарования и искажения, но, несомненно, известная доля дисциплины необходима. Например, нужно

уметь прилично сидеть, есть, как следует, проявлять внимание в разговоре. Без дисциплины невозможно познать красоту музыки, литературы, живописи. Хорошие манеры и воспитание открывают великое множество оттенков в повседневном социальном общении. Когда я наблюдаю нынешнее поколение, я вижу, что эти люди обладают прелестью молодого возраста; но без дисциплины их прелесть скоро увянет, и они сделаются довольно нудными стариками и старухами. Во всем этом заключена некоторая трагедия. Вы видите молодого человека, гибкого, живого, красивого, с ясными глазами и приятной улыбкой, – и несколько лет спустя вы снова видите его – уже почти неузнаваемым. Он стал небрежным, грубым, безразличным, полным общих мест, весьма уважаемым, жестоким, некрасивым, скрытным и сентиментальным. Конечно, дисциплина спасла бы его. Я сам подвергся воздействию дисциплины почти до предела возможного; и мне часто хочется узнать, где находится средний путь между этим перmissивным обществом и культурой, в которой был воспитан я. Не существует ли какого-нибудь способа жить без искажения, без подавления, свойственного дисциплине, оставаясь, однако, внутренне высоко дисциплинированным?

Кришнамурти: Слово "дисциплина" означает "учиться", а не "приспосабливаться" – то есть не подавлять, не подражать образцу того, что признали благородным общепринятые авторитеты. Этот вопрос весьма сложен, так как в него включено несколько аспектов: ученье, суровость, свобода, восприимчивость, умение видеть красоту любви.

В ученье нет накопления. Знание отличается от учения. Знание есть накопление, выводы, формулы; а ученье – это постоянное движение, движение без центра, без начала или конца. Для того, чтобы узнавать нечто о себе, в ученье не должно быть накоплений: если они имеются, у нас будет не процесс ученья, не изучение себя, а просто прибавление к накопленным знаниям о себе. Ученье есть свобода восприятия, свобода видеть. И если вы не свободны, вы не можете учиться. Поэтому само такое учение и есть своя собственная дисциплина – вам не нужно дисциплинировать себя, а затем учиться. Итак, дисциплина – это свобода. Последнее обстоятельство отрицает всякое приспособление и контроль, потому что контроль есть подражание какому-то образцу. Образец является подавлением, подавлением "того, что есть"; а когда существует формула того, что хорошо и что плохо, подвергается отрицанию возможность изучать "то, что есть". Изучать "то, что есть" – значит быть свободным от "того, что есть". Таким образом, ученье представляет собой наивысшую форму дисциплины. Ученье требует разума и восприимчивости.

Суровость священника или монаха является жестокой. Они отказываются от некоторых своих склонностей, но не отказываются от других, которые допускаются обычаям. Святой являет собой пример грубого насилия. Обычно суровость отождествляется с самоотречением, достигаемым при помощи жестокой дисциплины, муштровки и приспособления. Святой старается побить рекорд, подобно атлету. Понимание ложности этого пути приносит свою собственную суровость. Святой глуп и фальшив. Видеть это – есть разум. Такой разум не станет прыгать от пропасти к противоположной крайности. Разум – это чувствительность, которая понимает крайности и потому избегает их. Но разум не есть благоразумие посредственности, которая остается на полпути между двумя крайностями. Ясно постичь все это и значит учиться. Для учения должна существовать свобода от всех выводов и предубеждений. Такие умозаключения и предвзятые мнения являются следствием наблюдения, осуществляемого из некоторого центра, из "я", которое желает и направляет.

Посетитель: Не хотите ли вы просто сказать, что правильно смотреть можно лишь тогда, когда вы объективны?

Кришнамурти: Да; но слово "объективный" недостаточно. То, о чем мы говорим, – это не безжалостная объективность микроскопа, а состояние, в котором налицо сочувствие, проникновенность, глубина. Как мы сказали, дисциплина – это ученье; и изучение суровости не приносит изучающему насилия над собой или над другим человеком. А дисциплина в ее обычном понимании как раз и есть акт воли, то есть насилие.

Кажется, во всем мире люди думают, что свобода представляет собой плод продолжительной дисциплины. Ясно видеть – это и есть своя собственная дисциплина. Для того, чтобы ясно видеть, должна существовать свобода, а не контролируемое зрение. Поэтому свобода находится не в конце дисциплины; понимание свободы составляет свою собственную дисциплину. Оба эти явления нераздельно идут вместе: когда вы отделяете одно из них от другого имеет место конфликт. Для преодоления этого конфликта появляется воля – и порождает еще больший конфликт. Эта цепь не имеет конца. Так что свобода существует в начале, а не в конце; начало и есть конец. Изучать все это есть своя особая дисциплина. Само учение требует чувствительности. Если вы нечувствительны по от-

ношению к себе – к своему окружению, к взаимоотношениям, по отношению к тому, что происходит вокруг вас, – в кухне или во всем мире, – тогда сколько бы вы ни дисциплинировали себя, вы только сделаетесь более и более нечувствительным, более и более эгоцентричным; а это порождает неисчислимые проблемы. Учиться – значит быть чувствительным по отношению к себе и ко внешнему миру, потому что внешний мир – это вы; и вот если вы чувствительны по отношению к себе, вы непременно будете чувствительны и к миру. Такая чувствительность представляет собой наивысшую форму разума. Это не та чувствительность, которой обладает специалист – врач, ученый или художник. Подобная фрагментарность не приносит подлинной чувствительности.

И как можно любить, если у вас нет чуткости? Сентиментальность и эмоциональность отрицают чуткость, потому что они ужасающе жестоки; они несут ответственность за войны. Поэтому дисциплина не есть муштровка серванта – будь то на плацу или в вашей внутренней жизни, – которая лежит в сущности воли. Учение в продолжение всего дня и во время сна обладает своей собственной необыкновенной дисциплиной, которая так же нежна, как свежий лист весной, которая обладает быстротой света. В ней скрыта любовь. Любовь имеет свою собственную дисциплину, и ее красота ускользает от ума, который вымуштрован, сформирован, замучен, поставлен под контроль. Без такой дисциплины ум не в состоянии пойти достаточно далеко.

Глава XXII. ТО, ЧТО ЕСТЬ

Посетитель: Я много читал по философии, психологии, религии и политике, – и все это в большей или меньшей степени посвящено человеческим взаимоотношениям. Я читал и ваши книги; все они имеют дело с мыслями и идеями; в какой-то мере я сыт этим по горло. Я плавал в океане слов, и куда бы я ни направлялся, всюду оказываются новые слова, а мне предлагаются действия, проистекающие из этих слов: советы, увещевания, обещания, теории, анализы, средства. Конечно, человек отбрасывает все это в сторону – таким образом, поступили и вы сами. Но для большинства ваших читателей или слушателей то, что вы говорите, остается всего лишь словами. Возможно, есть люди, для кого все это больше, чем слова, для кого там существует нечто в высшей степени реальное; но я говорю о большинстве из нас. Мне хотелось бы выйти за пределы слова, идеи, жить в целостных взаимоотношениях со всеми вещами. Ведь, в конце концов, это и есть жизнь. Вы говорили, что человек должен быть своим учителем и своим учеником. Могу ли я жить в величайшей простоте, без принципов, верований и идеалов? Могу ли я жить свободно, зная, что я поработен миром? Кризисы не стучатся в двери перед своим появлением, вызовы повседневной жизни уже находятся здесь, прежде чем вы их осознаете. Зная все это, будучи вовлеченным во многие из таких явлений, гонимая за различными призраками, я спрашиваю себя, как могу я жить правильно, с любовью, с ясностью, с радостью, без усилий? Я не спрашиваю, как жить; я спрашиваю о самой жизни; потому что "как" отрицает именно действительную жизнь. Благородство жизни – это не практика благородства.

Кришнамурти: Когда вы установили все эти факты, где вы находитесь? Действительно ли вы хотите жить с благословением, с любовью? Если да, то где же тогда проблема?

Посетитель: Действительно хочу, но это ни к чему меня не приводит. Многие годы я хочу, я хочу жить таким образом, но не могу.

Кришнамурти: Итак, хотя вы отрицаете идеал, верование, указание, вы очень тонко и хитро требуете того же, чего требует каждый человек: это конфликт между "тем, что есть" и "тем, что должно быть".

Посетитель: Даже без "того, что должно быть" я вижу, что "то, что есть", отвратительно. Обманывать себя и не видеть этого было бы гораздо хуже.

Кришнамурти: Если вы видите "то, что есть", тогда вы видите вселенную, и отрицание "того, что есть" является началом конфликта. В "том, что есть" находится красота вселенной; и жить с "тем, что есть" без усилий – это добродетель.

Посетитель: "То, что есть" включает также смятение, насилие, любую форму человеческой аберрации. И жить с этим вы считаете добродетелью? Но не будет ли такой образ жизни черствостью, безумием? Совершенство заключается не в том, чтобы полностью отбросить все идеалы! Сама жизнь требует, чтобы я прожил ее красиво, подобно орлу в небесах: переживать чудо жизни с чем-либо меньшим, нежели тотальная красота

– это ненормально.

Кришнамурти: Тогда живите так!

Посетитель: Не могу – и живу не так.

Кришнамурти: Если вы этого не можете, тогда живите в смятении; не боритесь с ним. Зная все связанные с ним страдания, живите с ним; это – "то, что есть". И такая жизнь без конфликта освобождает нас от "того, что есть".

Посетитель: Вы говорите, что единственная наша ошибка в том, что мы самокритичны?

Кришнамурти: Совсем нет. Вы недостаточно критичны. В своей самокритичности вы идете только до определенных пределов. Необходимо подвергнуть критике, подвергнуть проверке то самое существо, которое критикует. Если такая проверка представляет собой сравнение, если она производится при помощи линейки, тогда эта линейка есть идеал. Если же совсем нет никакой линейки – иными словами, если нет ума, который постоянно сравнивает и измеряет, – вы можете наблюдать "то, что есть"; и тогда "то, что есть" более не останется тем же самым.

Посетитель: Я наблюдаю себя без линейки и я все еще отвратителен.

Кришнамурти: Всякая проверка означает, что линейка есть. Но возможно ли наблюдать таким образом, чтобы существовало только восприятие без воспринимающего субъекта?

Посетитель: Что вы хотите этим сказать?

Кришнамурти: Есть процесс рассматривания. Он неизбежно сопровождается интерференцией, искажениями; и это уже не рассматривание. Вместо этого у нас имеет место оценка самого рассматривания. Оба процесса так же различны, как мел и сыр. Существует ли восприятие вас самих без искажения, только абсолютное восприятие вам таким, каковы вы есть?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Существует ли безобразие в таком восприятии?

Посетитель: В восприятии безобразия нет; оно существует только в том, что воспринимается.

Кришнамурти: Ваш способ восприятия – это вы сами. Праведность заключается в чистоте рассматривания; это внимание без искажений меры и идеи. Смотреть без искажений – значит любить; и действие такого восприятия есть действие добродетели. Ясность восприятия будет действовать во все время жизни. Это и будет жизнью, подобной жизни орла в небе; это и окажется жизнью в красоте и в любви.

Глава XIII. ИСКАТЕЛЬ

Посетитель: Чего я ищу? По-настоящему я не знаю этого; но во мне имеется огромное стремление к чему-то гораздо большему, чем комфорт, удовольствие и удовлетворенность достижениями. Мне случалось иметь все это, однако, существует нечто гораздо большее, нечто, находящееся в бездонной глубине и молящее об освобождении, нечто, старающееся что-то мне сказать. Много лет я испытываю такое чувство, но когда я рассматриваю его, оказывается, что я как будто неспособен к нему прикоснуться. Тем не менее оно всегда там, это стремление выйти за пределы гор и небес, что-то найти. А может быть, только я не в состоянии увидеть. Не говорите мне, как нужно смотреть: я прочел многое из написанного вами, и я знаю, что вы имеете в виду. Я хочу дотянуться до того, чего нельзя достать рукой, и взять эту вещь очень просто, хотя сам прекрасно знаю, что своими пальцами не смогу удержать ветер. Говорят, что если аккуратно сделать операцию на опухоли, ее можно удалить неповрежденной, в одной оболочке. Мне хотелось бы точно таким же движением взять всю эту землю, небеса, облака и моря, и в одно мгновение войти в состояние блаженства. Возможно ли это вообще? Как мне переплыть на ту сторону, как пересечь воды без лодки и без весел? Я чувствую, что это единственный путь.

Кришнамурти: Да, это единственный путь – странным, непонятым, непередаваемым образом очутиться на другом берегу и жить оттуда, во

всем действуя и поступая так, как человек поступает в повседневной жизни.

Посетитель: Разве это состояние доступно только для немногих? А для меня? Я действительно не знаю, что делать. Я сидел в безмолвии; я изучал, рассматривал, дисциплинировал себя; я полагаю, что все это делалось достаточно разумно; и, конечно, я уже давно отказался от храмов, святынь и священнослужителей. Я не желаю переходить от одной системы к другой; все это слишком бесплодно. Итак, вы видите, что я пришел сюда с полной простотой.

Кришнамурти: Я сомневаюсь в том, чтобы вы были так просты, как вы думаете! Из какой глубины вы задаете этот вопрос, с какой любовью, с какой красотой? Могут ли ваши ум и сердце принять это состояние? Обладают ли они чуткостью к малейшему шепоту того, что приходит неожиданно?

Посетитель: Если все это так тонко, насколько оно истинно, насколько реально? Внутреннее впечатление подобной тонкости обычно бывают мимолетными и несущественными.

Кришнамурти: Так ли это? Разве все должно быть написано на школьной доске? Пожалуйста, сэр, давайте выясним, действительно ли наш ум и сердце способны воспринимать неизмеримое – а не просто слова.

Посетитель: Этого я как следует не знаю, и в этом моя проблема. Я почти все делал вполне разумно, отбрасывая все очевидные глупости, такие как национальность, организованная религия, вера – этот бесконечный поток бессмыслиц. Я думаю, что обладаю состраданием, что мой ум способен схватить жизненные тонкости; но ведь, конечно, этого недостаточно? Так что же требуется? Что я должен делать или чего не делать?

Кришнамурти: Ничего не делать. гораздо важнее, чем что-то делать. Может ли ум быть полностью бездейственным и, благодаря этому, в высшей степени активным? Любовь не есть деятельность мысли; это не результат хорошего поведения или общепринятой праведности. Поскольку вы не в состоянии культивировать любовь, вы не можете ничего сделать по отношению к любви.

Посетитель: Я понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что бездействие есть высшая форма действия: это не означает ничего неделания. Но я как-то неспособен постичь это сердцем. Может быть, так получается только потому, что мое сердце пусто, что оно устало от всех действий? Может быть, поэтому такое бездействие кажется мне привлекательным? Нет. Я возвращаюсь к своему первоначальному чувству, которое говорит мне, что эта любовь существует где-то здесь; и я знаю также, что это единственно стоящая вещь. Но и после того, как я это сказал, мои руки все еще пусты.

Кришнамурти: Значит ли это, что вы более не ищите, не говорите себе втайне: "Я должен достичь, добиться, ибо есть нечто, превышающее высочайшие горы!"?

Посетитель: Вы хотите сказать, что мне необходимо оставить чувство того, что существует нечто, превышающее все горы, – то чувство, которое я так долго имел?

Кришнамурти: Вопрос не в том, чтобы что-то оставлять; но, как мы только что сказали, существует лишь две эти вещи: любовь и ум, лишенный мысли. Если вы действительно покончили, если вы по-настоящему закрыли двери за всеми глупостями, которые придумал человек в своих исканиях чего-то другого, если вы в самом деле положили им конец, – что тогда представляют собой эти вещи – любовь и пустой ум? Или это просто еще два слова, которые не отличаются от любых других?

Посетитель: У меня есть глубокое чувство, что это не так; но я не уверен. Поэтому я опять спрашиваю, что мне делать.

Кришнамурти: Вы знаете, что это такое – находиться в общении с тем, что мы только что сказали о любви и об уме?

Посетитель: Думаю, да.

Кришнамурти: Я сомневаюсь в этом. Если бы у вас существовало общение с этими двумя явлениями, больше не было бы необходимости что-то говорить. Если у нас имеется с ними общение, тогда всякое действие будет исходить оттуда.

Посетитель: Беда в том, что я все еще думаю, что существует нечто, и его нужно открыть, а оно все поставит на свое место, все приведет в порядок.

Кришнамурти: Без этих двух явлений нет никакой возможности идти дальше. Без них вообще нельзя никуда идти!

Посетитель: Могу ли я находиться в общении с этой сферой все время? Я способен видеть, что когда нахожусь в вашем присутствии, я в какой-то мере могу с ней общаться. Но сумею ли я удерживать это общение?

Кришнамурти: Желание удерживать его есть шум — а потому и его утрата.

Глава XIV. ОРГАНИЗАЦИЯ

Посетитель: Я принадлежал ко многим организациям — религиозным, деловым, политическим. Очевидно, нам необходимо иметь какой-то род организации, без этого жизнь не могла бы продолжаться; поэтому, прослушав вас, я хочу знать, каковы взаимоотношения между свободой и организацией. Где начинается свобода и кончается организация? Каковы взаимоотношения между религиозными организациями и мокша, или освобождением?

Кришнамурти: Поскольку люди живут в очень сложном обществе, организации необходимы чтобы осуществлять связь, путешествовать, обеспечивать людей пищей, одеждой, жильем; они необходимы для всего процесса современной жизни в городах или в сельской местности. И вот этот процесс следует организовывать действенно и гуманно, не только ради выгоды немногих, но для каждого человека, без разделения на национальности, расы или классы. Эта земля — наша, не ваша, не моя. Для того, чтобы счастливо жить в физическом мире, должны существовать разумные, рациональные и действенные организации. Но сейчас имеет место беспорядок, потому что налицо разделение. Миллионы голодают во время гигантского процветания. Продолжаются войны, возникают конфликты, проявляется жестокость в различных формах. Далее, существуют организации верующих, религиозные организации, которые опять-таки порождают разъединение и войну. К этому беспорядку и хаосу людей привела мораль, которой они следуют. Таково действительное положение дел в мире. И когда вы спрашиваете о взаимоотношениях между организацией и свободой, — разве вы не отделяете свободу от повседневного существования? Когда вы отделяете ее таким образом от жизни, как нечто совершенно с ней не связанное, разве это обстоятельство само по себе не является конфликтом и беспорядком? Поэтому подлинный вопрос таков: возможно ли жить в свободе и организовывать жизнь, исходя из этой свободы, в этой свободе?

Посетитель: Тогда не было бы никакой проблемы. Но жизнь организуется не вами; другие делают это за вас. Правительство и прочие власти посылают вас на войну или определяют вашу работу. Поэтому вы не состоите в организации просто ради самих себя, исходя из свободы. Самая суть моего вопроса в том и заключается, что организация, навязываемая нам правительством, обществом, моралью, не является свободой. И если мы ее отвергнем, мы окажемся охвачены революцией или какой-нибудь социальной реформацией, которая представляет собой путь к началу того же самого цикла, что и прежний. Во внешней и внутренней жизни мы вовлечены в организацию, которая ограничивает свободу. Мы или подчиняемся, или восстаем; мы пойманы в ловушку. Поэтому, кажется, не существует никакой возможности организовать нечто, исходя из свободы.

Кришнамурти: Мы не понимаем, что мы сами создали это общество, этот беспорядок, эти стены; за все это несет ответственность каждый из нас. Общество — то же, что и мы. Оно не отличается от нас. Если мы находимся в конфликте, если мы скупы, завистливы, боязливы, мы создадим такое же общество.

Посетитель: Но ведь существует различие между индивидом и обществом. Я вегетарианец, а общество убивает животных. Я не хочу идти на войну, но общество принудит меня к этому. И вы говорите, что эта война — дело моих рук?

Кришнамурти: Да, она лежит на вашей ответственности. Вы породили ее своим национализмом, своей алчностью, завистью и ненавистью. Вы ответственны за войну до тех пор, пока принадлежите к какой-то национальности, расе, вере. Только те люди, которые свободны от таких вещей,

могут сказать, что они не создавали этого общества. Поэтому наша обязанность — следить, чтобы мы изменились, а также помогать изменяться другим без насилия и кровопролития.

Посетитель: Это означает организованную религию?

Кришнамурти: Совсем нет. Организованная религия основана на вере и на авторитете.

Посетитель: Куда же это приведет нас в нашем первоначальном вопросе о взаимоотношениях между свободой и организацией. Организация всегда навязана окружением или досталась нам в наследство от него; а свобода всегда идет изнутри, и между этими двумя происходит столкновение.

Кришнамурти: Откуда вы собираетесь начать? Вы должны начать со свободы. Где существует свобода, там есть любовь. Эта свобода и эта любовь покажут вам, когда нужно сотрудничать, а когда этого делать не следует. Здесь нет акта выбора, потому что выбор есть результат путаницы. Любовь и свобода — это и есть разум. Поэтому мы заняты не разделением между организацией и свободой, а тем, можем ли мы жить в этом мире вообще без разделения. Именно разделение отрицает свободу и любовь, а не организация. Когда организация разделяет, это ведет к войне. Вера в любой форме, идеалы, даже самые благородные или действенные, вызывают разделение. Организованная религия является точно такой же причиной разделения, как национальные и государственные группировки. Поэтому обращайтесь внимание на те вещи, которые разделяют, которые создают разделение между людьми, индивидуальное или коллективное. Такое разделение вызывают семья, церковь и государство. То, что важно, — это движение мысли, которое разделяет. Сама мысль всегда производит разделение, поэтому любое действие, основанное на идее или идеологии, создает разделение. Мысль культивирует предубежденность, мнение, суждение. Будучи внутренне разделенным, человек ищет свободы, исходя из этого разделения. Неспособный найти ее, он надеется слить воедино различные раздельные части; но, конечно, это невозможно. Вы не в состоянии слить воедино два предассудка. Жить в этом мире свободно — значит жить с любовью, избегая всяких форм разделения. Когда же будут существовать свобода и любовь, тогда этот разум будет действовать в сотрудничестве — а также будет знать, когда сотрудничать не надо.

Глава XV. ЛЮБОВЬ И ПОЛ

Посетитель: Я женат, у меня несколько детей. Я вел довольно рассеянную жизнь, гнался за наслаждениями; но в то же время моя жизнь была достаточно благоразумной, и я добился в ней финансового успеха. Но вот сейчас я уже пожилой человек, и меня беспокоит не только моя семья, но также и тот путь, по которому идет наш мир. Я не склонен к жестокости или чувствам насилия и всегда считал, что прощение и сострадание прежде всего нужны в жизни. Без них человек остается на уровне ниже человеческого. Поэтому, если можно, я хотел бы спросить вас о том, что такое любовь. Существует ли такое явление на самом деле? Сострадание, должно быть, является ее частью; однако я всегда чувствую, что любовь — это что-то гораздо более обширное; и если бы смогли вместе исследовать ее, тогда я, возможно, сделал бы из своей жизни нечто стоящее, пока не будет слишком поздно. Я пришел сюда действительно для того, чтобы задать один этот вопрос — что такое любовь?

Кришнамурти: Прежде чем мы начнем углубленное рассмотрение этого вопроса, нам следует очень ясно понять, что слово — это не вещь, что описание не есть описываемый предмет, и любое количество объяснений, какими бы тонкими и умными они не были, не откроет сердца для необъятности любви. Нам нужно понять это, а не просто держаться за слова: слова полезны для общения, но говоря о чем-то действительно выходящем за пределы слов, необходимо установить между собой некоторое единение, так чтобы мы вдвоем в одно и то же время чувствовали и понимали одно и то же со всей полнотой ума и сердца. Иначе мы будем всего лишь играть словами. Как же нам можно подойти к этой поистине очень тонкой вещи, которой ум не в состоянии коснуться? Мы должны идти вперед довольно осторожно. Не следует ли нам сперва рассмотреть вопрос о том, чем не является любовь? Возможно, тогда мы сумеем увидеть, что это такое. При помощи отрицания мы окажемся способными прийти к положительному; а простое стремление к положительному ведет к предположениям и умозаключениям, что вызывает разделение. Вы спрашиваете, что такое любовь. Я говорю: может быть, мы придем к ней, когда узнаем, чем она не является. Все, что производит разделение, от-

дельность, не есть любовь; ибо в таких случаях налицо конфликт, борьба и жестокость.

Посетитель: Что вы называете отдельностью, разделением, вызывающим борьбу, – что вы понимаете под этим?

Кришнамурти: Мысль по своей природе разделяет. Именно мысль ищет удовольствия и удерживает его. Именно мысль культивирует желание.

Посетитель: Не объясните ли вы желание немного подробнее.

Кришнамурти: Вот мы видим дом; мы чувствуем его красоту; затем возникает желание владеть им и получать от него удовольствие; а потом появляется усилие с целью приобрести его. Все это составляет центр; и такой центр – чувство "меня", которое и представляет собой причину разделения, потому что само это чувство "меня" и является чувством отдельности. Люди дают ему название "я", а также всевозможные другие имена, например, "низшее я", как противоположность некоторой идее "высшего я", – но нам нет необходимости усложнять данное явление; оно очень просто. Там, где существует этот центр, это чувство "меня", которое изолирует себя своими действиями, – там существует разделение и противодействие. И все это есть процесс мысли. Так что, когда вы спрашиваете, что такое любовь, видно, что она не является этим центром. Любовь – не удовольствие, не страдание, не ненависть и не насилие в любой форме.

Посетитель: Следовательно, в такой любви, о которой вы говорите, не может быть половой жизни, поскольку в ней не может быть желания?

Кришнамурти: Пожалуйста, не переходите к какому-то заключению. Мы исследуем, узнаем. Любое заключение или предположение препятствует дальнейшему исследованию. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны также бросить взгляд на энергию мысли. Как мы сказали, мысль поддерживает удовольствие, думая о нем, о том, что оказалось приятным; она культивирует образ, картину. Мысль порождает наслаждение. Мысль о половом акте становится вождением, которое целиком отличается от самого полового акта. То, чем занято большинство людей, – это страсть вождения. Желание до и после полового акта есть чувственность. Это желание есть мысль; а мысль – это не любовь.

Посетитель: Но разве может существовать половая жизнь без такого мысленного желания?

Кришнамурти: Вам нужно выяснить это самому. Пол играет в нашей жизни необычайно важную роль, потому что, пожалуй, это единственное глубокое непосредственное переживание, которое нам доступно. В интеллектуальной и эмоциональной области мы приспосабливаемся, подражаем, следуем, повинемся. Во всех наших взаимоотношениях существует боль и борьба; исключением является половой акт. Поскольку этот акт так непохож на все остальное, поскольку он так прекрасен, мы безудержно предаемся ему; поэтому он в свою очередь становится оковами. Такими узами оказывается потребность в его продолжении; и это опять-таки действие центра, создающего разделение. Человек настолько стеснен – в интеллектуальной области, в семье, в обществе, стеснен общественной моралью, религиозными санкциями, – что для него остается только одна эта область, в которой существует свобода и напряженность взаимоотношений. Поэтому мы придаем ей огромную важность. Но если бы свобода существовала повсюду вокруг нас, тогда половая жизнь не вызывала бы таких страстных желаний, не представляла бы собой такой проблемы. Мы превращаем ее в проблему потому, что не в состоянии иметь ее в достаточной степени, или потому, что чувствуем вину в том, что живем ею, добиваемся ее, мы нарушаем установленные обществом законы. Именно старое общество называет новое перmissive, так как для нового общества пол является частью жизни. В освобождении ума от цепей подражания, авторитета, приспособления и религиозных предписаний пол имеет свое собственное место; однако он не станет всепоглощающим. Из этого можно видеть, что для любви существенно важна свобода – не свобода бунта, не свобода делать все, что угодно, не свобода открыто или тайно предаваться удовлетворению своих страстей, а скорее та свобода, которая приходит в понимании всей структуры и природы центра. Тогда свобода – есть любовь.

Посетитель: Значит, свобода не есть распушенность?

Кришнамурти: Нет. Распушенность – это рабство. Любовь – это не ревность, не ненависть, не честолюбие, не дух соперничества с его страхом перед неудачей. Это не любовь божества, не любовь человека, – что

опять-таки представляет собой разделение. Любовь не принадлежит одному или многим. Когда существует любовь, она бывает одновременно личной и безличной, с объектом и без него. Она подобна человеку, он может быть доступен и многим. То, что важно, – это аромат, а не то, кому он принадлежит.

Посетитель: А где же во все это приходит прощение?

Кришнамурти: Когда есть любовь, не может существовать никакого прощения. Прощение приходит после того,

как вы накопили злобу; прощение есть обида. Там, где нет раны, нет нужды в лечении. Это невнимание порождает обиду и ненависть, а вы осознаете их и затем прощаете. Прощение поощряет разделение. Когда вы сознательно прощаете, вы совершаете грех. Когда вы сознаете, что вы терпимы, тогда вы нетерпимы. Когда вы сознаете свое безмолвие, тогда безмолвие уже нет. Когда вы обдуманно принимаетесь любить, тогда вы наполнены насилием. Пока существует наблюдатель, который говорит: "Я ем" или "Меня нет", – любви быть не может.

Посетитель: Какое место в любви занимает страх?

Кришнамурти: Как можете вы задавать такой вопрос? Когда есть одно, другого нет. Когда существует любовь, вы в состоянии делать все, что захотите.

Глава XVI. ВОСПРИЯТИЕ

Посетитель: Для обозначения восприятия вы пользуетесь различными словами. Иногда вы употребляете слово "восприятие", но также и слова "наблюдение", "видеть", "понимать", "осознавать". Я полагаю, что вы используете все эти слова, чтобы обозначить одно и то же: видеть ясно, целостно, полно. Может ли человек видеть нечто с тотальной полнотой? Мы не говорим о физических или технических явлениях; а вот способен ли человек тотально воспринимать или понимать что-то? Разве не бывает так, что всегда какая-то часть остается скрытой, и вы видите только частично? Я был бы чрезвычайно вам обязан, если бы вы смогли рассмотреть этот вопрос достаточно широко. Я чувствую, что он важен, потому что, вероятно, в нем может оказаться ключ ко многим явлениям жизни. Если бы я был в состоянии тотально понимать себя, я, пожалуй, разрешил бы все свои проблемы и сделался счастливым, сверхчеловеческим существом. Когда я говорю об этом, я испытываю некоторый подъем, сознавая возможность выйти за пределы своего мирка с его проблемами и страданиями. Итак, что вы понимаете под постижением, способностью видеть? Можно ли полностью увидеть себя?

Кришнамурти: Мы всегда смотрим на вещи частично. Во-первых, потому, что мы невнимательны; во-вторых, потому, что мы смотрим на вещи, исходя из предвзятых мнений, из словесных и психологических образов того, что мы видим. Поэтому мы никогда ничего не видим с полнотой. Даже смотреть на природу объективно оказывается весьма тягостным. Смотреть на цветок без какого-либо образа, без всяких ботанических знаний, просто наблюдать его, становится очень трудным, потому что наш ум переходит с места на место, потому что он лишен интереса. И если даже он ощущает интерес к цветку, вы смотрите на него с некоторыми оценками и словесными описаниями, которые как будто дают наблюдателю ощущение, что он действительно смотрел на цветок. Но смотреть преднамеренно – значит не смотреть. Поэтому мы никогда не смотрим на цветок по-настоящему. Мы смотрим на него сквозь некоторый образ. Может быть, весьма легко смотреть таким образом на нечто такое, что нас глубоко не затрагивает; например, так бывает, когда мы идем в кино и видим фильм, который на мгновение нас волнует, но скоро забывается. А вот наблюдение самого себя без образа самого себя, то есть без прошлого, без нашего накопленного опыта и знаний, имеет место очень редко. У нас существует некоторый образ самих себя. Мы думаем, что должны быть этим, а не тем. Мы заранее построили некоторую идею себя и рассматриваем себя через нее. Мы считаем, что мы благородны или неблагородны; а когда мы видим себя такими, каковы мы есть, видим себя в подлинном свете, это вызывает в нас депрессию или боязнь. Поэтому мы неспособны смотреть на себя; когда же мы это делаем, наблюдение получается частичным; а все, что является частичным, неполным, не приносит понимания. Только тогда, когда мы сумеем посмотреть на себя тотально, открывается возможность освободиться от того, что мы наблюдаем. Наше восприятие совершается не только при помощи глаз и внешних чувств, но также и при помощи ума; а ум, очевидно, является тяжело обусловленным. Поэтому интеллектуальное восприятие – это лишь частичное восприятие; однако интеллектуальное по-

нимание как будто удовлетворяет большинство из нас и мы думаем, что при нем поняли нечто. А отрывочное понимание представляет собой наиболее опасную и разрушительную вещь. Как раз именно это и происходит во всем мире: политик, священнослужитель, бизнесмен, техник, даже художник – все видят только частично. И потому они на деле оказываются весьма разрушительными людьми. Но поскольку им принадлежит выдающаяся роль в мире, их частичное восприятие становится общепринятой нормой, и человек оказывается захваченным ею. Каждый из нас представляет собой одновременно священнослужителя, политика, бизнесмена, художника и множество других фрагментарных существ. Каждый из нас – это также поле битвы всех находящихся в конфликте мнений и суждений.

Посетитель: Я вижу это ясно. Конечно, я употребляю слово "видеть" в интеллектуальном смысле.

Кришнамурти: А если вы увидите это тотально, – не интеллектуально, не словесно, не эмоционально, – тогда вы будете действовать совершенно иначе, будете жить совершенно другой жизнью. Когда вы видите опасную пропасть или неожиданно встречаетесь с опасным животным, здесь нет частичного понимания или частичного действия; тогда налицо полное действие.

Посетитель: Но ведь мы не сталкиваемся с такими опасными кризисами в каждое мгновение нашей жизни.

Кришнамурти: В том-то и дело, что мы как раз сталкиваемся с опасными кризисами все время. Вы привыкли к ним, вы сделали безразличными или переложили решение проблем на других людей; а эти другие люди так же слепы и кривобоки.

Посетитель: Но как мне осознать эти кризисы в течение всего времени; и почему вы вообще утверждаете, что кризис существует всегда? ^

Кришнамурти: В любое мгновение присутствует целая жизнь. Каждый момент есть вызов. Неадекватно встретить такой вызов – это и будет жизненным кризисом. Мы не хотим видеть, что эти кризисы существуют, мы закрываем глаза, чтобы убежать от них. Таким образом, мы делаемся слепыми, а кризисы возрастают.

Посетитель: Но как же мне воспринимать тотально? Я начинаю понимать, что вижу лишь частично; я начинаю также понимать, как важно смотреть на мир и на себя с целостным восприятием. Но внутри меня совершается столь многое, что мне трудно решить, на что смотреть. Мой ум подобен большой клетке, наполненной беспокойными обезьянами.

Кришнамурти: Если вы видите тотально одно движение, в эту тотальность включено и всякое иное движение. Если вы полностью понимаете одну проблему, тогда вы понимаете все человеческие проблемы, потому что они взаимосвязаны. Итак, возникает вопрос: можно ли понять или воспринять, или увидеть одну проблему с такой полнотой, чтобы в самом ее понимании мы поняли и все остальные проблемы? Эту проблему необходимо видеть в момент ее существования, а не после того и не раньше, не в качестве воспоминания или какого-то примера. В частности, нам бесполезно рассуждать о гневе или страхе; то, что нам надо делать, – это наблюдать их, когда они возникают. Восприятие происходит мгновенно: вы понимаете нечто сразу же – или не понимаете совсем. Когда мы видим, слышим, понимаем, это происходит мгновенно. Слушание и рассмотрение имеют длительность.

Посетитель: Однако моя проблема продолжает существовать, она существует некоторое время. Вы говорите, что виденье мгновенно и поэтому находится вне времени. Что же придает длительность ревности или какой-либо иной привычке, или любой проблеме?

Кришнамурти: Разве они продолжают не потому, что вы смотрите на них без осознания? Разве вы смотрите на них в состоянии осознания без выбора, разве вы смотрите разумом? Вы смотрели на них частично, а потому дали им возможность длительности. И вдобавок желание избавиться от них явилось другой проблемой, также обладающей длительностью. Неспособность справиться с чем-нибудь создает из этого длительную проблему, придает этой проблеме жизнь.

Посетитель: А как мне увидеть это целиком в одно мгновение? Как мне понять это, чтобы оно никогда не вернулось?

Кришнамурти: На что вы делаете упор – на "никогда" или на понима-

ние? Если для вас главное – это "никогда", значит вы хотите навсегда убежать от явления, а это создает вторую проблему. Поэтому перед нами только один вопрос, который заключается в том, как увидеть проблему с такой полнотой, чтобы освободиться от нее. Восприятие может иметь место только вследствие безмолвия, а не вследствие болтливости ума. Болтовня может быть и желанием избавиться от этого ума, уменьшить его блуждание, убежать от него, подавить его, найти ему замену. Но способен видеть только спокойный ум.

Посетитель: Как же мне иметь спокойный ум?

Кришнамурти: Вы не видите той истины, что только спокойный ум способен видеть. Тогда вопрос о том, как иметь спокойный ум, не возникает. Есть истина, что ум должен быть спокойным; и когда мы видим эту истину, она освобождает ум от болтовни. Тогда действует восприятие, которое и есть разум, – а не утверждение о том, что вы должны быть молчаливым для того, чтобы видеть. Утверждение также способно произвести действие, но такое действие будет частичным, отрывочным. Между частичным и тотальным нет взаимоотношений; частичное не в состоянии вырасти в тотальное. Поэтому видение представляет собой величайшую важность. Виденье есть внимание; и только невнимание дает начало проблеме.

Посетитель: Как же смогу быть внимательным все время? Это невозможно.

Кришнамурти: Правильно, это в самом деле невозможно. Но важнее всего – осознать ваше невнимание, а не то, как все время быть внимательным. Это жадность задает вопрос: "Как смогу я быть все время внимательным?". В практике внимание человека теряется; практика внимания есть невнимание. Вы не можете практиковать красоту или любовь. Когда прекращается ненависть, тогда существует другое состояние. Ненависть может исчезнуть лишь тогда, когда вы отдаете ей все внимание целиком, когда вы изучаете ее и не накапливаете знаний о ней. Начните очень просто.

Посетитель: В чем же смысл вашей беседы, если после того, как мы вас прослушали, у нас не остается ничего, что нам можно было бы практиковать?

Кришнамурти: Величайшую важность имеет то, чтобы вы слушали, а не то, что вы после этого практикуете. Слушание есть мгновенное действие, а практика дает проблемам длительность. Практика – это тотальное невнимание. Никогда не практикуйте; вы можете только практиковать ошибки. Ученье всегда ново.

Глава XVII. СТРАДАНИЕ

Посетитель: Кажется, за всю мою жизнь мне пришлось вынести много страданий. Это были не физические страдания, а страдания, вызванные смертью близких, одиночеством, крайней бесплодностью моего существования. У меня был сын, которого я очень любил; он погиб в результате несчастного случая. Меня покинула жена, и это причинило мне сильную боль. Я полагаю, что так же точно живут и тысячи других людей среднего класса, располагающие достаточными средствами и постоянной работой. Я не жалею о своих обстоятельствах, но хочу понять, что такое печаль, зачем она вообще приходит. Говорят, что благодаря печали появляется мудрость, но я обнаружил нечто совершенно противоположное.

Кришнамурти: Интересно узнать, чему вы научились от страдания. Научились ли вы вообще чему-нибудь? Чему научила вас печаль?

Посетитель: Она, несомненно, научила меня никогда не привязываться к людям, она сообщила мне некоторую горечь, известное равнодушие; она научила меня не поддаваться увлечениям своих чувств. Она научила меня большой осторожности, чтобы не получить новых ударов.

Кришнамурти: Следовательно, как вы сказали, страдание не научило вас мудрости, наоборот, оно сделало вас более хитрым и менее чувствительным. Разве печаль вообще чему-нибудь учит человека? – кроме очевидных реакций самозащиты...

Посетитель: Я всегда понимал страдание как часть своей жизни; но теперь я как-то ощущаю, что мне хочется быть свободным от него, свободным от всей его безвкусной жесточечности и безразличия, не проходя снова через всю боль привязанности. Моя жизнь так пуста и бесцельна,

крайне замкнута на себе и незначительна. Это жизнь посредственности и, пожалуй, именно эта посредственность более всего вызывает печаль.

Кришнамурти: Если личная печаль, есть печаль целого мира. Существует печаль, связанная с незнанием, и печаль, вызванная временем. Такое незнание есть отсутствие знания себя; а печаль, связанная со временем, есть следствие уверенности в том, что время может излечить, изменить, исцелить. Большинство людей попадали в ловушку этого заблуждения; они или поклоняются печали, или оправдывают ее. Но в каждом из таких случаев печаль продолжает существовать, и никто никогда не задает себе вопроса о том, может ли она прийти к концу.

Посетитель: Но вот сейчас я спрашиваю: может ли она прийти к концу – и как? Как мне покончить с ней? Я понимаю, что бежать от нее или противиться ей горечью и цинизмом – бесполезно. Что же мне делать, чтобы положить конец горю, которое я так долго нес?

Кришнамурти: Жалость к себе есть один из элементов печали. Другой ее элемент – привязанность к кому-то и поощрение или благоприятствование ответной привязанности. Печаль существует не только тогда, когда наша привязанность кончается ничем; но семья этой печали находится у самых истоков такой привязанности. Вся беда заключается в крайнем недостатке знания самого себя. Знание себя есть конец печали. Но мы боимся узнать себя, потому что разделили себя на хорошее и дурное, на низкое и высокое, на чистое и нечистое. Хорошее всегда осуждает плохое, и эти обрывки ведут друг с другом войну. Подобная война и есть печаль. Покончить с печалью – значит видеть факт и не придумывать его противоположность, потому что противоположности содержат в себе друг друга. Когда мы шагаем по коридору противоположностей, это и есть печаль. Разорванность жизни на высокое и низкое, на благородное и неблагородное, на Бога и дьявола порождает конфликт и страдание. Когда существует печаль, тогда нет любви. Любовь и печаль не могут жить вместе.

Посетитель: А! Но ведь любовь может причинить печаль другому человеку. Я могу любить другого и все же принести ему печаль.

Кришнамурти: Принесете ли вы печаль, если любите, принесет ли он вам печаль? Если другой человек привязан к вам, и вы его поощряли или не поощряли, а затем отвернулись от него, и он страдает, кто же вызвал эту печаль – вы или он?

Посетитель: Вы хотите сказать, что я не несу ответственность за чью-то чужую печаль, даже если она возникла из-за меня? Как же в таком случае печаль вообще когда-либо придет к концу?

Кришнамурти: Как мы сказали, печаль приходит к концу только в полном познании себя. Знаете ли вы себя с одного взгляда, или надеетесь узнать себя после длительного анализа? Вы не в состоянии узнать себя при помощи анализа. Вы можете узнавать себя лишь без накопления, во взаимоотношениях, от мгновения к мгновению. Это значит, что человек должен осознавать без всякого выбора то, что действительно имеет место. Это значит видеть себя таким, каков вы есть, без противоположности, без идеала, без знания о том, чем вы были. Если вы смотрите на себя глазами обиды или злобы, тогда то, что вы видите, окрашено прошлым. Сбрасывая прошлое всякий раз, когда вы видите себя, вы будете свободны от прошлого. Печаль кончается только тогда, когда существует свет понимания. Этот свет не зажигается каким-то одним переживанием или одной вспышкой понимания: такое понимание само светит все время. И никто не может дать его вам – никакая книга, никакой трюк, никакой учитель или спаситель. Понимание себя есть окончание печали.

Глава XVIII. СЕРДЦЕ И УМ

Посетитель: Почему происходит так, что человек разделил свое бытие на изолированные друг от друга части – на интеллект и эмоции? Каждая из них существует как будто независимо от другой. Обе эти движущие силы жизни часто оказываются настолько противоречивыми, что прямо разрывают на части самый механизм нашего бытия. Их соединение, так чтобы человек мог действовать, как тотальное существо, всегда было одной из главных целей жизни. И вдобавок к этим двум явлениям внутри человека существует еще и третье – отношение к его меняющемуся окружению. Таким образом, два противоречащих друг другу внутренних фактора являются противоположностью по отношению к третьему, который для человека является внешним. Здесь перед нами настолько сложная проблема, настолько противоречивая и необъяснимая, что интеллект

изобретает некую внешнюю силу, называемую Богом, дабы соединить их; а это еще более усложняя все дело. В жизни существует лишь одна эта проблема.

Кришнамурти: Мне кажется, что вы уносите вдалеке от собственных слов. Действительно ли это является для вас проблемой или вы придумываете ее, чтобы всласть наговориться? Если целью вашего вопроса является просто дискуссия, тогда он не имеет реального содержания. Но если это подлинная проблема, тогда мы можем подробно ее рассмотреть. Тут мы имеем весьма сложную ситуацию: внутренняя жизнь расщепляет себя на отдельные части и далее изолирует себя от своего окружения. А еще позже она вносит разделение и в окружение, которое называет обществом: оно разделяется на классы, на расы, национальные, географические и экономические группы. Кажется, именно это в действительности происходит в мире. И мы называем это жизнью. Будучи неспособны разрешить данную проблему, мы изобретаем некое высшее существо, некий фактор, который, как мы надеемся, принесет гармонию и какое-то связующее качество внутри нас и между нами. Это связующее качество, которое мы называем религией, в свою очередь приносит с собой новый фактор разделения. Таким образом, встает вопрос: что же принесет жизни полную гармонию, где нет никаких разделений, а существует только состояние, в которой интеллект и сердце – оба станут выражением одного тотального существа? Это существо не будет фрагментом.

Посетитель: Я согласен с вами, но как это осуществить? Именно к этому всегда стремился человек, именно этого добивался во всех религиях, политических и религиозных утопиях.

Кришнамурти: Вы спрашиваете: "Как?". Ваше "как" – большая ошибка. Это фактор разделения. Есть ваше "как", мое "как" и еще чье-то "как"... И вот если бы мы никогда не употребляли слова "как", мы по-настоящему производили бы исследование, а не искали бы метода для достижения заранее намеченного результата. Итак, можете ли вы полностью устранить идею какого-то средства, какого-то результата? Если вы в состоянии предопределить результат, вы уже заранее его знаете, а потому он обусловлен и не свободен. Если же мы отбросим средство, тогда мы оба сумеем произвести исследование вопроса о том, возможно ли вообще осуществить некоторое гармоничное целое, не придумывая внешнего фактора, ибо все внешние факторы, будь то окружающая среда или высшая сфера, только усложняют проблему. Прежде всего, это ум разделяет себя на чувства, интеллект и окружение; это ум изобретает внешний фактор; это ум создает проблему.

Посетитель: Такое разделение существует не только внутри ума. В чувствах оно даже сильнее. Мусульмане и индусты не просто считают себя отдельными, они чувствуют себя отдельными; именно чувство по-настоящему создает им отдельность и заставляет уничтожать друг друга.

Кришнамурти: Совершенно верно: мышление и чувство суть одно; они были едины с самого начала; как раз это я и говорю. Итак, наша задача не в том, чтобы осуществить слияние воедино различных оторванных друг от друга частей, а в понимании ума и сердца, которые суть одно. Наша проблема не в том, как избавиться от классов или построить лучшую утопию, породить лучших политических руководителей или новых религиозных учителей. Наша проблема – это ум. Подойти к данному пункту не теоретически, а действительно его увидеть есть высочайшая форма разума. Ибо тогда вы не принадлежите к какому-либо классу или религиозной группе; тогда вы – не мусульманин, не индуист, не еврей, не христианин. Так что теперь у нас только один вопрос: почему ум человека производит разделение? Он разделяет не только свои собственные функции, создавая чувства и мысли, но также отделяет "нас" от "них". Ум и сердце суть одно; не будем этого забывать. Помните это, когда мы станем употреблять слово "ум". Итак, наша проблема заключается в следующем: почему ум производит разделение?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Ум есть мысль. Вся деятельность мысли представляет собой разделение, разрыв. Мысль – это реакция памяти, мозга. Мозг должен реагировать при виде опасности, и это разумно; но тот же самый мозг стал в некоторой степени обусловленным, чтобы не видеть опасности разделения. Его действия бывают здравыми и необходимыми, когда они связаны с фактами. И он будет действовать точно таким же образом, когда увидит тот факт, что разделение и разорванность для него опасны. Это не идея, не идеология, не принцип, не понятие – все они суть проявления идиотизма, все они создают чувство отдельности – это факт. Чтобы видеть опасность мозг должен оставаться весьма бдительным и про-

бужденным – весь мозг, а не только какая-то отдельная его часть.

Посетитель: Как же это возможно – поддерживать весь мозг в состоянии пробуждения?

Кришнамурти: Как мы сказали, нет никаких "как"; существует только одно: видеть опасность; в этом все дело. Такая способность видеть не является результатом пропаганды или обусловленности; при ней видит весь мозг. Когда мозг полностью пробужден, тогда ум становится спокойным. Когда мозг полностью пробужден, тогда нет разорванности, нет отдельности, нет двойственности. Качество такого спокойствия чрезвычайно важно. Вы можете сделать ум тихим при помощи наркотиков и всевозможных искусственных приемов; но такой обман порождает всякие другие формы иллюзии и противоречия. Это спокойствие представляет собой наивысшую форму разума, который никогда не бывает личным или безличным, никогда не бывает вашим или моим. Оставаясь безымянным, он целостен и незапятнан. Он не поддается описанию, потому что не имеет качеств. Это – осознание, это – внимание, это – любовь, это – высочайшее. Мозг должен быть полностью пробужден, вот и все. Как человеку в джунглях необходимо быть невероятно бдительным, чтобы сохранить свою жизнь, так и в джунглях этого мира ему обязательно нужно оставаться чрезвычайно бдительным, чтобы жить со всей полнотой.

Глава XIX. КРАСОТА И ХУДОЖНИК

Посетитель: Хотелось бы знать, что такое художник. Где-то на берегу Ганга в маленькой тесной комнате сидит человек и тклет прекрасное сари из шелковой с золотом ткани, а другой в Париже в своей мастерской пишет картину в надежде на то, что она принесет ему славу. Еще дальше писатель искусно создает истории, разрабатывая старую как мир проблему мужчины и женщины; затем в каком-то другом месте ученый трудится в своей лаборатории, а техник из миллиона частей собирает ракету, чтобы она могла лететь на Луну. В это же время в Индии музыкант ведет крайне суровую жизнь, чтобы верно передавать чистейшую красоту своей музыки. Вот хозяйка дома готовит еду, вот поэт гуляет в одиночестве по лесу. Разве все они не художники, каждый в своем роде? Я чувствую, что красота находится в руках любого человека, только люди этого не замечают. Мужчина, изготавливающий красивые платья или превосходную обувь, женщина, которая составила этот букет у вас на столе, – все они как будто выражают красоту в своем труде. Меня часто удивляет, почему происходит так, что в этом мире столь необоснованно важное значение приобрели художник, композитор, писатель, скульптор, то есть так называемые творческие работники, а не сапожник, не повар. Разве их труд также не бывает творческим? Когда вы рассматриваете все многообразие выражений того, что люди считают красивым, какое тогда место в жизни занимает подлинный художник, и кто будет этим подлинным художником?

Говорят, что красота – это самая сущность всей жизни. Разве вон то здание, которое считается столь прекрасным, не выражает эту сущность? Я был бы весьма признателен, если бы вы смогли подробно рассмотреть весь этот вопрос о красоте и о художнике.

Кришнамурти: Несомненно, художник – это человек, искусный в действии, не правда ли? Такое действие заключено в самой жизни, а не за ее пределами. Поэтому искусство в жизни и создает подлинного художника. Такое искусство может проявляться в течение нескольких часов в день, когда он играет на каком-нибудь музыкальном инструменте, пишет стихи, занимается живописью; оно может проявляться несколько дольше, если такой человек искусен в разнообразных сферах деятельности – подобно тем великим людям эпохи Возрождения, которые трудились в различных областях искусства и науки. Но несколько часов музыки или науки могут находиться в противоречии с остальной жизнью человека, которая протекает в беспорядке и смятении. Поэтому будет ли этот человек вообще художником? Человек, который артистически играет на скрипке и заботится лишь о своей славе, не интересуется скрипкой; он только эксплуатирует ее, чтобы стать знаменитым; для него "я" гораздо важнее музыки; то же самое справедливо и по отношению к писателю или художнику, мечтающему добиться известности. Музыкант отождествляет свое "я" с тем, что он считает прекрасной музыкой, а религиозный человек отождествляет свое "я" с тем, что считает возвышенным. Все эти люди обладают искусством в своих частных небольших полях деятельности, но они не обращают внимания на остальную часть обширного поля жизни. Поэтому нам необходимо выяснить, что такое искусство в действии, в жизни, а не только в живописи, в литературе или в технике, равно как и вопрос о том, как человек может всю свою жизнь про-

жить с искусством и с красотой. Разве искусство и красота – не одно и то же? Может ли человек, независимо от того, является ли он художником или нет, наполнить искусством и красотой всю свою жизнь? Жизнь есть действие; и когда это действие порождает печаль, оно перестает быть искусным. Итак, может ли человек жить без печали, без трений, без ревности и жадности, без какого бы то ни было конфликта? Вопрос не в том, кто является художником, а кто нет; вопрос в том, способен ли человек, вы или кто-то другой, жить без мучений, без искажений. Конечно, было бы профанацией принижать великие творения музыки, скульптуры, поэзии, танцевального искусства, смеяться над ними – это значило бы не обладать искусством в собственной жизни. Однако художественность и красота, которые и есть искусство в действии, должны проявляться в продолжение всего дня, а не только несколько часов в день. Это и будет подлинным вызовом жизни, не просто задача – виртуозно играть на рояле. Вы должны прекрасно играть на нем, коль скоро вообще взялись за это дело; но это не все. Такой образ действия был бы похож на возделывание лишь небольшого уголка обширного поля. Нас же касается целое поле, и это поле есть жизнь. А мы всегда поступаем по-другому: мы пренебрегаем целым и сосредоточиваемся на обрывках, принадлежащих нам или другим людям. Художественность состоит в том, чтобы находиться в состоянии полного пробуждения, а потому быть искусным в действии во всей жизни; и это есть красота.

Посетитель: А что вы скажите о рабочем на фабрике или о конторском служащем? Будет ли такой человек художником? Разве его работа не делает всякое искусство невозможным, разве она не омертвляет его до такой степени, что ему становится недоступным какое-либо иное умение? Разве он не обусловлен своей работой?

Кришнамурти: Конечно, обусловлен. Но если он пробудится, он или оставит свою работу, или так ее преобразит, что она станет художественной. То, что важно, – не работа, а пробуждение по отношению к работе. То, что важно, – это не обусловленность работой; важно пробуждение.

Посетитель: А что вы понимаете под словом "пробуждение"?

Кришнамурти: Пробуждают ли вас только обстоятельства, вызовы, какие-нибудь несчастья или радости? Или существует состояние пробуждения без какой-либо причины? Если вы пробуждены некоторым событием, некоторой причиной, тогда вы от чего-то зависите, будь то наркотик, половая жизнь, музыка или живопись, тогда вы позволяете себе погрузиться в сон. Поэтому всякая зависимость есть конец искусства, конец художественности.

Посетитель: Что это за другое пробужденное состояние, не имеющее причины? Вы говорите о каком-то состоянии, где нет ни причины, ни следствия. Может ли иметь место состояние ума, которое не является результатом определенной причины? Я этого не понимаю, потому что, несомненно, все, что мы думаем, все, что мы такое, суть результаты некоторой причины. Существует бесконечная цепь причины и следствия.

Кришнамурти: Эта цепь причины и следствия бесконечна, ибо следствие становится причиной, а причина порождает дальнейшее следствие и так далее.

Посетитель: Тогда какое же действие существует вне этой цепи?

Кришнамурти: Все, что мы знаем, это действие с причиной, с мотивом, которое представляет собой некоторый результат. Все действия проявляются во взаимоотношениях. Если взаимоотношения основаны на причине, они суть хитрые приспособления и неизбежно ведут к другой форме отупения. Любовь – вот единственное явление, которое не имеет причины, которое свободно; это и есть красота, умение, искусство. Без любви нет никакого искусства. Когда артист играет прекрасно, нет никакого "я"; существует любовь и красота; и это искусство. Это и есть умение, искусство в действии – отсутствие "я". Искусство представляет собой отсутствие "я". А когда вы пренебрегаете целым полем жизни и сосредотачиваетесь лишь на небольшой его части, вы все еще живете неумело, каким бы значительным ни было отсутствие "я", а потому вы не художник в своей жизни. Отсутствие "я" в жизни – это любовь и красота, которая приносит свое собственное умение. Это и есть величайшее искусство: жить с умением во всем поле жизни.

Посетитель: Боже мой! Как же мне это сделать? Я понимаю, чувствую это в своем сердце; но как мне удержать такое чувство?

Кришнамурти: Нет способа удержать его, нет способа питать или прак-

тиковать. Можно только видеть его; а видеть — величайшее из всех искусств.

Глава XX. ЗАВИСИМОСТЬ

Посетитель: Мне хотелось бы понять природу Зависимости. Я обнаружил, что нахожусь в зависимости от очень многих вещей — от женщин, от различных видов развлечений, от хорошего вина, от жены и детей, от своих друзей, от того, что говорят люди. К счастью, я более не нахожусь в зависимости от религиозных зрелищ; но я продолжаю находиться в зависимости от книг, которые читаю ради получения стимулов, от интересных разговоров. Я вижу, что и молодежь также находится в зависимости, может быть, не в такой сильной, как я; однако у них имеются свои особенные формы зависимости. Я был на Востоке и видел, в какой зависимости от гуру и от семьи находятся там люди. У них традиция имеет гораздо большее значение, ее корни там глубже, чем здесь, в Европе, и, конечно, гораздо глубже, чем в Америке. Но все мы как будто зависим от чего-то, от какой-то опоры, не только физически, но гораздо сильнее во внутреннем смысле. Поэтому мне интересно узнать, возможно ли вообще стать действительно свободным от зависимости, должен ли человек быть свободен от нее?

Кришнамурти: Я понимаю это так, что вас занимает вопрос о психологической, внутренней привязанности. Чем сильнее человек привязан, тем больше бывает его зависимость. Существует привязанность не только к людям, но и к идеям и вещам. Человек привязан к некоторому особому окружению, к отдельной стране и так далее. А отсюда возникает зависимость и потому противодействие.

Посетитель: Почему противодействие?

Кришнамурти: Объект моей привязанности — мои территориальные или сексуальные владения. Я их охраняю, противясь любой форме чужого посягательства. Я также ограничиваю свободу того лица, к которому привязан, как и собственную свободу. Таким образом, привязанность есть сопротивление. Я привязан к чему-то или к кому-то. Эта привязанность есть обладание, а обладание есть противодействие; поэтому привязанность также есть противодействие.

Посетитель: Да, я это вижу.

Кришнамурти: Любая форма посягательства на мою собственность ведет к насилию, легальному или психологическому. Поэтому привязанность представляет собой насилие, сопротивление, тюрьму. Это тюрьма для самого себя и для объекта привязанности. Привязанность означает, что вот это — мое, а не ваше; руки прочь! Таким образом, подобные взаимоотношения представляют собой противодействие другим. Весь мир разделен на мое и ваше: мое мнение, мое суждение, мой совет, мой Бог, моя страна — бесконечная цепь такой чепухи. Видя действие всего этого не в абстракции, а в повседневной жизни, мы можем задать вопрос: почему существует такая привязанность к людям, вещам, идеям? Почему человек находится в зависимости? Все бытие представляет собой взаимоотношения, и все взаимоотношения проявляются в зависимости с ее насилием, противодействием и господством. Мы сделали таким целый мир. Там, где человек обладает чем-то, ему необходимо господствовать. Мы встречаем красивого человека, возникает любовь — и немедленно она превращается в привязанность, начинаются все те же горести, и любовь скрывается через окно. А тогда мы спрашиваем: "Что же случилось с нашей большой любовью?" Вот что в действительности происходит в повседневной жизни. При виде всего этого мы можем теперь задать вопрос: "Почему человек неизменно оказывается привязан не только к тому, что красиво, но и к любой форме иллюзии, к столь многим безумным фантазиям?"

Свобода не есть состояние отсутствия зависимости; это положительное состояние, в котором не существует никакой зависимости. Но это не какой-то результат; она не имеет причины. Нужно понять это со всей ясностью, прежде, чем мы сможем углубиться в вопрос о том, почему человек находится в зависимости, почему попадает в ловушку привязанности со всеми ее несчастьями. Будучи привязанными, мы пытаемся культивировать состояние независимости, что представляет собой другую форму сопротивления.

Посетитель: Так что же такое свобода? Вы говорите, что это — не отрицание зависимости, не ее окончание, — вы говорите, что это не свобода от чего-то, а просто свобода. Тогда что же это такое? Действительность или абстракция?

Кришнамурти: Это не абстракция. Это такое состояние ума, в котором нет каких бы то ни было форм противодействия. Оно не похоже на реку, меняющую свое течение, приспособляя его к каменным глыбам, разбросанным здесь и там, обходя их сбоку или сверху. В этой свободе вообще нет камней, есть только течение воды.

Посетитель: Но ведь глыба привязанности существует, она там, в этой реке жизни. Вы не можете просто говорить о какой-то другой реке, в которой нет камней.

Кришнамурти: Мы не избегаем этого камня, не говорим, что его нет. Но сперва нам необходимо понять свободу. Свобода — не та же самая река, в которой находятся камни.

Посетитель: А моя река все еще заполнена камнями, и вот об этом-то я и пришел спросить, — а не о какой-то другой неведомой реке без камней. Для меня она бесполезна,

Кришнамурти: Совершенно верно. Но чтобы понять свои камни, вы должны понять, что такое свобода. Однако не будем тратить время напрасну на это сравнение. Мы должны рассмотреть и свободу, и привязанность.

Посетитель: Какая связь может быть между моей привязанностью и свободой или между свободой и моей привязанностью?

Кришнамурти: В вашей привязанности существует боль. Вы хотите избавиться от этой боли, поэтому вы культивируете отсутствие привязанности, которое представляет собой иную форму сопротивления. В противоположности нет свободы. Обе эти противоположности тождественны и взаимно усиливают друг друга. То, что вас заботит, — это как иметь удовольствие привязанности без ее горестей. Это невозможно. Вот почему важно понять то, что свобода не является отсутствием привязанностей. Свобода существует в самом процессе понимания привязанности, а не в бегстве от привязанности. Поэтому теперь наш вопрос состоит в следующем: почему люди привязаны, почему они зависимы?

Будучи ничем, являя собой внутреннюю пустыню, человек надеется найти воду в другом человеке. Пустой, бедный, несчастный, неполноценный, не вызывающий никакого интереса, не имеющий значения человек предполагает обогатиться благодаря другому. В любви другого он надеется забыть себя; в красоте другого он надеется приобрести красоту для себя. При помощи семьи, нации, любовницы, при помощи какого-то фантастического верования он рассчитывает покрыть эту пустыню цветами. И высочайшим возлюбленным оказывается Бог. Таким образом, человек повсюду закидывает свои крючки. В этом процессе существует боль и неуверенность, а пустыня кажется даже более бесплодной, чем раньше. Конечно, ее бесплодие не уменьшается и не возрастает; она остается той же, что и была; дело только в том, что человек старается не глядеть на нее, спасаясь от такого зрелища в какой-нибудь форме привязанности с ее болью; а затем он бежит от этой боли к отсутствию привязанности. Но сам он остается столь же пустым и бесплодным, что и раньше. Поэтому вместо того, чтобы спасаться бегством при помощи привязанности или ее отсутствия, разве мы не можем осознать этот факт, эту глобальную внутреннюю нищету и несостоятельность, эту мрачную, пустую изолированность? Только это и имеет значение, а не привязанность или ее отсутствие. Способны ли вы смотреть на данный факт без всякого чувства осуждения или оценки? Когда вы делаете это, смотрите ли вы на него, как наблюдатель, который гладит на наблюдаемое явление? Или при этом наблюдателя нет?

Посетитель: Что вы понимаете под наблюдателем?

Кришнамурти: Смотрите ли вы на факт из некоторого центра со всеми его выводами о том, что ему нравится, а что не нравится, с его мнениями, суждениями, желанием быть свободным от этой пустоты и так далее — смотрите ли вы на это бесплодие глазами умозаключения — или вы смотрите глазами, которые вполне свободны? Когда вы смотрите на факт совершенно свободными глазами, тогда наблюдателя нет. А если его нет, существует ли тогда такой объект наблюдения, как одиночество, пустота, несчастье?

Посетитель: Вы хотите сказать, что это дерево, на которое я смотрю, не существует, если я гляжу на него без выводов, без центра, который является наблюдателем?

Кришнамурти: Конечно, дерево существует.

Посетитель: Почему же одиночество исчезает, когда я смотрю на него без наблюдателя, а дерево не исчезает?

Кришнамурти: Потому что дерево не создано центром, умом нашего "я". А эту пустоту, эту изоляцию создал ум, принадлежащий "я", создал ее во всей своей эгоцентрической деятельности. И вот когда смотрит ум без центра, эгоцентрическая деятельность приходит к концу. Поэтому не существует и одиночества. Тогда ум функционирует в свободе. Когда мы смотрим на всю структуру привязанности в ее целостности, смотрим на движение удовольствия и страдания, мы видим, как ум, принадлежащий "я", строит свою собственную пустыню и собственные средства спасения. Когда ум, принадлежащий "я", спокоен, тогда нет никакой пустыни – и нет нужды в спасении.

Глава XXI. ВЕРА

Посетитель: Я один из людей, действительно верящих в Бога. В Индии я был последователем одного из великих святых нашего времени, который произвел там большие политические перемены, потому что верил в Бога. В Индии вся страна пульсирует вместе с ударами сердца Божьего. Я слышал, как в беседы вы возражали против веры, так что, вероятно, вы не верите в Бога. Но вы – религиозный человек, и потому внутри вас должно существовать своеобразное чувство Высочайшего. Я побывал во всей Индии и во многих частях Европы, посещал монастыри, храмы, мечети; и повсюду я находил эту очень сильную, повелительную веру в Бога, который, как надеется человек, формирует его жизнь. И вот, поскольку вы не верите в Бога, хотя и являетесь религиозным человеком, уточните ваше отношение к данному вопросу. Почему вы не верите? Атеист ли вы? Как вам известно, в индуизме вы можете быть атеистом или теистом и все-таки продолжать оставаться индустом. Конечно, у христиан дело обстоит иначе: если вы не верите в Бога, вам нельзя быть христианином. Но это не относится к моему вопросу. Дело в том, что я пришел сюда попросить вас объяснить свою позицию и продемонстрировать ее обоснованность. Люди следуют за вами, и потому вы несете некоторую ответственность, в силу чего я и призываю вас дать такое разъяснение.

Кришнамурти: Давайте прежде всего внесем ясность в этот последний пункт. Я меня нет последователей, и я не несу никакой ответственности ни перед вами, ни перед людьми, которые слушают мои беседы. Точно так же я – не индуист, не последователь какой-либо веры, так как не принадлежу ни к одной религиозной или иной группе. Каждый должен быть своим собственным светом. Поэтому не существует никаких учителей, никаких учеников. Необходимо ясно понять это с самого начала; в противном случае человек попадает под влияние, становится рабом пропаганды и увещаний. Поэтому все, что говорится сейчас, – это не догма, не кредо, не убеждения. Или мы встречаемся друг с другом в понимании, или нет. И вот вы чрезвычайно подчеркнуто заявили, что верите в Бога; вероятно, вы хотите при помощи этой веры пережить нечто такое, что можно было бы назвать божественным присутствием. Вера включает в себя многое. Существует вера в факты, которых вы могли не видеть, но которые вы в состоянии проверить, например, существование Нью-Йорка или Эйфелевой башни. Затем вы можете верить, что ваша жена сохраняет преданность вам, хотя в действительности это вам неизвестно: возможно, она неверна вам в мыслях, однако вы убеждены в ее преданности потому, что на деле никогда не видите, чтобы она ходила с кем-то другим; она, вероятно, обманывала вас в повседневных мыслях, как и вы, несомненно, делали то же самое. Вы, очевидно, верите в перевоплощения, хотя нет никаких достоверных доказательств такого явления. Однако разве эта вера оказывает какое-то действительное влияние на вашу жизнь? Все христиане верят, что они должны проявлять любовь, но они ее не проявляют, а подобно прочим людям совершают физические или психологические убийства. Есть и такие люди, которые верят в Бога и убивают ради этой веры; существуют люди, которые готовятся к войне, заявляя, что делают это потому, что хотят мира, и так далее. Поэтому необходимо задать себе следующий вопрос: почему нужно вообще во что-то верить? – хотя сам этот вопрос не отрицает существования необыкновенной тайны жизни. Но вера – это одно, а "то, что есть" – другое. Вера есть слово, мысль, а не вещь, – не более чем ваше имя по-настоящему представляет вас.

Благодаря переживанию вы надеетесь прикоснуться к истине вашей веры, доказать ее для себя. Но сама эта вера обуславливает ваши переживания. Выходит так, что не переживание выступает, как доказательство веры, а скорее вера порождает переживание. Ваша вера в Бога даст вам переживание того, что вы называете Богом. Вы всегда будете ощущать и то, во что верите, и нечто иное. И этот факт делает ваши пережи-

вания недействительными. Христианин увидит дев, ангелов и Христа, а индуист – сходные божества в их экстравагантной множественности. То же самое справедливо для мусульманина, иудея, коммуниста. Вера обуславливает свои собственные предполагаемые доказательства. То, что важно, – это не во что вы верите, а лишь то, почему вы вообще верите. Почему вы верите? И какая разница для того, что действительно существует, верите ли вы в одно или в другое? Факты не подвержены влиянию веры или неверия. Итак, нужно задать вопрос: почему человек вообще во что-то верит, какова основа веры? Является ли этой основой страх? Или неустойчивость жизни? Боязнь неизвестного, отсутствие прочности в этом вечно меняющемся мире? Или ненадежность взаимоотношений; или дело в том, что, столкнувшись лицом к лицу с необъятностью жизни и не понимая ее, человек прячется в убежище веры? Поэтому разрешите вас спросить: если бы вы не чувствовали никакого страха, разве вы имели бы какую-нибудь веру?

Посетитель: Я совсем не уверен в том, что испытываю страх; но я люблю Бога, и как раз эта любовь заставляет меня верить в него,

Кришнамурти: Вы хотите сказать, что лишены страха? И потому знаете, что такое любовь?

Посетитель: На место страха я поставил любовь, и потому для меня не существует страха, так что моя вера не основана на боязни.

Кришнамурти: Можете ли вы заменить страх любовью? Разве это не является актом мысли, которая ощущает боязнь и потому прикрывает ее словом "любовь" или "вера"? Вы прикрыли страх словом и цепляетесь за это слово в надежде рассеять свои опасения.

Посетитель: То, что вы говорите, чрезвычайно меня беспокоит. Я не вполне уверен, что хочу продолжать этот разговор, потому что моя любовь и моя вера давали мне поддержку, помогали вести правильную жизнь. Это исследование моей веры вызывает ощущение беспорядка, и, откровенно говоря, я его боюсь.

Кришнамурти: Значит, страх действительно существует, и вы сами начинаете открывать это для себя. Это вас беспокоит. Вера приходит из страха и является самой разрушительной силой. Необходимо быть свободным как от страха, так и от веры. Вера разделяет людей, делает их суровыми, заставляет ненавидеть друг друга, культивировать войну. Неохотно, косвенным образом вы допускаете, что страх порождает веру. Для того, чтобы прямо встретиться с фактом страха, необходима свобода от веры. Вера, как и любой другой идеал, представляет собой бегство от "того, что есть". А когда страха нет, тогда ум находится в совершенно ином измерении. И только тогда вы можете задавать вопрос о том, есть Бог или нет. Ум, окутанный страхом или верой, неспособен к какому бы то ни было пониманию, к постижению того, что такое истина. Подобный ум живет в иллюзии и, очевидно, не в состоянии прийти к тому, что является высочайшим. Высочайшее не имеет ничего общего ни с вашей, ни с чьей-либо еще верой, с мнением или умозаключением.

Не зная, вы верите; однако знать – это не знать. Знание заключено в пределах крошечного поля времени; и ум, который говорит: "Я знаю", – связан временем, а поэтому для него невозможно понять то, что есть. В конце концов, когда вы говорите: "Я знаю свою жену, я знаю своего друга", – вы знаете только их образы или воспоминания о них, а это есть прошлое. Таким образом, вы в действительности никогда не можете знать кого-нибудь или что-нибудь. Вы не в состоянии знать нечто живое, вы можете знать только мертвое. И когда вы увидите это, вы более не станете думать о взаимоотношениях в терминах знания. Поэтому человек никогда не может сказать: "Бога нет" или "Я знаю Бога". Оба утверждения представляют собой кощунство. Для понимания того, что есть, необходима свобода не только от известного, но также и от страха перед известным, равно как и от боязни неизвестного.

Посетитель: Вы говорите о понимании того, что "есть", и, однако, отрицаете ценность познания. Что же такое это понимание, если оно не является познанием?

Кришнамурти: Эти два явления совершенно различны. Познание всегда относится к прошлому и потому привязывает вас к прошлому. В отличие от познания, понимание не есть умозаключение, не есть накопление. Если вы слушали, вы поняли. Понимание – это внимание. Когда вы полностью внимательны, вы понимаете. Следовательно, понимание страха есть конец страха. Поэтому ваша вера более не может быть преобладающим фактором: преобладающим фактором является понимание страха. Когда нет страха, тогда есть свобода. И лишь тогда человек способен найти то,

что истинно. Когда то, что "есть", не искажено страхом, тогда оно является истинным. Это не слова. Вы не можете измерять истину словами. Любовь – не слово, не вера; она не является чем-то таким, что вы могли бы захватить и сказать: "Это мое". Без любви, без красоты то, что вы называете Богом, – совсем ничто!

Глава XXII. СНОВИДЕНИЯ

Посетитель: Профессиональные специалисты говорили мне, что сновидения представляют собой такие же жизненные функции, как мышление и дневная деятельность, что если бы я не видел снов, моя повседневная жизнь оказалась бы под сильнейшим стрессом и напряжением. Они настоятельно уверяют – здесь я пользуюсь не их жаргоном, а собственными словами, – что во время некоторых периодов сна движения век указывают на освежающие сновидения, и эти последние приносят мозгу некоторую ясность. Мне хотелось бы знать, не может ли то спокойствие ума, о котором вы часто говорили, принести более значительную гармонию жизни, нежели равновесие, которое создается шаблонами сновидений. Я хотел бы также спросить, почему язык сновидений является языком символов.

Кришнамурти: Сам звуковой язык есть символ, и мы приучены к символам; мы видим дерево сквозь образ, который является символом дерева, мы видим соседа сквозь тот его образ, который у нас имеется. По всей вероятности, одна из труднейших для человека вещей – смотреть на нечто прямо, не через образы, мнения, умозаключения, которые все представляют собой символы. Символы играют значительную роль также и в сновидениях; в этом существует большой обман и большая опасность. Нам не всегда ясно значение сновидения, хотя мы понимаем, что оно символично и стараемся его расшифровать. Когда мы видим что-нибудь, мы говорим об этом так непосредственно, что не обращаем внимания на тот факт, что слова также являются символами. Разве все это не служит указанием на особое обстоятельство: в технике у нас имеется прямое общение, а во взаимоотношениях людей и в понимании оно бывает редко? Вы не нуждаетесь в символах, когда кто-то вас ударил; здесь происходит непосредственное общение. Обратите внимание на весьма интересный пункт: без слова, без символа ум отказывается прямо видеть вещи, осознавать себя. Вы говорите: "Голубое небо"; затем слушающий вас человек расшифровывает эти слова в соответствии со своим собственным понятием голубизны и передает его обратно вам уже в своем шифре. Таким образом, мы живем в символах, и сновидения являются частью этого процесса символизации. Мы неспособны к прямому и немедленному восприятию без символов, без слов, без предвзятых мнений, без выводов. Причина этого также вполне очевидна: тут перед нами часть эгоцентрической деятельности с ее защитными средствами, сопротивлением, бегством, страхами. Существует зашифрованное реагирование в деятельности мозга, и сновидения естественно должны быть символическими, потому что в часы бодрствования мы неспособны к прямой реакции или прямому восприятию.

Посетитель: Мне кажется, что тогда это особая функция, свойственная мозгу.

Кришнамурти: "Свойственная" означает нечто постоянное, неизбежное, длительное. Но, несомненно, любое психологическое состояние можно изменить. Свойством мозга является только его глубокая и постоянная потребность в физической безопасности организма. Символы же – это изобретение мозга для охраны психики; таков весь процесс мышления. "Я" – это тоже символ, а не действительность. Создав этот символ "я", мысль отождествляет себя с его выводом, с формулой, а затем защищает ее; и отсюда появляются все несчастья, все печали.

Посетитель: Тогда как же мне обойти его?

Кришнамурти: Когда вы спрашиваете, как его обойти, вы все еще держитесь за символ "я", который является фиктивным; вы становитесь чем-то отдельным от того, что видите, и таким образом возникает двойственность.

Посетитель: Разрешите мне прийти еще раз в другой день и продолжить этот разговор.

Посетитель: Вы были так добры, что разрешили мне прийти еще раз; и мне хотелось бы продолжить разговор с того пункта, на котором мы остановились. Мы беседовали о символах в сновидениях, и вы указали на то, что мы живем символами, расшифровывая их таким образом, чтобы они

доставляли нам удовлетворение. Мы поступаем так не только в сновидениях, но и в повседневной жизни; это наше обычное поведение. Большая часть наших действий основана на толковании символов или образов, которые мы имеем. Странно, но после того, как мы говорили с вами, мои сны приняли особое направление. У меня появились весьма беспокойные сновидения, и прямо во сне происходит толкование сновидений по мере их развертывания. Процесс шел одновременно: сновидение объяснялось тем, кто его видит; раньше со мной никогда не случалось ничего подобного.

Кришнамурти: В часы бодрствования всегда существует наблюдатель, который отличается от того, что он наблюдает; существует тот, кто действует, отличающийся от своего действия, точно так же существует и спящий, который является отдельным от своего сновидения. Он думает, что отделен от самого себя – и потому нуждается в истолковании сновидений. Но разве сновидения представляют собой что-то отдельное от того, кто их видит, разве есть какая-либо необходимость в их толковании? Когда наблюдатель один с наблюдаемым, какая нужда в том, чтобы объяснять, судить, оценивать? Эта нужда мозга могла бы существовать лишь в том случае, если бы наблюдатель отличался от наблюдаемого явления. Понять это очень важно. Мы отделили наблюдаемое явление от наблюдателя, и отсюда возникает не только проблема толкования, но также конфликт и множество связанных с ним сложностей. Такое разделение есть иллюзия. Разделение между группами, расами, национальностями фиктивное. Мы – человеческие существа, и мы не разделяемся по именам, по ярлыкам. Когда же ярлыки приобретают наибольшую важность, тогда наступает разделение, тогда начинаются войны и все прочие формы борьбы.

Посетитель: Как же в таком случае мне понять содержание сновидения? Оно должно иметь какое-то значение: разве я случайно вижу во сне какое-то отдельное событие или какого-то человека?

Кришнамурти: В действительности нам нужно взглянуть на это совершенно по-иному. Существует ли нечто такое, что надобно понимать? Когда наблюдатель полагает, что он отличается от наблюдаемой вещи, имеет место попытка понять ее, как нечто внешнее по отношению к нему. Тот же самый процесс продолжается и внутри: опять существует наблюдатель, желающий понять то, что он наблюдает; а то, что он наблюдает, – это он сам. Но когда наблюдатель и есть то, что он наблюдает, тогда нет никакого вопроса о понимании; существует только наблюдение. Вы говорите, что в сновидении есть что-то такое, что нужно понять, иначе не было бы и сновидения; вы говорите, что сон – это намек на нечто нерешенное, на то, что требует понимания. Вы пользуетесь словом "понять", и в нем самом есть двойственность. Вы полагаете, что существует "я" и какая-то вещь, которую надо понять, в то время как на самом деле эти две сущности представляют собой одно и то же. Поэтому ваши поиски смысла сновидений являются действием конфликта.

Посетитель: Итак, вы говорите, что сновидение – это выражение какого-то процесса внутри ума?

Кришнамурти: Очевидно, это так.

Посетитель: Не пойму, как возможно подходить к сновидению таким образом, как вы это описываете. Если оно не имеет смысла, зачем оно существует?

Кришнамурти: "Я" видит сон; и тот, кто видит сон, хочет усмотреть особое значение того сна, который он же выдумал или спроецировал; поэтому оба они представляют собой сны, оба нереальны. Эта нереальность стала реальностью для спящего, для наблюдателя, который думает о себе, как об отдельном существе. Из такой отдельности и возникает вся проблема толкования сновидений; она есть следствие разделения между действующим лицом и действием.

Посетитель: Я запутываюсь все больше и больше, поэтому нельзя ли нам еще раз рассмотреть весь вопрос по-другому? Я могу видеть, что сновидение есть продукт моего ума и не является отдельным от него; но сновидения как будто приходят из таких уровней ума, которые не исследованы; поэтому они кажутся глубинными намеками на нечто, живущее внутри ума.

Кришнамурти: Ваш отдельный ум – не единственный, в котором есть нечто скрытое. Ваш ум – ум человека; и ваше сознание представляет собой сознание человека в целом. Но когда вы обособляете его, как ваш ум, вы ограничиваете его деятельность; и вследствие этого ограничения воз-

никают сновидения. В часы бодрствования наблюдайте без наблюдателя, который есть выражение ограниченности. Любое разделение есть ограничение. Разделив себя на "меня" и "не-меня", "я", наблюдатель, тот, кто видит сны, имеет множество проблем, и среди них существует проблема сновидений и их толкования. Во всяком случае, вы поймете значение или ценность какого-то сна лишь с ограничениями, потому что сам наблюдатель всегда ограничен. Тот, кто видит сны, увековечивает собственные ограничения, поэтому сновидения всегда бывают выражением чего-то неполного; они никогда не выражают полноту.

Посетитель: С Луны доставляют частицы лунного грунта, чтобы понять состав Луны. Точно так же мы пытаемся понять человеческое мышление, добывая его частицы из снов и исследуя то, что они выражают.

Кришнамурти: Выражения ума суть его отрывки. Каждый отрывок выражает себя по-своему и противоречит другим отрывкам. Одно сновидение может противоречить другому, как и одно действие – другому действию, одно желание – другому желанию. Ум живет в этой путанице. Одна часть ума говорит, что ей необходимо понять другую его часть, например, сновидение, действие или желание. Поэтому каждый отрывок имеет собственного наблюдателя, собственную деятельность; а затем некий верховный наблюдатель пытается привести их все в гармонию. Но и сам он является частью ума. Как раз эти противоречия и разделения и порождают сны.

Поэтому настоящий вопрос заключается не в том, как истолковать или понять какой-то отдельный сон; подлинная проблема – такое восприятие, в целостности которого содержится все это многообразие отрывков. Тогда вы видите себя, как целое, а не как его обрывки.

Посетитель: Итак, сэр, вы говорите, что нужно в течение дня осознавать все движения жизни, а не просто свою семейную или деловую жизнь или любой другой ее индивидуальный аспект?

Кришнамурти: Сознание есть целое человечество; оно не принадлежит отдельному человеку. Когда существует сознание одного отдельного человека, существует и сложная проблема разорванности, противоречий и борьбы. Когда налицо осознание целостного движения жизни внутри человека в часы его бодрствования, зачем тогда вообще нужны сновидения? Это тотальное осознание, это внимание кладет конец разорванности и разделению. Когда нет никакого конфликта, ум не имеет нужды в снах.

Посетитель: Несомненно, это открывает для меня дверь, сквозь которую я вижу многие вещи.

Глава XXIII. ТРАДИЦИИ

Посетитель: Можно ли быть по-настоящему свободным от традиции? Можно ли вообще быть свободным от чего-нибудь? Или это просто значит обойти вопрос, отказаться от его рассмотрения? Вы много говорите о прошлом и его обусловленности – но могу ли я быть действительно свободным от всех этих глубинных основ моей жизни? Или я способен только видоизменять такие основы в соответствии с различными внешними требованиями и вызовами, приспосабливаясь к ним, а не стать свободным от них? Мне кажется, что это одна из самых важных вещей, и мне хотелось бы ее понять, потому что я всегда чувствую, что несу с собой какую-то ношу, тяжесть прошлого. Мне хотелось бы сбросить ее – уйти от нее прочь и никогда к ней не возвращаться. Возможно ли это?

Кришнамурти: Не означает ли традиция, что мы переносим прошлое в настоящее? Прошлое – не только наш особый набор унаследованных элементов, но также тяжесть всей коллективной мысли какой-то отдельной группы людей, живших в особой культуре и традиции. Человек несет с собой накопленный опыт и знания расы и рода. Все это и есть прошлое, – перенос известного в неизвестное, в настоящее, которое формирует будущее. Разве уроки всей истории не являются формой традиции? Вы спрашиваете, можно ли быть свободным от всего этого. Прежде всего, почему человеку хочется быть свободным, почему он хочет сбросить с себя это бремя? Почему?

Посетитель: Я думаю, что это очень просто. Я не желаю быть прошлым, мне хочется быть самим собой, очиститься от всей этой традиции, так чтобы я мог быть новым человеческим существом. Я полагаю, что внутри большинства из нас имеется это чувство – желание родиться заново.

Кришнамурти: Вам невозможно стать новым лишь в силу одного этого желания или при помощи борьбы. Вы должны не только понять про-

шлое, но также и выяснить, кто вы такой. Разве вы сами не есть это прошлое? Разве вы не являетесь продолжением того, что было, прошлым, которое лишь видоизменилось под действием настоящего?

Посетитель: Таковы мои действия и мысли, – но не мое существование.

Кришнамурти: Можете ли вы разделить эти два элемента – действие с мыслью и существование? Разве мысль, действие, существование, жизнь и взаимоотношения – все не являются одним и тем же? Такая разорванность на "меня" и "не-меня" есть часть традиции.

Посетитель: Вы хотите сказать, что когда я не думаю, когда не действует прошлое, я оказываюсь вычеркнутым из существования, что тогда меня нет?

Кришнамурти: Давайте не будем задавать слишком много вопросов, а рассмотрим – то, с чего начали беседу. Можно ли быть свободным от прошлого, от коллективного, расового, человеческого, животного? Вы и есть все это прошлое, вы неотделимы от него. И вот вы спрашиваете, можно ли вам отодвинуть все это в сторону и заново родиться. "Вы" есть это; и когда вы желаете вновь родиться, как новое существо, которое вы себе представляете, есть проекция старого, прикрытая словом "новый". Но вы под этим словом остаетесь прошлым. Поэтому вопрос в том, можно ли отбросить прошлое, – или видоизмененная форма традиции будет продолжаться вечно, меняясь, накапливая, отбрасывая, но всегда оставаясь прошлым в разнообразных сочетаниях? Прошлое – это причина, а настоящее – следствие; и сегодняшний день, который представляет собой следствие вчерашнего дня, становится причиной завтрашнего. Такая цепь есть путь мысли, потому что мысль есть прошлое. Вы спрашиваете, можно ли остановить движение вчерашнего дня в сегодняшний. Можно ли взглянуть на прошлое, проверить его – или это совсем неосуществимо? Для того, чтобы посмотреть на прошлое, наблюдатель должен находиться вне его, – а этого не бывает. И вот здесь возникает другой вопрос: если сам наблюдатель есть прошлое, как тогда изолировать это прошлое для наблюдения?

Посетитель: Я могу смотреть на нечто объективно...

Кришнамурти: Но вот вы, наблюдатель, представляете собой прошлое, которое пытается смотреть на себя. Вы в состоянии объективизировать себя только как образ, который сами построили в течение многих лет во всех формах взаимоотношений. Следовательно, "вы", которое так объективизируется, есть воспоминание и воображение, есть прошлое. Вы пытаетесь смотреть на себя так, как если бы вы были существом, отличным от того, что смотрит; но вы есть прошлое с его старыми суждениями, оценками и так далее. Действие прошлого глядит на воспоминание о прошлом. Поэтому здесь никогда не будет избавления от прошлого. Непрерывное рассматривание прошлого увековечивает прошлое; это есть само действие прошлого, подлинная суть традиции.

Посетитель: Тогда какое же действие возможно? Если я представляю собой прошлое – и я способен видеть, что это так, – тогда все, что я буду делать с целью соскоблить прошлое только усилит его. Таким образом, я остаюсь беспомощным! что могу я сделать? Я не в состоянии молиться, потому что изобретение Бога есть опять-таки прошлое. Я не могу смотреть на кого-то другого, потому что этот другой также будет созданием моего отчаяния. Я не в силах убежать от этого положения, ибо в конце бегства я все еще остаюсь там, с моим прошлым. Я не могу отождествить себя с каким-либо образом, который не явился бы созданием моего прошлого, потому что и этот образ тоже есть моя собственная проекция. Видя все это, я действительно остаюсь беспомощным, погруженным в отчаяние.

Кришнамурти: Почему вы называете это состояние беспомощностью и отчаянием? Не переводите ли вы то, что видите, как прошлое, в эмоциональную тревогу, потому что не можете добиться некоторого результата? Поступая таким образом, вы снова заставляете прошлое действовать. Так вот, можете ли вы смотреть на все это движение прошлого со всеми его традициями, не желая освободиться от него, не желая изменить его, модифицировать, не желая убежать от него, – можете ли вы просто наблюдать его без какой бы то ни было реакции?

Посетитель: Но ведь вы уже говорили в течение всей этой беседы: как могу я наблюдать прошлое, если я и есть это прошлое? Я совсем неспособен смотреть на него.

Кришнамурти: Можете ли вы посмотреть на себя, который есть про-

шное, без всякого движения мысли, которая тоже есть прошлое? Если вы в состоянии посмотреть без мысли, без оценки, без признания или непризнания, без осуждения, тогда существует особое зрение – зрение глазами, которые не затронуты прошлым. Это значит смотреть в безмолвии, смотреть без шума мысли. В этом безмолвии нет ни наблюдателя, ни вещи, на которую смотрит он, как прошлое.

Посетитель: Итак, вы говорите, что когда вы смотрите без оценки или суждения, прошлое исчезает? Но оно не исчезло – продолжают существовать тысячи мыслей и действий, множество всякой мелочи; они буйствовали лишь секунду назад. Я смотрю на них, и они все еще там. Как можете вы говорить, что прошлое исчезло? Оно, вероятно, только на мгновение прекратило свое действие.

Кришнамурти: Когда ум безмолвен, это безмолвие есть новое измерение; и если существует какая-то навязчивая мелочность, она будет мгновенно растворена, потому что теперь ум обладает иным качеством энергии, и эта энергия – не та, которая порождена прошлым. Это и важно – иметь такую энергию, которая рассеивает перенос прошлого. Перенос прошлого есть энергия другого рода. Безмолвие сметает эту другую энергию; большее поглощает меньшее и остается нетронутым, как море, которое принимает в себя грязную реку и остается чистым. Именно это и важно. И только такая энергия в состоянии стереть прошлое. Если или безмолвие, или шум прошлого. В этом безмолвии шум прекращается, а новое есть безмолвие. Это не вы сделались новым. Это безмолвие безгранично, а прошлое ограничено. Обусловленность прошлого разбивается в полноте безмолвия.

Глава XXIV. ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Посетитель: Вы много говорили об обусловленности; вы сказали, что нужно освободиться от этих оков, иначе мы навсегда останемся в заточении. Утверждение подобного рода кажется столь жестоким и неприемлемым! Мы в большинстве своем очень глубоко обусловлены; и вот, услышав такое утверждение, мы поднимаем руки и убегаем от столь экстравагантного выражения. Но я отношусь к вам серьезно: ведь, в конце концов, вы более или менее отдали свою жизнь этим проблемам, причем они не являются для вас просто хобби; здесь подлинно серьезное дело. Поэтому я желаю бы обсудить с вами данный вопрос и увидеть, в какой мере человек способен освободить себя от обусловленности. Действительно ли это возможно, а если да, то что это значит? Могу ли я, человек, живший в мире привычек, традиций и подчинения ортодоксальным понятиям во множестве случаев, – могу ли я на самом деле отбросить эту обусловленность с ее глубокими корнями? Что в точности вы понимаете под обусловленностью, а также и под свободой от обусловленности?

Кришнамурти: Давайте сначала рассмотрим первый вопрос. Мы обусловлены в физической, нервной, душевной сфере; мы обусловлены климатом, в котором живем, пищей, которой питаемся, культурой, среди которой выросли и продолжаем жить, всем своим социальным, религиозным и экономическим окружением, образованием и воспитанием, влиянием семьи и ее давлением на нас. Все это факторы, создающие нашу обусловленность. Наши сознательные и бессознательные реакции на все вызовы окружения, интеллектуальные, эмоциональные, внешние и внутренние, – все они представляют собой действие обусловленности. Мы обусловлены также языком; все мышление есть действие, реакция обусловленности.

Зная свою обусловленность, мы изобретаем некую божественную силу – и благочестиво надеемся, что она выведет нас из этого механического состояния. Мы устанавливаем без доказательств ее существование вне или внутри нас, – как атмана, души, Царства Небесного, находящегося внутри нас, и кто знает чего еще! Мы отчаянно цепляемся за эти верования, не видя, что сами они представляют собой часть того именно обуславливающего фактора, который они, как это предполагается, разрушают или искупают. Таким образом, не будучи способны самостоятельно освободиться от обусловленности, существующей в этом мире, даже не видя того, что обусловленность является проблемой, мы полагаем, что свобода находится на небесах, в мокша, в нирване. Видно, как в христианском мифе о первородном грехе и во всей восточной доктрине сансары ощущается, хотя довольно смутно, этот фактор обусловленности. Если бы он был ясно виден, такие доктрины и мифы, естественно, не возникли бы. В настоящее время и психологи стараются разрешить эту проблему и, занимаясь ею, еще больше нас обуславливают. Итак, нас обуславливают религиозные специалисты, нас обуславливает общественный строй, семья, которая есть часть этого строя. Все это – прошлое, которое составляет как поверхностные, так и скрытые слои ума. Между прочим,

интересно отметить, что так называемый индивид вообще не существует, потому что его ум заимствован из общего резервуара обусловленности, которые он разделяет со всеми другими индивидами; так что различие между обществом и индивидом ложно: существует только обусловленность. Эта обусловленность есть действие во всех взаимоотношениях – с вещами, с людьми, с идеями.

Посетитель: Тогда что мне делать, чтобы от всего этого освободиться? Жить в таком механическом состоянии – значит совсем не жить; однако все действия, все волевые усилия, все суждения обусловлены, так что, по всей вероятности, я не в состоянии повлиять на обусловленность чем бы то ни было, ибо все оказывается обусловленным! Я связан по рукам и ногам.

Кришнамурти: Сам фактор обусловленности в прошлом, настоящем и будущем – это "я", которое мыслит в понятиях времени, "я", которое совершает усилия; и вот теперь оно совершает усилия в потребности быть свободным; таким образом, коренной причиной всякой обусловленности является мысль, которая и есть "я". "Я" – это самая сущность прошлого, "я" – это время, "я" – это печаль; и это "я" старается освободиться от самого себя; "я" делает усилия, борется, чтобы достигать, отрицать, становиться. Такая борьба за то, чтобы стать чем-то, есть время, в котором заключено смятение, жадное стремление к большему и лучшему. "Я" ищет безопасности и, не найдя ее, переносит свои поиски на небеса; то же самое "я", которое отождествляет себя с чем-то более великим, в чем оно надеется утратить себя, будь то нация, идеал, какое-то божество, – это "я" и есть фактор обусловленности.

Посетитель: Вы все отняли у меня! Что же я такое без этого "я"?

Кришнамурти: Если нет "я", вы не обусловлены; это значит, что вы – ничто.

Посетитель: А может ли "я" прийти к концу без усилий со стороны самого этого "я"?

Кришнамурти: Усилие стать чем-то есть реакция, действие обусловленности.

Посетитель: Как же может остановиться действие "я"?

Кришнамурти: Оно может прекратиться, если вы увидите всю эту вещь, весь этот процесс. Если вы увидите его в действии, то есть во взаимоотношениях, в самом видении будет и конец "я". Такое видение – это не только действие, которое не обусловлено, это также воздействие на обусловленность.

Посетитель: Вы хотите сказать, что мозг, который представляет собой результат огромной эволюции с ее бесконечной обусловленностью, в состоянии освободить себя?

Кришнамурти: Мозг есть результат времени; он обусловлен с целью обеспечить собственную физическую сохранность; но когда он старается предохранить себя психологически, тогда возникает "я", и начинаются все наши несчастья. Именно это усилие предохранять себя психологически есть утверждение "я". Мозг способен учиться приобретать техническое знание; но когда он приобретает знание психологически, тогда это знание утверждает себя во взаимоотношениях, как "я" с его опытом, волей и насилием. Именно это приносит разделение, конфликт и печаль во взаимоотношения.

Посетитель: Может ли этот мозг находиться в покое и работать только тогда, когда ему нужно выполнять техническую работу, – работать лишь в том случае, когда в действии требуется знание, например, когда мы изучаем иностранный язык, управляем автомобилем или строим дом?

Кришнамурти: Здесь есть опасность: мы разделяем мозг на психологический и технический. Это снова становится противоречием, обусловленностью, теорией. Подлинный вопрос таков: способен ли мозг во всей своей целостности быть тихим, спокойным и действительно реагировать только тогда, когда это необходимо в жизни или в технике? Таким образом, мы не заняты только психологией или техникой; мы спрашиваем, в состоянии ли весь этот ум быть полностью спокойным и функционировать лишь в случае нужды. Мы говорим, что это возможно; и тут заключено понимание того, что такое медитация.

Посетитель: Если можно, я хотел бы продолжить наш разговор с того

пункта, на котором мы вчера расстались. Вы, вероятно, помните, что я задал два вопроса: я спросил, что такое обусловленность и что такое свобода от обусловленности; вы сказали, что нам нужно сначала рассмотреть первый вопрос; а потом у нас не оказалось времени чтобы занять вторым вопросом. И вот сегодня мне хочется спросить, каким бывает состояние ума, который свободен от всякой обусловленности. После вчерашней беседы с вами мне стало очень ясно, как глубоко и сильно я обусловлен; и я увидел – по крайней мере, я полагаю, что увидел, – некоторое отверстие, какую-то трещину в этой структуре обусловленности. Мы поговорили с другим и, рассмотрев некоторые фактические примеры обусловленности, я с большой ясностью увидел, насколько глубоким и вредоносным является ее влияние на действие человека. Как вы сказали в самом конце, медитация есть опустошение ума от всякой обусловленности, так что в нем нет никаких искажений, никаких иллюзий. Как может ум быть свободен от всех искажений и иллюзий? И что такое иллюзия?

Кришнамурти: Так легко обманывать себя, так легко убедить себя в чем угодно! Чувство, что мы должны быть чем-то, есть начало обмана, и конечно, это идеалистическое отношение ведет к различным формам лицемерия. Что создает иллюзию? Ну, один из факторов – это постоянное сравнение того, что есть, с тем, что должно или могло бы быть; это – сопоставление хорошего и плохого; это мысль, которая старается улучшить себя; это воспоминание об удовольствии, которое старается получить еще большее удовольствие; это желание большего, неудовлетворенность, которая заставляет человека что-то принимать или во что-то верить. И все это неизбежно должно привести ко всяким формам обмана и иллюзии. Именно желание и страх, надежда и отчаяние проецируют некую конечную цель, которую необходимо пережить на опыте. Поэтому-то подобное переживание не имеет реальности. По такому образцу следует весь так называемый религиозный опыт. Само желание просветления должно также породить подчинение авторитету; а последнее как раз противоположно просветлению. Желание, неудовлетворенность, страх, удовольствие, стремление к большему, стремление измениться – все это есть измерение, все это – путь иллюзии.

Посетитель: Действительно ли вы лишены каких бы то ни было иллюзий по отношению ко всему?

Кришнамурти: Я не занимаюсь постоянным измерением себя и других. Эта свобода от измерения приходит тогда, когда вы по-настоящему живете с тем, что есть, не желая ни менять его, ни судить о нем в понятиях хорошего или плохого. Жить с чем-то не означает принимать это: оно здесь независимо от того, принимаете его вы или нет. Жить с чем-то также не означает отождествлять себя с этим.

Посетитель: Нельзя ли нам вернуться к вопросу о том, что представляет собой эта свобода, в которой человек действительно нуждается? Такое желание свободы выражено в каждом человека, иногда глупейшим образом; но, я думаю, можно утверждать, что в человеческом сердце всегда имеется это глубокое стремление к свободе, которое никогда не осуществляется; есть эта непрестанная борьба за то, чтобы стать свободным. Я знаю, что я не свободен; я захвачен множеством потребностей. Как же мне освободиться, и что это значит – быть по-настоящему, действительно свободным?

Кришнамурти: Может быть, нам окажет помощь в понимании этого вопроса следующее: такая свобода есть тотальное отрицание. Отрицать все – мы считаем такой подход положительным. Отрицать общественную мораль в целом; отрицать всякое внутреннее признание авторитета; отрицать все высказывания и умозаключения относительно реальности; отрицать все традиции, все учение, все знание, за исключением технического; отрицать весь опыт; отрицать все побуждения, которые являются ростками сохранившихся в памяти или забытых удовольствий; отрицать все достижения; отрицать все обязательства поступать особым образом; отрицать все идеи, все принципы, все теории. Подобное отрицание представляет собой в высшей степени положительное действие; поэтому оно и есть свобода.

Посетитель: Если я буду соскабливать все это по кусочкам, такое занятие продлится целую вечность, и само оно станет моими оковами. Не может ли все это увянуть в одно мгновение? Могу ли я отрицать все человеческие заблуждения, все ценности, надежды и стандарты немедленно? Действительно ли это возможно? Разве для этого не требуется огромная способность, которой я лишен, чтобы увидеть все это в одной вспышке – и оставить открытым для действия света, для действия того разума, о котором вы говорили? Я сомневаюсь, сэр, в том, что вы сами знаете, что это влечет за собой. Требовать от меня, обыкновенного чело-

века с обычным образованием и воспитанием, чтобы я погрузился в нечто такое, что кажется похожим на невероятное небытие... Разве я способен это сделать? Я даже не знаю, что это такое – совершить скачок в небытие! Это все равно, что просить меня в одно мгновение сделаться самым красивым, невинным и привлекательным человеком. Понимаете, сейчас я по-настоящему боюсь, не так, как я боялся раньше; ибо теперь я стою перед чем-то необыкновенным. Я знаю, что оно является истинным, и все же меня сковывает моя крайняя неспособность иметь с ним дело. Я вижу красоту этого состояния – быть действительно, полностью ничем, но...

Кришнамурти: Знаете, только когда внутри человека существует пустота, не пустота мелкого ума, а пустота, которая приходит с тотальным отрицанием того, чем он был, должен быть и будет, – только в этой пустоте существует творчество; только в этой пустоте может иметь место нечто новое. Страх есть мысль о неведомом, так что вы на самом деле боитесь покинуть известное: свои обычные привязанности, удовольствия, приятные воспоминания, удовлетворение, непрерывность и безопасность, которые дают комфорт. Мысль сравнивает все это с тем, что считает пустотой. Эта воображаемая картина пустоты есть страх, следовательно, страх есть мысль. Вернемся к нашему допросу: способен ли ум отрицать все, что он узнал, отрицать целиком содержание своего сознательного и бессознательного "я"? Можете ли вы полностью отрицать самого себя? Если нет, тогда нет и свободы. Свобода не есть свобода от чего-то, ибо это лишь реакция; свобода приходит в тотальном отрицании.

Посетитель: Но какая мне польза от этой свободы? Разве вы не просите меня, чтобы я умер?

Кришнамурти: Конечно! Я удивляюсь, как это вы употребляете слово "польза", когда спрашиваете, какая польза от этой свободы. Польза в понятиях чего? Известного? Свобода есть абсолютное благо, и его действие есть красота повседневной жизни. Только в одной этой свободе и существует жизнь, а без нее как возможна любовь? Все существует и пребывает в этой свободе. Она повсюду – и нигде. Она не имеет границ. Можете ли вы сейчас умереть для всего и не ждать для смерти завтрашнего дня? Такая свобода – это вечность, экстаз и любовь.

Глава XXV. СЧАСТЬЕ

Посетитель: Что такое счастье? Я всегда старался найти его, но на моем пути оно как-то не попадалось. Я вижу, как люди наслаждаются собой самыми различными способами, и многое из того, что они делают, кажется таким незрелым и ребяческим. Я полагаю, что по-своему они счастливы; но мне хотелось бы счастья другого рода. У меня бывали редкие внутренние намеки на возможность его достижения, однако оно всегда как-нибудь ускользало от меня. Мне хочется узнать, что могу я сделать, чтобы по-настоящему почувствовать себя вполне счастливым.

Кришнамурти: Вы думаете, что счастье является самоцелью? Или оно приходит как следствие разумного образа жизни.

Посетитель: Я думаю, что оно представляет собой самоцель, потому что когда есть счастье, все, что вы делаете, будет гармоничным; тогда ваши поступки совершаются без усилий, легко, без всякого трения. Я уверен: что бы вы ни сделали, исходя из этого счастья, все будет правильным.

Кришнамурти: А так ли это? Разве счастье – это самоцель? Вот и добродетель не является самоцелью; а если она такова, она становится весьма мелочным занятием. Можете ли вы искать счастье? Если вы его ищете, вы, вероятно, найдете какое-то его подобие во всевозможных развлечениях и потворстве своим желаниям. Это удовольствие. А каковы взаимоотношения между удовольствием и счастьем?

Посетитель: Я никогда не задавал себе этого вопроса.

Кришнамурти: Удовольствие, которого мы добиваемся, ошибочно называют счастьем; но разве вы можете добиваться счастья, как вы добиваетесь удовольствия? Несомненно, нам необходимо установить полную ясность относительно того, является ли удовольствие счастьем. Удовольствие – это чувство приятного, удовлетворение, потворство желаниям, развлечение, возбуждение. Большинство из нас думает, что удовольствие и есть счастье, и мы принимаем величайшее удовольствие за величайшее счастье. Является ли счастье противоположностью несчастья? Стараетесь ли вы стать счастливым потому, что вы несчастны и не удовлетворены? Имеет ли вообще счастье свою противоположность? Имеет

ли свою противоположность любовь? Не является ли ваш вопрос о счастье следствием того, что вы несчастны?

Посетитель: Я несчастлив, подобно всему остальному миру; и мне естественно не хочется быть несчастным; это-то и побуждает меня искать счастья,

Кришнамурти: Итак, для вас счастье – это противоположность несчастья. Если бы вы были счастливы, вы не искали бы счастья. Поэтому важно не само счастье, а вопрос о том, может ли несчастье прийти к концу. Разве не в этом заключается подлинная проблема? Вы спрашиваете о счастье потому, что вы несчастливы, и вы задаете этот вопрос, не выяснив, действительно ли счастье – это противоположность несчастья.

Посетитель: Если вы так ставите вопрос, я принимаю эту постановку. Итак, моя забота – как быть свободным от того состояния горечи, в котором я нахожусь.

Кришнамурти: Что же более важно: понимать несчастье или добиваться счастья? Если вы добываетесь счастья, оно становится средством спасения от несчастья; и потому несчастье всегда останется с вами, может быть, прикрытое, упрятанное, – но всегда там, внутри, подобно глубокому гнойнику. И вот теперь – каким будет ваш вопрос?

Посетитель: Сейчас мой вопрос – о том, почему я несчастлив. Вы весьма точно указали мне на мое действительное состояние вместо того, чтобы дать ответ, которого я хочу; так что теперь я оказался перед другим вопросом: как мне избавиться от несчастья, в котором я нахожусь?

Кришнамурти: Разве какая-нибудь внешняя сила в состоянии вам помочь избавиться от вашего естественного несчастья, будь этой силой Бог, учитель, наркотик или спаситель? Не лучше ли обладать разумом, чтобы понять природу несчастья и немедленно принять против него меры?

Посетитель: Я пришел к вам, думая, что вы сможете оказать мне помощь, так что вы в состоянии назвать себя внешней силой. Мне нужна помощь, и мне все равно, кто ее даст.

Кришнамурти: В принятии или оказании помощи заключено несколько вещей. Если вы принимаете ее слепо, вы можете быть пойманы в ловушку того или иного авторитета, а это влечет за собой разные прочие проблемы, такие как повиновение и страх. Поэтому если вы начинаете с желания получить помощь, вы не только ее не получите, – ибо никто никоим образом не сможет вам помочь, – но вдобавок столкнетесь с целой серией новых проблем; вы погрузитесь в трясину еще глубже, чем прежде.

Посетитель: Я думаю, что понимаю это, и я согласен с вами. Раньше я ни разу не продумал всего достаточно ясно. Как же мне в таком случае можно развить разум, чтобы самостоятельно и немедленно справиться с несчастьем? Обладая я таким разумом, меня, конечно, не было бы сейчас здесь, я не просил бы вас о помощи. Так вот теперь мой вопрос: как могу я приобрести этот разум, чтобы разрешить проблему несчастья и благодаря этому добиться счастья?

Кришнамурти: Вы говорите, что разум отделен от своего действия. Действие этого разума есть способность видеть и понимать самую проблему. Оба они не отделены, не следуют друг за другом; вы не приобретаете сначала разум, чтобы затем употребить его для решения проблемы подобно инструменту. Такова одна из болезней нашего мышления: мы считаем, что сначала нужно иметь способность, а затем пользоваться ею, сначала иметь идею или принцип, а потом применять его. Само по себе это и есть отсутствие разума, откуда и проистекают проблемы. Это разорванность. Мы живем в такой разорванности, а потому говорим о счастье и несчастье, ненависти и любви и тому подобном.

Посетитель: Возможно, это неотъемлемое свойство структуры языка.

Кришнамурти: Возможно; но не будем здесь слишком суетиться по этому поводу и отклоняться от вопроса. Мы говорим, что разум и действие этого разума, то есть видение проблемы несчастья, представляют собой нераздельное единство. Мы говорим также, что разум неотделим от окончания несчастья или обретения счастья.

Посетитель: Как же мне получить этот разум?

Кришнамурти: Поняли вы- то, что мы говорили?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Но если вы это поняли, вы увидели, что такая способность видеть и есть разум. Единственное, что вы способны сделать – это видеть; вы не в состоянии культивировать разум, чтобы видеть. Видение – это не культивирование разума. Видение важнее разума, важнее счастья или несчастья. Мы видим или не видим; только это и существует. Все остальное – счастье, несчастье, разум – все это просто слова.

Посетитель: Тогда что же это такое – видеть?

Кришнамурти: Видеть – значит понимать, как мысль создает противоположности. Создаваемое мышью нереально. Видеть – значит понимать природу мысли, памяти, конфликта, идей; видеть все это как тотальный процесс, значит понимать. Это и есть разум; видеть totally есть разум. Видеть фрагментарно значит не иметь разума.

Посетитель: Я немного сбив с толку. Я думаю, что понимаю, но это довольно тонкий вопрос, и мне нужно идти медленно. То, что вы говорите, – это видеть и слушать с полнотой. Вы говорите, что такое внимание есть разум, и что он должен быть немедленным. Можно видеть только сейчас. Я сомневаюсь, действительно ли я сейчас вижу. Или мне нужно пойти домой и обдумывать сказанное вами, надеясь увидеть позднее?

Кришнамурти: Значит, вы никогда не увидите; думая о сказанном, вы никогда ничего не увидите, потому что мышление препятствует способности увидеть. Мы оба поняли, что значит видеть. Это видение не есть некоторая сущность, некоторая абстракция или идея. Вы не можете видеть, если видите нечего. Но вот сейчас вы имеете проблему несчастья. Поймите ее вполне, включая ваше желание быть счастливым и то, как мысль создает противоположности. Заметьте это стремление к счастью, поиски помощи, чтобы получить счастье. Обратите внимание на разочарование, надежду, страх. Необходимо увидеть все это полностью, как целое, не в отдельности. Вам нужно увидеть все это сейчас. Отдайте этому все ваше внимание.

Посетитель: Я все еще в затруднении. Не знаю, схватил ли я сущность, главный пункт. Я хочу закрыть глаза и погрузиться в себя, чтобы увидеть, действительно ли я понял. Если да, тогда я разрешил эту проблему!

Глава XXVI. УЧЕНИЕ

Посетитель: Вы часто говорили об ученье. Но я не вполне понимаю, что вы под этим подразумеваете. Нас заставляют учиться в школе и в университете; многому учит нас и жизнь – приспосабливаться к окружению, к соседям, к жене или к мужу, к детям. Нас, кажется, учит почти все; но я не уверен, что когда вы говорите об ученье, вы имеете в виду именно это, потому что вы как будто отрицаете роль опыта, как учителя. Но если вы отрицаете опыт, не отрицаете ли вы все ученье? В конце концов, мы научаемся всему, что знаем благодаря опыту – это имеет место как в технике, так и в повседневной жизни человека. Но вот нельзя ли нам глубже рассмотреть этот вопрос?

Кришнамурти: Ученье благодаря опыту – это одно; это накопление обусловленности; а ученье в продолжение всего времени, не только изучение объективных предметов, но также изучение самого себя – нечто совсем другое. Существует накопление, которое приносит с собой обусловленность, – мы знаем этот вид ученья, – и существует ученье, о котором говорю я. Это ученье представляет собой наблюдение; нужно наблюдать без накопления, наблюдать в свободе. Такое наблюдение не направляется из прошлого. Давайте выясним, что представляют собой оба эти явления.

Чему мы учимся на опыте? Мы учимся таким вещам, как языки, сельское хозяйство, манеры, медицина, математика, полеты на Луну. Но разве нас научила чему-нибудь война? А ведь у нас есть опыт ведения войн; мы научились делать войну более смертоносной, более эффективной; но не вести войн мы не научились. Наш опыт в военном деле угрожает существованию человечества. Разве это ученье? Вы можете построить лучший дом, но разве опыт научил вас как жить в этом доме более благородной жизнью? Мы усвоили на опыте, что огонь жжется, и это стало нашей обусловленностью; но благодаря нашей обусловленности мы усвоили также понятие о том, что национализм является полезным. Однако опыт должен был бы научить нас и тому, что национализм смертельно опасен; об этом говорят все данные. Религиозный опыт, основанный на нашей обусловленности, отделил человека от человека. Опыт научил нас получать лучшую пищу, одежду и жилье; но он не научил нас

тому, что социальная несправедливость препятствует правильным взаимоотношениям между людьми. Таким образом, опыт обуславливает и укрепляет наши предрассудки, наши особые склонности, наши частные догмы и верования; мы не научились тому, что все это – глупый вздор; мы не научились жить в правильных взаимоотношениях с другими людьми. Такими правильными взаимоотношениями является любовь. Опыт учит меня укреплять семью, как единицу, противостоящую обществу и другим семьям. Это влечет за собой борьбу и разделение, что делает все более и более важным укрепление семьи в качестве предохранительной меры, и таким образом продолжает действовать порочный круг. Мы накапливаем и называем это "ученьем благодаря опыту". Но такое ученье приносит с собой все большую и большую разорванность, узость и специализацию.

Посетитель: Итак, вы выдвигаете обвинение против технической учености и опыта, против науки и всего накопленного знания? Если мы отвернемся от всего этого, мы возвратимся к дикости.

Кришнамурти: Нет, я совсем не выдвигаю такого обвинения. Я думаю, мы не понимаем друг друга. Мы сказали, что существует два рода ученья: накопление благодаря опыту и действие на основе такого накопления, которое есть прошлое и которое абсолютно необходимо во всех случаях, когда требуется действие знания. Я не против этого знания, это было бы слишком абсурдным.

Посетитель: Ганди пытался устранить машину из жизни и начал все это дело, которое в Индии называют "домашней промышленностью" или "деревенской промышленностью". Он, однако, пользовался современным механизированным транспортом. Это указывает на непоследовательность и лицемерие его позиции.

Кришнамурти: Не будем вмешивать в этот вопрос других. Мы говорим, что есть два вида ученья – один, который действует при помощи накопления знания и опыта, и другой, ученье без накопления, ученье, протекающее все время в пределах самого акта жизни. Первый вид абсолютно необходим во всей технической деятельности; однако взаимоотношения, поведение и все, что не связано с техникой, – это живые процессы, и вам нужно изучать их все время. Если вы действуете, исходя из того, чему вы научились относительно поведения, тогда ваше поведение становится механическим, а потому взаимоотношения превращаются в рутину.

Далее существует еще один очень важный пункт: во всем ученье, которое представляет собой накопление и опыт, польза является мерилем, определяющим действительность ученья. А вот когда мотив пользы действует во взаимоотношениях между людьми, тогда он разрушает эти взаимоотношения, потому что приносит с собой изоляцию и разделение. Когда знание, основанное на опыте и накоплении, вторгается в область поведения человека, в область психологических явлений, тогда оно неизбежно должно оказаться разрушительным. Сознательный интерес к себе, с одной стороны, представляет собой движение вперед, с другой – это само местопребывание зла, несчастья и смятения. Не может быть расцвета взаимоотношений там, где существует выгода любого рода; и вот почему расцвет взаимоотношений невозможен там, где эти взаимоотношения направляются опытом или памятью.

Посетитель: Я понимаю это; но вот разве религиозный опыт не является чем-то другим? Я говорю о собранном и переданном нам опыте в области религии – опыте святых и гуру, опыте философов. Не будет ли этот вид опыта полезным для нас в нашем незнании?

Кришнамурти: Совсем нет! Святой должен быть признан обществом, и он всегда приспосабливается к понятиям общества о святости, – иначе его не называли бы святым. Равным образом и гуру должен быть признан таковым своими последователями, которые обусловлены традицией. Так что и гуру, и ученик – оба представляют собой часть культурной и религиозной обусловленности того особого общества, в котором они живут. Когда они утверждают, что пришли в соприкосновение с реальностью, что они знают, тогда вы можете быть совершенно уверены, что их знание не есть реальность. То, что они знают, есть их собственная проекция, идущая из прошлого. Поэтому человек, который говорит, что он знает, на самом деле не знает. Всем этим случаям так называемого религиозного опыта, как познавательным процессам, свойственно узнавание. Но вы в состоянии узнать только то, что вы уже знали прежде; поэтому такое знание – из прошлого, поэтому он связывает вас временем, поэтому оно не является вневременным. Так называемый религиозный опыт не приносит пользы, а лишь обуславливает вас в соответствии с вашей особой традицией, с вашими склонностями, направленностью и желанием; поэтому он способствует всевозможным формам иллюзии и изоляции.

Посетитель: Вы хотите сказать, что нам невозможно пережить реальность?

Кришнамурти: Слово "пережить" предполагает с необходимостью существование носителя переживания; а переживание представляет собой суть всей обусловленности. То, что этот носитель переживает, уже известно.

Посетитель: А что вы понимаете, когда говорите о носителе переживания? Не хотите ли вы сказать, что без носителя переживания вы исчезнете?

Кришнамурти: Конечно. "Вы" – это прошлое; и пока остаются "вы" или "я", не может быть того, что необъятно. Это "я" с его мелким, маленьким умом, опытом и знаниями, с его сердцем, отягощенным завистью и тревогами, – как может такое существо понять то, что не имеет ни начала, ни конца, то, что является собой экстаз? Поэтому начало мудрости – это понять себя. Начните с познания себя.

Посетитель: Разве носитель переживания отличен от того, что он переживает? Разве вызов отличается от реакции на него?

Кришнамурти: Носитель переживания и есть пережитое; в противном случае он не был бы в состоянии узнать то, что переживает, и назвать его пережитым; опыт уже находится в нем самом прежде, чем он его узнает. Таким образом, прошлое все время действует и узнает себя, новое поглощается старым. Точно так же реакция предопределяет вызов; вызов есть реакция, и оба они нераздельны. Без реакции не было бы вызова. Итак, опыт носителя переживания или реакция на какой-то вызов, возникающая у носителя переживания, являются старыми, потому что они предопределены самим этим носителем переживания. Если вы поразмыслите над этим, то увидите, что слово "пережить" означает пройти через что-то и покончить с ним, не откладывать его про запас; но когда мы говорим о пережитом, мы фактически имеем в виду нечто противоположное. Всякий раз, когда вы говорите о пережитом, вы говорите о чем-то таком, чем вы наслаждались и в чем повторно ощущаете потребность; или вы имеете в виду нечто неприятное и боязнь его повторения.

Таким образом, жить по-настоящему значит учиться без процесса накопления.

Глава XXVII. САМОВЫРАЖЕНИЕ

Посетитель: Выражение кажется мне таким важным! Я должен выражать себя, как художник, иначе я чувствую себя подавленным, разочарованным. Выражение есть часть человеческого существования. Мне, как художнику, столь же естественно отдаться самовыражению, как мужчине необходимо выражать свою любовь к женщине в словах и жестах. Но во всем этом выражении присутствует какая-то боль, которая мне не совсем понятна. Я думаю, что большинство художников согласится со мной, если я скажу, что в выражении своих глубочайших чувств на холсте или в любом другом материале заключен глубокий конфликт. Мне хотелось бы знать, можно ли когда-нибудь быть свободным от этой боли, или выражение всегда приносит страдание.

Кришнамурти: Что такое эта потребность в выражении, и где во все это вступает страдание? Разве не всегда человек старается выразить себя все более и более глубоко, все более необычно и полно, – и разве он бывает когда-нибудь удовлетворен тем, что он выразил? Это глубокое чувство и его выражение – не одно и то же; между ними существует огромная разница. И всегда наблюдается разочарование, если выражение не соответствует сильному чувству. Вероятно, это и есть одна из причин боли – недовольство неадекватностью выражения, которое художник дает своему чувству. Здесь существует конфликт, а конфликт представляет собой трату энергии. Художник переживает сильное чувство, которое бывает достаточно подлинным; и он выражает его на полотне. Его экспрессия нравится некоторым людям, они покупают его работу; художник получает деньги и приобретает репутацию. Его манера выражения была отмечена и стала модной. Он делает свою экспрессию более утонченной, развивает ее и совершенствует – и при этом все время подражает самому себе. Экспрессия становится привычной и стилизованной, она становится все более важной, в итоге – более важной, чем само чувство, которое в конце концов испаряется. Художник остается с социальными последствиями своего положения, положения преуспевающего живописца; это рынок в виде салона, публика, знатоки, критика; он поражен обществом, для которого пишет картины. Чувство уже давно исчезло, остается

экспрессия – пустая шелуха. И, как следствие, даже и она наконец теряет свою привлекательность, потому что ей уже нечего выражать; это жест, слово, лишенное смысла. Все это – часть разрушительного воздействия общества, это разрушение добра.

Посетитель: Разве чувство не может сохраниться, не будучи утраченным в выражении?

Кришнамурти: Когда самым важным становится выражение, потому что оно приятно, выгодно или дает удовлетворение, тогда между выражением и чувством возникает расхождение. Когда чувство и есть выражение, тогда конфликта нет; здесь нет противоречия, стало быть, нет и конфликта. Но когда в дело вмешалась выгода и мысль, тогда чувство утрачивается под влиянием жадности. Страстность чувства полностью отличается от страстности выражения; а люди в большинстве своем охвачены страстностью выражения. Поэтому всегда существует это разделение между добром и тем, что доставляет удовольствие.

Посетитель: Могут ли я жить, не будучи захвачен этим потоком жадности?

Кришнамурти: Если для вас важно именно чувство, вы никогда не зададите вопроса о выражении. Или вы обладаете чувством, или его нет. Если же вы спрашиваете о выражении, вы задаете вопрос не о мастерстве, а о выгоде. Мастерство – то, что никогда не принимают во внимание. А это жизнь.

Посетитель: Так что же это такое – жизнь? Что значит – быть, что значит иметь это чувство, которое обладает полнотой в самом себе? Теперь я понял, что дело не в выражении.

Кришнамурти: Это жизнь без конфликта.

Глава XXVIII. СТРАСТЬ

Посетитель: Что такое страсть? Вы упоминаете о ней в беседах и, по-видимому, придаете этому слову какое-то особое значение. Не думаю, чтобы оно было мне понятно. Как у любого человека, у меня имеются сексуальные страсти, а также страсти, относящиеся ко всяким поверхностным занятиям, например, страсть к быстрой езде, к работе в саду. Большая часть из нас придается какой-нибудь форме страстной деятельности. Поговорите с человеком о его особой страсти, и вы увидите, как заблестят его глаза. Мы знаем, что слово "страсть" происходит от греческого слова, означающего страдание; но то чувство, которое вызывает во мне это слово в вашем употреблении, не является ощущением страдания: здесь скорее ощущение какого-то движущего качества, подобного ветру, который в ревом несется с запада, гонит перед собой облака и взметает мусор. Мне хотелось бы обладать такой страстью. Как может человек получить ее? Что значит – быть страстным? Что такое та страсть, которую вы имеет в виду?

Кришнамурти: Я думаю, нам с самого начала следует со всей ясностью установить, что чувственность и страсть – два разных явления. Чувственность возбуждается и поддерживается мыслью; она растет и черпает содержание в мысли, пока не взорвется в сексуальной сфере или, если это, например, жажда власти, в своих особых насильственных формах осуществления. Страсть – нечто совершенно иное; она не является ни продуктом мысли, ни воспоминанием о каком-то прошлом событии; она не приводится в действие мотивом достижения; страсть не является и печалью.

Посетитель: Разве всякая сексуальная страсть представляет собой проявление чувственности? Сексуальная реакция не всегда бывает результатом мысли; ее может вызвать контакт, как это случается, и вас подавляет его очарование.

Кришнамурти: Где бы мысль ни строила образ наслаждения, этот образ неизбежно должен быть чувственностью, а не свободой страсти. Если главной движущей силой является удовольствие, тогда это чувственность. Если оно порождено любовью, оно не будет чувственностью, хотя бы даже при этом и имело место огромное наслаждение. Здесь мы должны выяснить и самостоятельно установить, исключает ли любовь удовольствие и наслаждение. Когда вы видите огромное облако и наслаждаетесь его контурами и игрой света в нем, это, конечно, будет удовольствием; но здесь есть и нечто большее, нежели удовольствие. Мы совсем не осуждаем это явление. Если вы продолжаете возвращаться к облаку в

своих мыслях или пользуетесь им как стимулирующим зрелищем, тогда вы погружаетесь в воображаемый полет фантазии; и здесь, очевидно, действует побудительный мотив мысли и удовольствия. Когда вы в первый раз взглянули на это облако и увидели его красоту, такие побудительные мотивы удовольствия не существовали. Красота пола заключается в отсутствии "меня", в отсутствие "я"; но сексуальная мысль есть утверждение этого "я", и она представляет собой удовольствие. "Я" постоянно или ищет удовольствий, или избегает страданий, желает осуществления – и потому призывает крушение своих надежд. Во всем этом ощущение страсти придерживает мыслью, которая добивается такого ощущения; и, следовательно, здесь более нет страсти, а есть удовольствие. Надежда повторить запомнившуюся страсть, погоня за ней есть удовольствие.

Посетитель: Тогда что же такое сама эта страсть?

Кришнамурти: Она должна иметь дело с радостью и экстазом, которые не являются удовольствием. В удовольствии всегда существует какая-то тонкая форма усилия – искание, стремление, потребность, борьба, чтобы получить и удержать его. В страсти нет потребности, а потому нет и борьбы. В страсти нет ни малейшей тени осуществления, поэтому в ней не может быть ни крушения, ни боли. Страсть – это свобода от "я", которое и есть центр всех осуществлений и страданий. Страсть не требует, потому что она есть. Но при этом я не имею в виду нечто статическое. Страсть есть суровость самоотречения, где нет ни "вас", ни "меня"; поэтому страсть представляет собой сущность жизни. Это она движется и живет. Но когда мысль вносит в нее проблемы обладания и удержания, тогда страсть перестает существовать. Без страсти невозможно творчество.

Посетитель: Что вы понимаете под творчеством? **Кришнамурти:** Свободу.

Посетитель: Какую свободу?

Кришнамурти: Свободу от "я", которое зависит от окружения и представляет собой его продукт, – "я", которое построено обществом и мыслью. Эта свобода есть ясность, свет, зажженный не от прошлого. Страсть – это только настоящее.

Посетитель: Ваши слова зажгли во мне какое-то странное новое чувство.

Кришнамурти: Это страсть к учению.

Посетитель: Какое особое действие в моей повседневной жизни даст гарантию того, что эта страсть продолжает гореть и действовать?

Кришнамурти: Ничто не даст такой гарантии, кроме внимания ученья, которое есть действие, которое есть настоящее. В этом заключается красота страсти – она являет собой тотальный отказ от "я" и его времени.

Глава XXIX. ПОРЯДОК

Посетитель: В вашем учении есть тысяча деталей. А мне в моей жизни необходимо суметь вот сейчас превратить их все в единственное действие, которое проникает собой все, что я делаю. Ведь в жизни прямо передо мной есть только одно мгновение, и в это мгновение мне надо действовать. Что же будет таким единственным действием в повседневной жизни, которое приведет все детали вашего ученья к одной точке, подобно пирамиде, поставленной на свою вершину?

Кришнамурти: ...Опасно!

Посетитель: Иначе говоря, что это за единственное действие, которое моментально соберет в одном фокусе настоящее тотальное понимание жизни?

Кришнамурти: Я думаю, следует задать вопрос, как жить подлинно разумной жизнью, уравновешенной и деятельной, в гармоничных взаимоотношениях с другими людьми, без смятения, приспособленчества и несчастья. Что эта за один акт, который призывает к действию разум во всем, что вы делаете? В мире так много горя, нищеты, печали. Что делать вам, как человеку, при встрече с этими человеческими проблемами? Если вы пользуетесь возможностью помочь другим людям для собственных достижений, тогда это будет эксплуатацией и злом. Поэтому нам с само-

го начала можно отбросить такой подход. По-настоящему вопрос стоит так: каким образом мы могли бы жить в высшей степени разумной, упорядоченной жизнью? — и при этом без какого бы то ни было усилия. Но, кажется, мы всегда подходим к данной проблеме с внешней стороны, задавая себе вопрос: "Что я должен делать, встречаясь со всеми многочисленными проблемами, свойственными человечеству, — экономическими, социальными, "общечеловеческими". Мы хотим разрешить этот вопрос в понятиях внешнего.

Посетитель: Нет, я не спрашиваю вас о том, как мне быть с мировыми экономическими, социальными или политическими проблемами, как мне их разрешить. Вопрос был бы чересчур нелепым! Все, что я хочу знать, — как жить справедливо в этом мире, именно в таком, каков он есть, потому что это сейчас он находится здесь, прямо передо мной, и я не в состоянии изменить его по своему желанию. Я должен теперь жить в этом мире, каким бы он ни был, и в этих обстоятельствах разрешить все проблемы жизни. Я спрашиваю, как сделать эту жизнь жизнью дхармы, то есть добродетели, которая не навязана извне, не приспособлена к какому-то образцу, не культивируется мыслью.

Кришнамурти: Вы хотите сказать, что желаете немедленно, внезапно найти себя в состоянии благодати, которая есть великий разум, красота, любовь, — найти себя в этом состоянии, не имея прошлого или будущего, — и действовать, исходя из этого состояния?

Посетитель: Да! Именно это!

Кришнамурти: Вопрос не имеет ничего общего с достижениями, успехами или неудачами. Конечно, такой образ жизни должен быть единственным; в чем же он заключается?

Посетитель: Это и есть мой вопрос.

Кришнамурти: Иметь внутри себя свет без начала и без конца, который не зажжен вашим желанием, который не принадлежит ни вам, ни кому-либо другому. Когда существует этот внутренний свет, все, что вы делаете, всегда будет правильным и истинным.

Посетитель: Как получить этот свет теперь же без всякой борьбы, исканий, стремлений, исследований?

Кришнамурти: Это возможно лишь тогда, когда вы по-настоящему, целиком умираете для прошлого; а это, в свою очередь, можно сделать только тогда, когда в мозгу существует полный порядок. Мозг не выдерживает беспорядка. Если в нем господствует беспорядок, вся его деятельность будет противоречивой, спутанной, жалкой; она принесет зло внутри и вокруг себя. Такой порядок не построен мыслью, не является следствием подчинения какому-то образцу, принципу, авторитету или какой-либо форме воображаемого добра. Именно беспорядок внутри мозга приносит конфликт; а затем возникают всевозможные формы сопротивления, культивируемого мыслью для спасения от беспорядка — религиозные и иные.

Посетитель: Но как можно сообщить такой порядок мозгу, если он сам по себе беспорядочен и противоречив?

Кришнамурти: Это можно осуществить при помощи бдительности в течение всего дня; затем надо перед сном привести в порядок все сделанное за день. Таким образом, мозг не погружается в сон в состоянии беспорядка. Это не значит, что мозг внушает себе порядок, когда на деле внутри и вокруг него налицо беспорядок. Порядок должен существовать в течение целого дня, и суммирование его перед сном есть гармоничное завершение дня. Это напоминает человека, который ведет счета и каждый вечер подводит итог, так что следующий день начинается для него заново, а когда он ложится спать, его ум спокоен, пуст, свободен от беспокойства, смятения, забот, страха. После пробуждения существует особый свет, не являющийся продуктом мысли или удовольствия. Этот свет — разум и любовь, это отрицание беспорядка, присущего той морали, в которой мы были воспитаны.

Посетитель: Могу ли я получить этот свет немедленно? Это и есть тот вопрос, который я задал в самом начале, только иначе выраженный.

Кришнамурти: Вы можете получить его сейчас же, когда нет "я". "Я" приходит к концу, когда оно само видит, что должно кончиться. И способность увидеть это являет собой свет понимания.

Глава XXX. ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО

Посетитель: Я не вполне уверен в том, что правильно задаю вопрос; но у меня есть сильное чувство того, что взаимоотношения между индивидом и обществом, этими двумя противоположными сущностями, представляют собой долгую историю несчастий. История мира, история мысли, история цивилизации — все это в конце концов есть история взаимоотношений между ними. Во всех обществах индивид оказывается более или менее подавленным; он должен приспосабливаться, прилаживаться к стандарту, установленному теоретиками. Индивид всегда стремится вырваться из-под власти этих образцов, и результатом является непрерывная битва между этими двумя силами. Религии говорят об индивидуальной душе, как о чем-то отдельном от души коллективной. Они делают упор на индивида. В современном обществе, — которое стало таким механическим, стандартизованным и коллективно деятельным, — индивид старается найти себя, выяснить, что он представляет собой, утвердить себя. Но вся эта борьба никуда не приводит. И вот мой вопрос — где во всем этом скрыта ошибка?

Кришнамурти: Единственное, что действительно имеет значение, — это существование в жизни действия доброты, любви и разума. Является ли доброта индивидуальной или коллективной, бывает ли любовь личной или безличной; принадлежит ли разум вам, мне или кому-нибудь другому? Если это нечто такое, что принадлежит вам или мне, тогда это не разум, не любовь, не доброта. Если доброта представляет собой индивидуальное или коллективное предприятие, соответствующее чьему-то особому предпочтению или решению, тогда это более не доброта. Доброта находится не на задворках индивидуальности; ее нет и в открытом поле коллектива; доброта расцветает только в свободе от обоих. Когда существует доброта, любовь и разум, тогда действие совершается вне понятий индивидуального или коллективного. Нам недостает доброты, и вот мы делим мир на индивидуальное и коллективное, а далее делим коллектив на бесчисленные группы в соответствии с религией, национальностью и классом. Создав эти разделения, мы пытаемся перекинуть между ними мосты; мы формируем новые группы, которые опять-таки отделены от других групп. Мы видим, что каждая великая религия существует как будто для того, чтобы установить братство человечества, а на самом деле препятствует ему. Мы всегда стараемся реформировать то, что уже разрушено, мы не производим фундаментального искоренения распада, а просто подправляем то, что распадается.

Посетитель: Итак, по-вашему, нам не стоит тратить время на эти бесконечные сделки между индивидуальным и коллективным, на попытки доказать их различие или сходство? Вы утверждаете, что дело только в доброте, любви и разуме, а эти факторы выходят за пределы индивидуального или коллективного?

Кришнамурти: Да.

Посетитель: Следовательно, подлинный вопрос в том, как любовь, доброта и разум могут действовать в повседневной жизни.

Кришнамурти: Если они действуют, тогда вопрос об индивидуальном и коллективном является академическим.

Посетитель: Как же они могут действовать?

Кришнамурти: Они могут действовать только во взаимоотношениях. Поэтому первое, что необходимо, — это осознавать свои взаимоотношения с каждой вещью и с каждым человеком, видеть, как в этих взаимоотношениях рождается и действует "я". Это "я" является и коллективным, и индивидуальным; именно это "я" разделяет; именно это "я" действует коллективно или индивидуально; именно это "я" создает небеса и преисподнюю. Осознавать его — значит понять его. И если вы поняли "я", ему пришел конец. А окончание "я" — это и есть любовь, доброта и разум.

Глава XXXI. МЕДИТАЦИЯ И ЭНЕРГИЯ

Посетитель: Сегодня утром мне хотелось бы более глубоко рассмотреть значение медитации, открыть ее истинный смысл. Я практиковал многие ее формы, в том числе немного занимался медитацией дзен. Есть разные школы, которые учат осознанию, но все они кажутся довольно поверхностными; поэтому нельзя ли нам оставить все это в стороне и углубиться в вопрос?

Кришнамурти: Нам нужно оставить в стороне и все понятия об авторитете, так как в медитации любая форма авторитета, как своего собственного, так и чужого, становится помехой и препятствием для свободы – препятствием для свежести, для новизны. Итак, необходимо полностью отбросить авторитет, согласование, подражание. Иначе вы становитесь очень тупым и глупым; в таком образе действий нет свободы. Ваш прошлый опыт также может повести вас по особому пути, направить вас в какую-то сторону, установить для вас новый путь; поэтому даже и он должен исчезнуть. Только тогда человек окажется в состоянии погрузиться в это очень глубокое и чрезвычайно важное явление, называемое медитацией. Медитация представляет собой сущность энергии.

Посетитель: Много лет я старался следить за тем, чтобы не сделаться рабом авторитета какого-нибудь человека или образца. Конечно, для меня существует опасность самообмана; но по мере нашего движения вперед, я надеюсь это выяснить. И вот, когда вы говорите, что медитация представляет собой сущность энергии, что вы понимаете под словами "энергия" и "медитация"?

Кришнамурти: Каждое движение мысли, каждое действие требует энергии. Все, что вы делаете или думаете, потребляет энергию; и эта энергия может рассеиваться в конфликте, в разного рода ненужных мыслях, в эмоциональных стремлениях, в сентиментальных действиях. Энергия растрачивается впустую в конфликте, который возникает в двойственности, в существовании "я" и "не-я", в разделении между наблюдателем и объектом наблюдения, между мыслителем и мыслью. Когда более нет такой траты энергии, тогда она обнаруживает некоторое особое качество, которое можно назвать осознанием. Осознание свободно от оценки, от решения, осуждения или сравнения; существует только внимательное наблюдение, способность видеть вещи во внутренней и внешней сфере точно такими, каковы они есть, без вмешательства мысли, которая есть прошлое.

Посетитель: Я нахожу это весьма трудным для понимания. Если бы совсем не было никакой мысли, разве можно было бы узнать дерево, свою жену или соседа? Разве узнавание не является необходимым, когда вы смотрите на дерево или на женщину в соседней комнате?

Кришнамурти: Необходимо ли узнавание, когда вы наблюдаете дерево? Когда вы смотрите на это дерево, говорите ли вы себе, что это дерево, или вы просто смотрите? Если вы начнете узнавать в нем дуб, вяз или манго, тогда прошлое помешает прямому наблюдению. Точно так же, когда вы смотрите на свою жену, если вы на деле смотрите на нее с воспоминаниями о неприятностях или удовольствиях, вы в действительности смотрите не на нее, а на ее образ в вашем уме. Он и препятствует прямому восприятию; прямое восприятие не требует узнавания. Конечно, внешнее узнавание жены, детей: дома или соседа необходимо; но зачем при этом должно иметь место вмешательство прошлого в действие глаз, ума и сердца? Разве оно не мешает вам ясно видеть? Когда вы осуждаете что-то или имеете о чем-то некоторое мнение, это мнение, эта предвзятость искажают наблюдение.

Посетитель: Да, я это понимаю. Действительно, более тонкая форма узнавания вносит искажения, и я вижу это. Вы говорите, что все мысленные помехи вызывают трату энергии, что нужно наблюдать без какой-либо формы узнавания, осуждения, умозаключения, наблюдать без наименования, ибо наименование, узнавание, осуждение представляют собой трату энергии. Логически и практически это можно понять. Затем имеется и следующий пункт – разделение, отдельность, вернее, как вы часто называете это в своих беседах, пространство наблюдения; именно оно создает двойственность. Вы говорите, что и это вызывает трату энергии, порождает конфликт. Я нахожу логичным все сказанное вами, но также нахожу чрезвычайно трудным устранить это пространство, установить гармонию между наблюдателем и объектом наблюдения. Как же это сделать?

Кришнамурти: Нет, пожалуйста, никаких "как". "Как" означает систему, метод, практику, а все это становится механическим. Опять-таки нам приходится избавляться от смысла слова "как".

Посетитель: Возможно ли это? Я знаю, что слово может содержать в себе будущее, может содержать усилие, стремление создать гармонию; но ведь некоторые слова необходимы. Я надеюсь, что мы сумеем выйти за пределы таких слов; итак, можно ли установить единение между наблюдателем и тем, что он наблюдает?

Кришнамурти: Наблюдатель всегда отбрасывает свою тень на то, что он

наблюдает. Поэтому необходимо понять структуру и природу наблюдателя, а не то, как установить единение между ним и объектом. Нужно понять движение наблюдателя; и, может быть, в таком понимании наблюдатель перестанет существовать. Мы должны рассмотреть, что такое наблюдатель: это прошлое со всеми его воспоминаниями, сознательными и бессознательными, с его расовым наследием, накопленным опытом, который называется знанием, с его реакциями. В действительности наблюдатель представляет собой обусловленное существо. Именно наблюдатель утверждает: "он" и "я"; стараясь предохранить себя, он сопротивляется, стремится к удобству и безопасности, господствует. Затем наблюдатель отделяет себя внешне или внутренне от того, что он наблюдает, принимает себя за что-то другое. Это создает двойственность, а из двойственности вытекает конфликт, который является тратой энергии. Чтобы осознать этого наблюдателя, его движение, его эгоцентрическую деятельность, его утверждения, его предвзятые мнения, необходимо осознавать все эти бессознательные движения, которые строят сепаратистское чувство отдельности от объекта наблюдения. Все это нужно наблюдать без какой-либо формы оценки, без приязни или неприязни, просто наблюдать за ним в повседневной жизни, в его взаимоотношениях. Когда такое наблюдение бывает ясным, разве тогда не появляется свобода от наблюдателя?

Посетитель: Сэр, вы говорите, что в действительности наблюдатель является собой "я"; что пока это "я" существует, оно должно сопротивляться, разделять, отделять, потому что в таком разделении и отделении оно чувствует себя живым. Противодействие и борьба придают ему жизненность, и оно привыкает к битве; таков его образ жизни. И вы говорите, что это "я", эту самостоятельную сущность, необходимо растворить при помощи наблюдения, в котором нет ни приязни, ни неприязни, нет мнения, нет суждения, а только одно наблюдение этого "я" в действии? Но разве такая вещь действительно возможна? Могу ли я смотреть на себя с подобной полнотой и точностью, без искажения? Вы говорите, что когда я по-настоящему смотрю на себя так ясно, тогда это "я" совсем не движется? И вы говорите, что это – часть медитации?

Кришнамурти: Конечно. Это и есть медитация.

Посетитель: Несомненно, такое наблюдение требует необычайной самодисциплины.

Кришнамурти: Что вы называете самодисциплиной? Имеете ли вы в виду дисциплинирование личности при помощи смиренной рубашки? Или речь идет об изучении этой личности, которая утверждает, господствует, которая честолюбива, полна насилия и тому подобного, – говорите ли вы об ее изучении? Учение само по себе есть дисциплина; и это слово – "дисциплина" – значит "ученье". И когда существует ученье, а не накопление, подлинное ученье, для которого требуется внимание, – такое ученье приносит свою собственную ответственность, собственную деятельность; так что тогда не существует какой-либо дисциплины, как чего-то навязанного извне. Когда имеет место ученье, тогда нет подражания, нет приспособления, нет авторитета. Если вы подразумеваете под дисциплиной именно это, тогда согласитесь, что при такой дисциплине, конечно, существует свобода, чтобы учиться!

Посетитель: Вы заводите меня слишком далеко и, может быть, чересчур глубоко, и я не в состоянии следовать за вами в том, что касается вопроса об ученье. Я вижу ясно, что личность, как наблюдатель, должна прийти к концу. Логически это так, и тогда не должно быть никакого конфликта; это вполне ясно. Но вы говорите, что само такое наблюдение и есть ученье, а ведь в учении всегда существует накопление, такое накопление представляет собой прошлое. Ученье является процессом прибавления; а вы, по-видимому, придаете ему совершенно другой смысл. Из того, что я понял, мне кажется, что вы говорите, что ученье – это постоянное движение без накопления. Так ли это? Может ли быть ученье без накопления?

Кришнамурти: Ученье есть самостоятельное действие. Обычно происходит так, что, изучив нечто, мы действуем на этом основании. Поэтому имеется разделение между прошлым и действием, и отсюда возникает конфликт между тем, что было, и тем, что есть. А мы говорим, что действие может проявляться именно в самом движении ученья; иными словами – ученье есть действие; и вопрос не в том, чтобы изучить нечто, а затем действовать. Очень важно это понять, потому что изучение чего-то и действие исходя из этого накопления представляет собой подлинную природу "меня", "я", личности – или любого наименования, какое вы пожелаете дать этому феномену. Это "я" есть настоящая суть прошлого; и вот прошлое обрушивается на настоящее и продвигается далее в буду-

щее. В этом заключено постоянное разделение. А. когда существует учение, происходит непрерывное движение, и нет накопления, которое могло бы сделаться "я".

Посетитель: Но ведь в области техники накопление знания должно иметь место. Не располагая знанием, нельзя летать через Атлантический океан, управлять автомобилем или даже делать большую часть обычных ежедневных дел.

Кришнамурти: Разумеется, сэр, это невозможно; такое знание абсолютно необходимо. Но мы беседуем о психологической области, в которой действует "я". Это "я" может использовать и техническое знание, чтобы достичь чего-то, скажем, занять какую-то должность, завоевать престиж. "Я" может пользоваться таким знанием для обычных функций; но если "я" вмешивается в процесс функционирования, все начинает идти по ошибочному пути, потому что "я" при помощи технических средств ищет себе положения. Так что "я" интересуют не просто знания в области науки: оно пользуется ими, чтобы достичь чего-то другого. Это подобно тому, как музыкант использует фортепиано, чтобы стать известным. То, что его заботит, — это слава, а не красота музыки сама по себе или в себе. Мы не говорим, что нам нужно избавиться от технического знания; наоборот, чем больше технических знаний, тем лучше будут условия жизни. Но в тот момент, когда им пользуется "я", дело начинает идти неправильно.

Посетитель: Я думаю, что начинаю понимать ваши слова. Вы придаете слову "ученье" совершенно иной смысл, иное измерение, и этот смысл прекрасен. Я начинаю схватывать его. Вы говорите, что медитация — это движение учения, и в этом заключается свобода изучать все: не только медитацию, но и свой образ жизни, свои побуждения, еду, разговоры — все подряд.

Кришнамурти: Как мы сказали, сущность энергии есть медитация. Выразим это по-иному: пока есть медитирующий, нет медитации. Если он пытается достичь какого-то состояния, описанного другими, или какой-то вспышки переживания...

Посетитель: Разрешите прервать вас, сэр; итак, вы говорите, что ученье должно быть непрерывным потом, линией без всякого разрыва, так чтобы оно шло вместе с действием, чтобы ученье и действие были постоянным движением? Я не знаю, какое слово употребить, но уверен, что вы поймете, что я хочу сказать. В тот момент, когда между медитацией, ученьем и действием имеется разрыв, этот разрыв становится дисгармонией, конфликтом. Там существуют наблюдатель и объект наблюдения, а с ними и проблема траты энергии. Это и есть то, что вы говорили?

Кришнамурти: Да, я имею в виду именно это. Медитация не есть состояние; это движение, как и действие, является движением. И, как мы только что сказали, если мы отделяем действие от учения, тогда между ними появляется наблюдатель. Потом он приобретает особую важность, используя действие и ученье ради других мотивов. И когда мы понимаем это очень ясно, в одном гармоничном движении действия, учения и медитации, тогда нет траты энергии; и в этом заключается и красота медитации. Есть лишь одно движение. Учение гораздо важнее медитации или действия. Чтобы учиться должна существовать полная свобода — не только в сознании, но и глубоко внутри, — тотальная свобода. А в свободе это движение учения, действия и медитации проявляется как некое гармоничное целое. Слово "целый" означает и "здоровье" и "святость". Итак, ученье священно, священно действие, священна медитация. Поистине, это дело свято, и красота заключена в нем самом, а не вне его.

Глава XXXII. ОКОНЧАНИЕ МЫСЛИ

Посетитель: Мне хотелось бы знать, что вы на самом деле понимаете под окончанием мысли. Я разговаривал об этом с одним моим другом, и он сказал, что это — какой-то вид восточной ерунды. Для него мысль есть высочайшая форма разума и действия, истинная соль жизни, ее необходимейший элемент. Она создала цивилизацию, на ней основаны все взаимоотношения. Мы все, от величайшего мыслителя до самого скромного работника, согласны с этим отношением к мысли. Когда мы не мыслим, мы спим, грезим или просто ведем растительную жизнь, остаемся рассеянными, вялыми, непродуктивными; тогда как в состоянии бодрствования мы думаем, работаем, живем, ссоримся; и мы знаем только два эти состояния. Вы говорите, что надо выйти за пределы их обоих, за пределы мысли и пустого бездействия. Что вы хотите этим сказать?

Кришнамурти: Выразим все очень просто: мысль есть ответ памяти, прошлого. Это прошлое есть то, что происходило бесконечно давно или секунду назад. Когда действует мысль, это действует прошлое, как память, опыт, знание, случай. Вся вея представляет собой желание, основанное на прошлом и направленное к удовольствию или к тому, чтобы избежать страдания. Когда функционирует мысль, это есть прошлое; это прошлое живет в настоящем, видоизменяя себя и настоящее. И вот при таком образе действий в жизни не происходит ничего нового; а когда необходимо найти что-то новое, мысль должна отсутствовать, ум не должен быть охвачен суматохой мысли, страха, удовольствия и тому подобного. Лишь в том случае, если ум свободен от суесть, может проявиться новое; и по этой причине мы говорим, что мысль должна находиться в покое и действовать только тогда, когда это нужно, — объективно и эффективно. Всякая непрерывность есть мысль; а когда существует непрерывность, тогда нет ничего нового. Понимаете ли вы, как это важно? Поистине, здесь вопрос самой жизни: или вы живете в прошлом, или живете совершенно по-иному. В этом все дело.

Посетитель: Я думаю, что мне действительно понятно, что вы имеете в виду; но как же все-таки положить конец мысли? Когда я слушаю пенье птицы, появляется мысль, и она моментально говорит мне, что это дрозд; когда я иду по улице, мысль говорит мне об этом и рассказывает обо всем, что я вижу и узнаю; когда я привожу в действие механизм отсутствия мысли, опять-таки в эту новую игру играет сама мысль. Любой смысл, любое понимание есть мысль. Даже когда я ни с кем не общаюсь, я общаюсь с самим собой; в бодрственном состоянии я думаю; я думаю и тогда, когда сплю. Вся структура моего существа — это мысль. Ее корни лежат гораздо глубже, нежели мне известно. Все, что я думаю и делаю, все, чем я являюсь, есть мысль; мысль создает удовольствие и страдание, склонности, влечения, решения, умозаключения, надежды, страхи и вопросы. Мысль совершает убийство — и мысль прощает. Так как можно выйти за ее пределы? Разве это опять-таки не сама мысль стремится выйти за пределы мысли?

Кришнамурти: Мы оба сказали, что когда мысль спокойна, может произойти нечто новое. Оба мы ясно увидели этот пункт. Ясное его понимание и есть окончание мысли.

Посетитель: Но такое понимание — тоже мысль.

Кришнамурти: Разве? Вы предполагаете, что это мысль, но так ли это?

Посетитель: Это умственное движение со смыслом, некоторое сообщение себе.

Кришнамурти: Если это сообщение самому себе, то здесь налицо мысль. Но разве понимание — это умственное движение со смыслом?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Смысл слова и понимание этого смысла есть мысль. В жизни она необходима. Там ей нужно эффективно функционировать. Это вопрос техники. Но вы спрашиваете не об этом. Вы спрашиваете, каким образом мысль, которая являет собой самое движение жизни в известной вам форме, — каким образом эта мысль может прийти к концу. Может ли она прийти к концу лишь тогда, когда вы умрете? Ведь это и есть ваш подлинный вопрос, не правда ли?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Это правильный вопрос. Умрите же! Умрите для прошлого, для традиции!

Посетитель: Но как?

Кришнамурти: Мозг есть источник мысли. Мозг есть материя, и мысль — это материя. Может ли мозг со всеми своими реакциями и немедленными ответами на каждый вызов и каждое требование — может ли этот мозг быть весьма спокойным? Это вопрос не об окончании мысли, а лишь о том, в состоянии ли мозг быть полностью спокойным? Может ли он при необходимости действовать с полнотой своих способностей, а в другое время быть тихим? Такая тишина не есть физическая смерть.

Посмотрите, что происходит, когда мозг бывает полностью спокоен. Посмотрите, что происходит.

Посетитель: В этом пространстве находился черный дрозд, зеленое дерево, синее небо; какой-то человек в соседней комнате стучал молотком;

в деревьях шумел ветер; раздавались удары моего сердца, а тело ощущало полнейшее спокойствие. Вот и все.

Кришнамурти: Если имело место узнавание черного дрозда, который пел песню, тогда мозг оставался активным, он истолковывал происшедшее. Он не был спокоен. Поистине, это требует огромной бдительности и дисциплины – это наблюдение, которое приносит свою собственную дисциплину, не навязанную извне, не созданную вашим бессознательным желанием добиться какого-то результата или какого-то приятного нового переживания. Поэтому в течение всего дня мысль должна действовать эффективно и здраво – а также наблюдать за собой.

Посетитель: Это не трудно; а как насчет того, чтобы выйти за ее пределы?

Кришнамурти: Кто задает этот вопрос? И что он означает: исследование или желание пережить нечто новое? Если это исследование, тогда вы должны исследовать и изучать весь механизм мышления, взятый в его целостности, ознакомиться с ним полностью, знать все его приемы и хитрости. Если вы сделали это, вы узнаете, что вопрос о выходе за пределы мысли – пустой вопрос. Выйти за пределы мысли – это знать, что такое мысль.

Глава XXXIII. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Посетитель: Я – реформатор, общественный деятель. Увидев необычайную несправедливость, которая существует в мире, я посвятил реформам всю свою жизнь. Когда-то я был коммунистом; но я более не могу идти с коммунизмом, ибо он кончился тиранией. Тем не менее, я все еще предан идее реформирования общества, так чтобы человеку можно было жить с достоинством, в красоте и свободе, реализовывать те потенции, которыми его как будто одарила природа и которые всегда представляются украденными им у его же собрата-человека. В Америке существует своеобразная свобода, однако там очень сильны стандартизация и пропаганда – и все эти массовые средства воздействия оказывают на ум огромное давление. Кажется, что власть телевидения, это механической вещи, изобретенной человеком, проявляет свою собственную волю, собственную личность, свое собственное развитие. Хотя, по всей вероятности, еще никто, пожалуй, даже ни одна группировка, не пользуется им для преднамеренного влияния на общество, его основное направление формирует самые глубокие слои души наших детей. То же самое, хотя и в разной степени, имеет место во всех демократических странах. В Китае как будто нет никакой надежды на достоинство и свободу человека, тогда как в Индии правительство остается слабым, пораженным коррупцией, неэффективным. Мне кажется абсолютно необходимым изменить всю социальную несправедливость в мире. Я страстно желаю что-нибудь сделать в этом направлении, однако я не знаю, с чего начать, откуда приступить к делу.

Кришнамурти: Реформа нуждается в последующей реформе, и этот процесс не имеет конца. Поэтому давайте посмотрим на все по-другому. Давайте целиком отбросим всякую мысль о реформах, давайте вытравим ее из нашей крови. Давайте полностью забудем эту идею – желание реформировать мир. Затем давайте по-настоящему посмотрим на то, что происходит во всем этом мире. Политические партии всегда имеют какую-нибудь ограниченную программу, которая, даже будучи выполнена, неизбежно приносит зло; а затем нам опять приходится исправлять это зло. Мы все время говорим о политическом действии, как о самом важном действии; но политическое действие не дает нам выхода из положения. Давайте выбросим его из головы. В эту категорию входят все социальные и экономические реформы. Затем существует религиозная формула действия, основанная на вере, идеализме, догматизме, приспособлении к некоторому так называемому божественному завету. При этом подразумевается принятие авторитета, повиновение и полное отрицание свободы. Хотя религии говорят о мире на земле, они способствуют беспорядку, потому что сами являются факторами разделения. Церкви также всегда во все времена кризиса занимали какую-то политическую позицию, так что в действительности они представляют собой политические партии; а мы уже видели, что любое политическое действие вносит разделение. Церкви никогда по-настоящему не отрицали войну, наоборот, они вели войну. И вот, когда мы отбрасываем религиозные средства, как отбрасываем и политические формулы, – что тогда остается, как нам быть? Естественно, сохранить гражданский порядок необходимо: вам нужно иметь воду в кранах. Если вы разрушите гражданский порядок, вам придется начинать с начала. Итак, что же делать?

Посетитель: Именно это я в действительности спрашиваю у вас.

Кришнамурти: Займитесь коренной переменой, тотальной революцией. Единственная революция – это революция во взаимоотношениях между человеком и другим человеком, между людьми. Это и есть наша единственная задача. В такой революции нет схем, нет идеологий, нет концептуальных утопий. Нам необходимо взять факт подлинных взаимоотношений между людьми и полностью его изменить. Это – реальная вещь. И эта революция должна быть немедленной, она не должна требовать времени. Она не достигается благодаря эволюции, которая есть время.

Посетитель: Что вы имеете в виду? Все исторические перемены происходили в течение некоторого времени; ни одна из них не была немедленной. Вы предлагаете нечто совершенно непостижимое.

Кришнамурти: Если вам для перемены требуется время, как вы полагаете: остановится ли жизнь на то время, которое нужно для перемены? Нет, она не остановится. Все, что вы стараетесь изменить, изменяется лишь поверхностно и увековечивается окружением и самой жизнью. Поэтому здесь не видно конца. Это все равно, что пробовать очистить резервуар, постоянно заливая его грязной водой. Так что время для этой цели не годится.

Что же тогда должно вызвать эту перемену? Не решимость, не воля, не выбор, не желание, – потому что все это представляет собой часть того существа, которое необходимо изменить. Итак, нам необходимо задать вопрос: что действительно возможно сделать, не обращаясь к действиям воли и утверждения, которые всегда являются действиями конфликта?

Посетитель: Разве существует какое-либо действие, которое не является действием воли и утверждения?

Кришнамурти: Вместо того, чтобы задавать такой вопрос, давайте еще более углубимся в нашу тему и посмотрим на следующее обстоятельство: в действительности как раз только действие воли и утверждения вообще нуждаются в перемене, потому что единственное зло во взаимоотношениях – это конфликт между индивидами и внутри индивидов, который именно и есть проявление воли и утверждения. Жить без такого действия вовсе не значит жить растительной жизнью. Конфликт является нашей главной заботой. Все упомянутые вами социальные бедствия суть проекции этого конфликта в сердце каждого человека. Единственно возможная перемена – это коренное преобразование вас самих во всех наших взаимоотношениях; и она должна произойти не в каком-то туманном будущем, а сейчас же.

Посетитель: Но как смогу я полностью искоренить этот конфликт внутри себя, это противоречие, это сопротивление, эту обусловленность? Умом я понимаю то, что вы хотите сказать; но я могу перемениться лишь тогда, когда я со всей страстью ощущаю необходимость перемены; а я сейчас этой необходимости не ощущаю. Для меня это лишь идея, я не понимаю сказанного всем своим сердцем. Если я пытаюсь действовать на это интеллектуальное понимание, я оказываюсь в конфликте с другой, более глубокой частью самого себя.

Кришнамурти: Если вы по-настоящему, страстно ощущаете это противоречие, тогда само такое восприятие и есть революция. Если вы видите это разделение внутри самого себя, если вы действительно видите разделение между умом и сердцем, – а не теоретически представляете, – тогда проблема приходит к концу. Человек, который относится к миру со страстью, который чувствует необходимость перемены, должен быть свободен от груза времени, свободен от тяжести прошлого, свободен от всякого действия воли. Это – новый человек. И только это будет социальной, психологической и даже политической революцией.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

